

ЖЕРТВЫ АНГЕЛЬСКОГО ЧИНА

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
УЧЕННЫЕ (НЕ)МОНАХИ	2
ТРУЖЕНИК РЕВНОСТНЫЙ И НЕУДАЧНИК.....	2
«ВЫХОДОМ ИЗ МОНАШЕСТВА И ВСТУПЛЕНИЕМ В БРАК СНЯЛ МОНОПОЛИЮ СПАСЕНИЯ У МОНАШЕСТВА»	13
БРАТИЯ	21
МОНАСТЫРЬ И ЕГО ЖЕРТВЫ	21
АМВРОСИЙ	22
ПАХОМИЙ	26
АВКСЕНТИЙ	31
ВСЕ СДЕЛАЛ ПРАВИЛЬНО: ПУТЬ В МИР БЫВШЕГО БЛАГОЧИННОГО МОНАСТЫРЯ	37
КАК НАЙДУ РАБОТУ, КОТОРАЯ ОБЕСПЕЧИТ МНЕ ЖИЛЬЕ И ХЛЕБ — УЙДУ	37
БРЕВНО В ЧУЖОМ ГЛАЗУ	40
НАДО ПРИНИМАТЬ ПРАВИЛА СИСТЕМЫ, А НЕ ВЫЕЖИВАТЬСЯ С ЕВАНГЕЛИЕМ В РУКАХ.....	42
«ВСЕ СДЕЛАНО ПРАВИЛЬНО»: ЗАМЕТКИ РАССТРИГИ	52
ЦЕРКОВНЫЙ БОНСАЙ	55
ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЕТОВ — НАКАЗАТЬ С НАРУШЕНИЕМ КАНОНОВ	65
О «ТАЙНЫХ МИРЯНАХ» И О БРАКАХ С БЫВШИМИ МОНАХАМИ	66
ЕПАРХИАЛЬНЫЕ МОНАХИ.....	72
УНЫНИЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАХ, ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА И НЕНУЖНОСТИ — ВОТ ЧТО ДАЛ МНЕ МОНАСТЫРЬ.....	80
ИСПОВЕДЬ БЛУДНИЦЫ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ ИГУМЕНА-ДОБРОХОТА.....	83
ЧАДА И ПАСЫНКИ: ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ МОНАШЕСКОЙ	87
СЕСТРЫ	94
ИНВАЛИДЫ ДУХОВНОЙ ВОЙНЫ.....	94
«САМОЕ ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — ЭТО СВОБОДА», ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ЖЕНСКОМ МОНАШЕСТВЕ	106
МОЛИТВЕННЫЙ МАРКЕТИНГ	123
КАКОЙ ЛЮБВИ ТЫ ХОЧЕШЬ? ДАЖЕ НЕ МЕЧТАЙ: ИНТЕРВЬЮ С БЫВШЕЙ ПОСЛУШНИЦЕЙ ...	127
О МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ ПОД НОВЫМИ УГЛАМИ	143
ВМЕСТО БОГА — МОНАСТЫРЬ И МАТУШКА	151
СВОБОДА ВМЕСТО МОНАСТЫРЯ И МАТУШКИ.....	169
Я НЕ ЖАЛЕЮ О ТОМ, ЧТО УШЛА	172
«ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТВОЯ МАМА БЫЛА ЖИВА, ЗДОРОВА, ОСТАВАЙСЯ У НАС ДО КОНЦА»..	177
СТРАШНА САМА МОНАСТЫРСКАЯ СИСТЕМА	189

СТАРЦЫ	194
ОТЕЦ НАУМ И ЕГО ЧАДИЯ	194
ВОСПИТАННЫЕ СТАРЦАМИ	207

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы собрали в один сборник лучшие материалы «Ахиллы» о монашестве. Отличительная особенность большинства текстов – авторы сами чаще всего были насельниками монастырей РПЦ, а потом вышли из них и живут в *миру*.

Мы сомневаемся, что существует хотя бы одна подобная книга в России, в которой были бы собраны честные рассказы о внутренней жизни «возрожденных» обителей Русской Православной Церкви. Есть книга Марии Кикоть «Исповедь бывшей послушницы», но это хоть и замечательное, но свидетельство лишь одного человека, а здесь собраны истории разных людей. Надеемся, этот сборник будет полезен читателям и, возможно, кого-то остановит в его поспешном стремлении принять *ангельский чин*.

УЧЕНЫЕ (НЕ)МОНАХИ

ТРУЖЕНИК РЕВНОСТНЫЙ И НЕУДАЧНИК

Ксения Волянская

Сын бедного пьющего чувашского дьячка, постриженный в монахи из-за несчастной любви, первый раз наказанный духовным начальством за то, что под видом келейника держал при себе любовницу — беглую крепостную; начальник пекинской духовной миссии, сосланный на Валаам за «злоупотребления и развратное поведение»; один из основоположников русской синологии, выдающийся китаевед и переводчик, неоднократный лауреат Демидовской премии, член-корреспондент императорской академии наук, почетный иностранный член Парижского Азиатского общества, знакомец Пушкина и Зинаиды Волконской, друг знаменитого историка Михаила Погодина и декабриста Николая Бестужева — все это Никита Яковлевич Бичурин, в монашестве Иакинф.

В 80-е годы XX века востоковед Владимир Кривцов написал роман, посвященный Бичурину, в предисловии к которому, отдавая дань советской идеологии, писал о своем герое как об «убежденном атеисте и вольнодумце, по печальной иронии судьбы всю жизнь связанном с церковью и самой мрачной ее ветвью — монашеством». Судя по воспоминаниям современников, вольнодумцем его действительно можно назвать, но вот выводы о его атеизме, конечно, поспешны. Впрочем, могла ли выйти в СССР книга, посвященная монаху-ученому, без такого идеологически выверенного предисловия?

Н. Моллер (к сожалению, имя ее неизвестно), которая называла отца Иакинфа — двоюродного дядю своей матери — просто дедушкой, помнила его с раннего детства, и оставила о нем трогательные мемуары, опубликованные в 1887 году. Она вспоминала, что он никогда не постился, «даже запаха постного масла не мог слышать. Если в посту он приезжал к нам во время обеда, то сидел за столом, не касаясь никакого блюда. Когда же ждали его обедать, то готовили для него одного скромные кушанья». Моллер хорошо запомнила привычки о. Иакинфа, который часто подолгу жил в семье своей двоюродной племянницы в поселке Мурино под Петербургом.

«Завтракал дедушка в одиннадцать часов, всегда у себя на балконе и также не смотря ни на какую погоду. Завтрак его был всегда один и тот же — яйца или протокваша, которые он ел всегда без хлеба. За обедом и завтраком выпивал по стакану красного вина. Водку, как мне помнится, не пил, но шампанское очень любил, и у нас пили его при всяком удобном случае. Вообще он ел так мало, что все удивлялись, чем он только живет. После обеда около часа проводил с нами, курил сигару, пил пунш и вел дружескую беседу».

«...Ходил он с палкой, подобную которой мне больше не случалось видеть. Если ее поднять и махнуть ею сверху вниз, то из конца ее выскакивал довольно большой кинжал. Эту палку он привез из Китая и прятал ее далеко от детей, никогда не забывая ее у нас».

Моллер рисует удивительно симпатичный образ своего любимого дедушки:

«Называл он меня: „моя махонькая, козочка, золотая курочка“, но чаще „махонькая“. Он исполнял все мои детские прихоти и никогда ни в чем не отказывал.

Наша мать хотя и была характера веселого, беспечного, но очень настойчива. С детьми же она обращалась строго, почти деспотически. За каждую ничтожную шалость наказывала, а за более крупную даже и секла.

Дедушка не любил и сердился всегда, когда наказывали детей, в особенности терпеть не мог розог.

Помню, бывали крупные разговоры между ним и матерью по поводу наказания детей. Он горячился, бранился и доказывал, что наказывать детей не следует и в Китае их никогда не наказывают, а между тем все китайцы умные и хорошие люди.

Если, приехав к нам, он заставлял кого-либо из детей наказанным, он тотчас же настаивал на прощении.

Если же это было пред обедом, он не садился за стол до тех пор, пока провинившийся не был прощен, и сажал его обыкновенно около себя».

Когда «махонькая» повзрослела, мать рассказывала ей о дедушке забавные истории. Например, о том, как, переодевшись купцом и покрасив бороду, он ездил в театр на балет «Дива Дуная», где блистала известная итальянская танцовщица, а потом таким же тайным манером и в оперу. «Да и что он за монах, сама видишь; не постится, в церковь не ходит, даже лба путем не перекрестит, а монашеское все — просто ненавидит. Зато ученый вышел из него известный. (...) Много трудился он на своем веку, но и надурил не мало...»

Разноречивы отзывы об отце Иакинфе. Но понятно, что он был прежде всего ученым, исследователем, монашество его было следствием «романического» порыва, а не обдуманном шагом, оно тяготило его. Был если не атеистом, конечно, то во всяком случае малоцерковным и сомневающимся точно. По версии матери Н. Моллер романическая история состояла в следующем: по окончании курса Казанской духовной академии он и его двоюродный брат полюбили одну и ту же девушку, оба ухаживали за ней, но никому из них она не оказывала предпочтения. Тогда они решили, чтобы не ссориться и сохранить дружбу — сделать предложение вместе. Тот, который будет выбран, женится, а другой пойдет

в монахи. Никита проиграл. Исполняя уговор, принял монашество в 22 года, и стал Иакинфом.

Фамилию Пичуринский он получил в семинарии — по названию села, в котором служил его отец, позже уже сам переименовал ее на «Бичурин». Интересно, что родные братья, обучавшиеся в Казанской семинарии, получали разные фамилии. Так, младшему брату Никиты Илье дали фамилию Фениксов.

Никита Бичурин был одним из лучших учеников семинарии, а потом и Академии, в которую она была преобразована, окончил ее, зная четыре языка — древнегреческий, латынь, французский и немецкий. Год преподавал грамматику в Академии, потом постригся в монахи, через несколько дней возведен в сан иеродиакона, еще спустя месяц — иеромонаха. Нам сегодня кажется, что пострижение и рукоположение юнцов — примета нашего времени, но нет — Иакинф стал иеромонахом в 23 года. Правда, при возведении его в сан иеродиакона в метрике был записан возраст в 30 лет — так были «соблюдены» каноны.

Уже через год молодой иеромонах стал архимандритом, настоятелем Вознесенского монастыря в Иркутске и ректором Иркутской семинарии. Головокружительной духовной карьере Иакинф был обязан своему покровителю — митрополиту Амвросию (Подобедову), который приметил талантливого юношу еще в семинарии. Злые языки причину такого покровительства видели в том, что Иакинф был якобы незаконнорожденным сыном владыки, что, конечно, совершенно фантастично.

В Иркутской семинарии о. Иакинф учредил богословский класс и ввел преподавание светских дисциплин, довольно резко принялся реформировать порядки. Точно неизвестно, что вызвало недовольство семинаристов, но они стали шпионить за ректором и обнаружили, что под видом келейника он держит в келье женщину. Последовали беспорядки (наверняка под лозунгом «и этот человек учит нас не ковырять в носу»), была вызвана караульная команда, началось следствие, которое длилось три года.

Автор книги о Бичурине Владимир Кривцов, изучивший множество архивных документов, посвятил несколько глав своего романа истории отношений о. Иакинфа и крепостной девушки Натальи. Она сбежала от сластолюбивого прапорщика Харламова, была найдена юным иеромонахом в снегу,

с вывихнутой ногой. Он приютил несчастную, а потом и выкупил из неволи. Вероятно, что и сошелся с ней, как обычно бывает в таких случаях, по любви или нет — нам уже не узнать. Но не бросил, возил с собой переодетую мальчиком в качестве послушника Адриана. На следствии Иакинф и Наталья отрицали знакомство друг с другом, потом архимандрит сумел отправить ее в Казань, и, наверно, как-то помог устроиться.

Сам же Иакинф был лишен архимандричьего креста и запрещен в священнослужении, отстранен от управления семинарией и монастырем и отправлен учителем в Тобольскую семинарию.

Не прошло и года, как владыка Амвросий помог своему протеже вернуть сан и стать начальником Пекинской миссии.

Миссия, которую возглавил наш герой, была уже девятой по счету (первая прибыла в Пекин еще в 1716 году). Православных албазинцев, которых он должен был укреплять в православии, было 35 человек, и, судя по тому, что через 12 лет их осталось 22 человека, особого миссионерского успеха Бичурин не добился. Зато оставил заметный след в мировой китаистике.

Занятия китайским языком он начал уже на следующий день после прибытия в Пекин, и тут же узнал, что словарей и пособий в русской миссии нет.

В китайской одежде он ходил по улицам Пекина и, если видел неизвестный ему предмет, просил его владельца назвать его и написать иероглифами это название. Далее учитель-китаец проверял правильность написания и произношения. Иакинф познакомился со множеством китайцев различных социальных слоев, особенно с чиновниками из правительственных и дипломатических служб и с крестьянами загородных деревень. В итоге Бичуриным был составлен небольшой китайско-русский словарь.

Первый его серьезный труд — перевод «Четверокнижия», свода канонических текстов, который считается введением в конфуцианство. Помимо этого, он сделал черновые переводы нескольких китайских географических и исторических трудов. С 1817 года Иакинф готовил описание Пекина, для составления карты которого исходил все улицы и переулки, перемерив их шагами.

В первое время дела и хозяйство миссии шли благополучно. Но в 1812 году правительство перестало посылать деньги на содержание миссионеров — оно и понятно, началась война. Русским пришлось существовать на скромное

жалование от маньчжурского правительства, но этого не хватало, и они выкручивались, как могли: изучившие язык на должном уровне занялись адвокатурой, другие пустились в торговлю, а третьи — и в азартные игры, остальные требовали денег у своего начальника. Бичурин стал продавать и закладывать церковные вещи, а часть здания, принадлежавшего миссии, сдал в аренду игорному заведению, а по некоторым сведениям — под публичный дом. Потом выяснилось, что начальник миссии последние годы не только почти не служил, но и в церковь редко заглядывал. Иакинф сосредоточился на научной работе и общении с местным населением, а один из камней с митры использовал для ношения на китайской шапочке.

В Пекине о. Иакинф пробыл почти 14 лет. Из Китая он увозил библиотеку, которая была навьючена на 15 верблюдов и весила около 400 пудов (6,5 тонн).

Эти книги составили первооснову китайских собраний Петербурга — Азиатского музея, Публичной библиотеки, университета.

Сразу после возвращения о. Иакинфа в Петербург Синод начал судебное дело о «злоупотреблении и развратном поведении» архимандрита и членов Девятой духовной миссии. К этому времени митрополит Амвросий, покровитель Бичурина, уже скончался, и защитить его было некому.

Синод, не приняв во внимание ученые заслуги Бичурина, лишил его священного сана и сослал в заточение в Валаамский монастырь — навечно, простым монахом. В 1824 году синодальное начальство сподобилось выплатить узнику 4100 рублей — вознаграждение за миссионерскую службу. Игумену монастыря велено было выдать ссыльному 100 рублей, а прочие деньги положить в банк с выплатой процентов «на разные его мелочные надобности, а наипаче на покупку книг».

Настоятель обители оказался гуманным человеком, в результате Иакинф мог позволить себе не тратить время на исполнение монастырского устава, а посвятить его научным занятиям. Через три с небольшим года благодаря хлопотам дипломата и писателя Тимковского, министра иностранных дел графа Нессельроде и Шиллинга, дипломата и востоковеда, Иакинф был отпущен из монастыря и переведен монахом в Александро-Невскую Лавру.

Надо сказать, что шестидесятилетний Бичурин надеялся избавиться от своего монашеского звания. Но если это удалось спустя три десятилетия

архимандриту Феодору Бухареву при Александре II, то при Николае I прошение Бичурина было отклонено, хотя ходатайствовал за него сам Нессельроде. В то время Иакинф состоял переводчиком китайского языка при бароне Шиллинг-фон-Канштате, при экспедиции его в Сибирь на китайскую границу 1830 году. (В той экспедиции, кстати, предполагалось участие Пушкина, но он не получил разрешения императора; за делопроизводство в команде отвечал приятель поэта — литератор В. Д. Соломирский.)

В своем обращении в Синод вице-канцлер писал:

«Находящийся ныне в Восточной Сибири по делам службы монах Иакинф, известный по глубоким познаниям своим в литературе Китая, и доселе не перестающий обогащать наше отечество и самую Европу полезными сведениями на счет государства сего... — обратился в министерство с просьбою о предстательстве, дабы с него сложили монашеское звание, по тому уважению, что, при ученых его занятиях и по свойственным человеку слабостям, он не может с точностью и по совести соблюдать всех обетов монашества и что сан сей препятствует ему в свободном отправлении возлагаемых на него по службе обязанностей».

Синод готов был пойти навстречу странному монаху. Но царь указ не утвердил и распорядился держать Иакинфа по-прежнему в Александро-Невской лавре, «не дозволяя оставлять монашества». Однако пилюлю подсластили — императорским указом Бичурину было назначено жалованье в 1200 рублей в год и еще 300 рублей на письменные принадлежности, необходимые для работы переводчика. В порядке поощрения Министерство иностранных дел иногда выдавало ему единовременные премии.

Это позволило Иакинфу, формально оставаясь монахом, вести вполне светский образ жизни и быть завсегдатаем литературных салонов. Среди его знакомых были Пушкин (сохранилась его запись о том, что «самым достоверным и беспристрастным известием о набеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком»), Одоевский (в своем романе «4338-й год» Одоевский отправляет в путешествие по России китайского студента Цунгуева), Крылов, Панаев и многие другие литераторы.

Панаев так вспоминал о Иакинфе:

«Он обыкновенно снимал в кабинете Одоевского свою верхнюю одежду, оставался в подряснике, имевшем вид длинного семинарского сюртука, и ораторствовал о Китае, превознося до небес все китайское.

Он до того окитаился, вследствие своего долгого пребывания в этой стране, что даже наружностью стал походить на китайца: глаза его как-то сузились и поднялись кверху. Отец Иакинф говорил грубо, резко напирал на букву „о“ и не стеснялся в своих выражениях.

Какой-то светский франт перебил его однажды вопросом:

— А что, хороши женщины в Китае?

Иакинф осмотрел его с любопытством с ног до головы и потом, отворотясь, отвечал хладнокровно:

— Нет, мальчики лучше».

Советские исследователи считали, что мысль о снятии сана возникла у Бичурина после общения с декабристами — Бестужевым и Пущиным. Встретиться они могли в Петровском заводе (ныне г. Петров-Забайкальский), когда Бичурин посещал буддийские монастыри, а декабристы отбывали каторгу. Главным подтверждением их знакомства является акварельный портрет синолога в подряснике, выполненный Н. Бестужевым. Внучка Бичурина рассказывает, как получила в подарок от дедушки железные четки, отлитые Бестужевым из кандалов, при этом он сказал:

«С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их; они мне очень дороги. Был у меня дорогой друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, и этот крестик из его собственных оков и сделан им самим».

На службе в Министерстве он появлялся редко, работал, как правило, в своей келье в Лавре, на лето снимал дачу на Выборгской стороне. В 1840-е годы часто жил в доме родственников в Мурино.

Трудоспособность его была невероятной: он один сделал столько, сколько под силу только целому коллективу китаистов. Десятки научных трудов, переводов, пять словарей (один из них в девяти томах), пятнадцать больших монографий, публицистические статьи и трактаты, кипы рукописей в архивах.

«Иногда он писал с таким увлечением, что его нельзя было оторвать от занятий; забывая еду и сон, он по несколько дней не выходил из комнаты», — вспоминает Н. Моллер.

Мемуары ее написаны с любовью и печалью — о том, что по молодости не понимала масштаб личности любимого деда, что по девическому легкомыслию не успела расспросить его о многом, что не имела возможности ухаживать за ним в последние месяцы его предсмертной болезни. Вот несколько отрывков из этих мемуаров, рисующих образ не показного, а истинного христианина.

«Отец Иакинф пользовался в Мурине большою популярностью и уважением. Его все там знали — как дачники, так и крестьяне — от мала до велика. Крестьяне называли его отец Иким и предание о нем сохранилось между ними до сих пор. По свойственной ему доброте он помогал каждому из крестьян, кто обращался к нему за помощью. Больным, дряхлым, одиноким он сам носил деньги. Были у него и излюбленные нищие, которым по праздникам он давал серебряные монеты. Не только муринские крестьяне, но из всех окрестных деревень приходили к нему за помощью и никому он не отказывал в ней. За то знали его и любили не только в Мурине, но и во всей окрестности».

«Относясь гуманно и сострадательно вообще ко всем крепостным, о. Иакинф всегда был защитником пред отцом и матерью моею в случае провинности кого-либо из наших людей. Когда же он узнавал, что кто-нибудь из них был отправлен в часть для наказания или в рабочий дом для исправления, то возмущался до глубины души и приходил в большое негодование. Он почти тотчас уезжал от нас и не приезжал иногда довольно долго, пока, наконец, забывал об этом обстоятельстве».

«Личность о. Иакинфа была светлая, гуманная, доступная высоким движениям сердца. Он был отзывчив на горе и несчастье ближнего и когда обращались к нему за помощью, он никогда в ней не отказывал. Правда, у него было много странностей и многие считали его чудаком. Он любил браниться как в разговорах, так и в полемике; в выражениях своих не стеснялся и бывал иногда чересчур резок. Люди же, знавшие его близко, извиняли ему эту слабость и любили его искренно, непритворно. Зло, причиненное ему кем бы то ни было, он легко прощал и тотчас же забывал его навсегда».

«Характер вспыльчивый, раздражительный, иногда резкий. Сердце доброе, великодушное. Прямой и простодушный, он никогда не фальшивил и потому терпеть не мог людей лукавых и заискивающих».

Здоровье ученого непрерывно ухудшалось на протяжении 1840-х годов. В 1848-1850-х годах каждое лето он вынужден был проводить в заведении для больных и слабых монахов Александро-Невской лавры в Киновеях. По воспоминаниям Н. Моллер, он сильно постарел и обессилел. Монастырское начальство с трудом удавалось уговорить отпустить о. Иакинфа к родне. Появились признаки деменции: рассеянность, забывчивость.

Тогда же произошел странный инцидент, описанный в воспоминаниях Н. Моллер. Находясь на даче в Мурине, отец Иакинф решил исследовать местность под названием «Чертово болото». Внучка не хотела отпускать его одного, но, как это бывает со стариками, он стал сердиться на излишнюю опеку, сказал, что идет недалеко. Когда он не вернулся к вечеру, родные переполошились, и «чуть не вся деревня встала на ноги, крестьяне, любившие его, целой толпой бросились в лес с фонарями». Нашли его лишь на рассвете следующего дня — без сознания, привязанным к дереву. При этом нетронутыми остались золотые часы с цепочкой и бумажник с 300 рублями. Он был в невменяемом состоянии, и твердил одно и то же: «Перекрестись, перекрестись! Сделай святое знамение!»

Отец Иакинф утверждал, что «его водила нечистая сила, а к дереву привязал леший». Шок был сильным: Бичурин трудом узнавал близких, боялся оставаться один.

Последний раз монастырское начальство отпустило о. Иакинфа пожить у родных зимой 1851 года, а после тяжелого приступа в начале следующего года его забрали в монастырь, в Киновею, куда женщинам вход был воспрещен, а значит, внучка и племянница навещать его не могли. В своей келье он смог принимать посетителей только осенью, подарил внучке к свадьбе деньги и собольи меха, привезенные из Сибири. Потом Моллер очень печалилась, что из-за своего любовного увлечения, а потом и медового месяца редко приезжала к отцу Иакинфу. А когда наконец выбралась к нему после долгого перерыва, застала страшную картину:

«Предо мной, вытянувшись, без движения лежал бедный старик. Исхудалое лицо его было бледно, точно восковое, глаза закрыты. Реденькие, совершенно уже белые, волосы сбились в комки, какие бывают у долго лежащих больных, если их не причесывают. Так много трудившаяся правая рука лежала без малейшего движения».

Слуга, приставленный к старому ученому, не ухаживал за ним, оставлял одного в нетопленной комнате, запирая на ключ. Некоторый порядок был наведен по настоянию родни, но ненадолго. Муж Моллер заболел тифом, ей было не до посещений деда, когда же она наконец приехала к нему — о. Иакинф умирал. Тело было в пролежнях, по постели ползали насекомые, белье в нечистотах.

«Под впечатлением глубокой скорби, бесконечной жалости и обиды за дедушку я рыдала безутешно и не заметила, как в комнату вошел старик монах.

— Зачем вы здесь? Уйдите! — проговорил он сурово, прикасаясь к моему плечу.

— Я внучка, — сквозь рыдания сказала я и посмотрела на него. Лицо его было строго и сурово. Глаза мрачно смотрели на меня.

— У монашествующей братии земных родных не бывает. У них только один Отец Небесный. Зачем пришли вы смущать покой умирающего старца? Уйдите! — также холодно и сурово продолжал он. Слезы душили меня, я хотела встать с колен и не могла. Он подал мне руку и помог.

— Это мой дедушка, он умирает, он просил есть, покормите его, — говорила я прерывающимся от слез голосом.

— Об этом не беспокойтесь. Отец Иакинф уже покончил все земные расчеты, он соборован и его ждет пища небесная. Уйдите же и не смущайте его больше! — проговорил он строгим, повелительным голосом.

Он выждал, пока я оделась, вышел вместе со мною и долго шел молча сзади меня, постукивая своей клюкой по каменному полу коридора».

Ученый скончался в пять часов утра 11 мая 1853 года. О смерти Никиты Яковлевича родные узнали только из газет спустя несколько дней: монастырское начальство не нашло нужным известить их.

На его могиле в Александре-Невской лавре был установлен деревянный крест без эпитафии. Со временем друзья поставили черный мраморный обелиск с надписью: «Иакинф Бичурин. Род. 1777, ум. 1853 г. Мая 11». Между этими надписями, вдоль памятника, по-китайски записана эпитафия: «Труженик ревностный и неудачник, свет он пролил на анналы истории».

«ВЫХОДОМ ИЗ МОНАШЕСТВА И ВСТУПЛЕНИЕМ В БРАК СНЯЛ МОНОПОЛИЮ СПАСЕНИЯ У МОНАШЕСТВА»

Ксения Волянская

«По некоторым сведениям, архимандрит Феодор Бухарев, автор нашумевшей в свое время книги „Православие в отношении к современности“ и запрещенного Издатсоветом толкования на Апокалипсис, оставил монашество и собирается вступить в брак в знак протеста против засилья духовной цензуры. По неподтвержденным пока данным, Синод лишил бывшего архимандрита звания доктора богословия».

Заметка примерно такого содержания в наше время не вызвала бы особого ажиотажа — несколько громких уходов монашествующих из РПЦ мы уже наблюдали, это становится привычным. Но событие, о котором пойдет речь, произошло в 60-е годы аж позапрошлого века, во времена, которые сегодня многим верующим кажутся эпохой процветания и торжества Русской Церкви.

И если в наше время бывший архимандрит от большинства собратьев по вере не получил бы ничего, кроме хамских выпадов, обвинений в предательстве, иудинном грехе, обновленчестве и либерализме, то во второй половине XIX — начале XX века репутация Бухарева как одного из самых ярких русских духовных мыслителей, мученика идеи и человека святой души, могла быть оспариваема лишь одиозными деятелями от духовной публицистики наподобие Аскоченского, которого Василий Розанов назвал диким ослом, топтавшимся в ограде церковной, — таких у нас и сегодня достаточно. Ходила даже легенда, что при встрече с уже не бывшим к тому времени монахом Бухаревым о. Иоанн Кронштадтский поцеловал ему руку.

Русский духовный писатель Александр Бухарев (в монашестве Феодор) родился в Ильин день в 1822 году, в бедной семье сельского дьякона. В детстве Бухарев переболел гепатитом, всю жизнь был очень болезненным. Его друг и любимый ученик протоиерей Валериан Лаврский вспоминал, что когда впервые увидел его в возрасте 32 лет, он уже казался стариком.

Дальнейший его жизненный путь был типичным — Тверская семинария, Московская академия. Незадолго до окончания курса 22-летний Бухарев принял монашество с именем Феодор (о браке он боялся и подумать, по его собственным словам, если ему снились кошмары, то только о том, что его или сватают, или ведут к венцу), и стал подниматься по иерархической лестнице обычным порядком: был пострижен в монахи и на другой день посвящен в иеродиакона, потом в сан иеромонаха и стал преподавать в той же академии. Тогда же он начал писать и «труд своей жизни» — толкование на Апокалипсис.

Нам трудно сейчас это представить, но «Выбранные места из переписки с друзьями», хрестоматийное ныне для православных произведение Гоголя, в то время вызвало не только бурное возмущение передовой общественности, но и подверглось жестокой цензуре. Сочувствуя любимому писателю, Бухарев написал «Три письма Гоголю». Первое из этих писем он представил митрополиту Московскому Филарету, без разрешения которого ни одно духовное лицо не могло напечатать ни одного более или менее серьезного сочинения. Митрополит взял у него статью, но «выразил неудовольствие». После разговора с Филаретом о. Феодор захворал и остался в больнице при Московской Духовной семинарии; отсюда он списался с Гоголем и с этого времени с ним познакомился.

В 1854 году о. Феодор (к тому времени уже архимандрит) перевелся в Казанскую Духовную Академию, где преподавал в течение 4 лет. Протоиерей Лаврский, бывший в то время студентом, а впоследствии ставший другом Бухарева, рассказывал о нем в письме:

«О. Феодор после каждого класса возбуждает о себе большие толки. Вот что я выбрал общего из разных отзывов о нем: он поэт, чувство у него преобладает над рассудком; и потому студенты очень много из его слов не могут принять за истину; но он говорит с таким жаром, с таким глубоким внутренним убеждением, что, пока он говорит, с ним нельзя не согласиться; притом, он — прекрасный диалектик, но самый способ его посылок

и заключений совершенно своеобразен; на все у него свой, чисто субъективный взгляд...»

Наконец, в 1858 году, у Бухарева возникают трения с ректором. О. Феодор подает прошение об увольнении и назначается в комитет духовной цензуры в Петербург. Это считалось понижением, и все знали, что его причина — не то чтобы либеральное, но недостаточно схоластическое преподавание им богословских предметов студентам Академии.

В Петербурге, как и в Казани, он чувствует себя белой вороной. «Меня же ныне уже печатно трактуют как человека, почти враждебного православным. Грустно мне собственно нравственное одиночество, в котором мне почти никто не хочет подать руки искреннего или отчетливого сочувствия. Начальство, сколько мне известно, стоит за моих противников, а не за меня», — делился он в письме другу.

К этому периоду жизни Бухарева относится его встреча в качестве цензора с Добролюбовым, о которой рассказал в своих воспоминаниях племянник о. Феодора:

«Тогда вышла за границу книга „О сельском духовенстве“, вызвавшая сенсацию. По поводу этой книги Добролюбов написал в исключительно обличительном тоне статью в „Современнике“, корректура которой была доставлена для просмотра о. Феодору. (..) Беседа цензора и автора была довольно продолжительной относительно самых основ вопроса вообще о духовенстве, и впоследствии сам Добролюбов говорил мне, что он был удивлен, встретив в цензоре не какого-либо отчаянного клерикала, а столь правдиво настроенного человека по вопросу об улучшении быта духовенства. Удивляло его и то, как при таких воззрениях он продолжал быть монахом...»

О характере о. Феодора отзывались многие мемуаристы, но отчетливее всех лучшие качества Бухарева сформулировала его вдова Анна Сергеевна:

«Что касается личных особенностей Александра Матвеевича, то его особенностью, можно сказать основною чертою его характера, было умение уважать... Люди сороковых годов писали нередко о нравственном долге уважать в человеке образ Божий. Белинский иногда особенно хорошо об этом писал, и это пленяло фантазию многих, хотя у большинства так это и оставалось в области одной фантазии; понятие о том, как надо уважать

в человеке образ Божий, проникло глубоко в сознание Александра Матвеевича с самых юных его лет и воспринято было им это понятие всю цельностью его духа: он уважал человека и в интеллигенте, и в неграмотном, во взрослом и в ребенке; это чувство было так ему присуще, что казалось ему прирожденным и не изменяло ему ни в больших, ни в малых вещах; даже в порывах самого пылкого против кого-либо негодования в основе его душевных движений оставалось всегда уважение к человеку. Презрения не знала его душа, не постигал он его ни своим умом, ни сердцем.

И так, видно, устроены люди, что чувствующее человеческое сердце подает весть другому человеческому сердцу; Александр Матвеевич, умевший уважать человека, умел привлекать к себе много сердец и умел вызывать наружу все лучшее, что есть в человеке, иногда даже такое лучшее, что оставалось как бы похороненным на дне души. „Вы говорите, — писал он к одной из своих знакомых, — что в каждом человеке есть какой-то другой, внутренний, человек, а я думаю, что этот внутренний человек и есть именно Христос. Умейте уважать в каждом человеке образ Христа, хотя бы в ином и погребенного, как был Он погребен после Его распятия и смерти“».

Когда в 1860 году вышла в свет книга Бухарева «Православие в отношении к современности», на сцене появляется и злой гений Бухарева — Аскоченский, редактор журнала «Домашняя беседа». Флоренский так писал о нем:

«Тон его полемики был крайне бесцеремонным — он не останавливался ни перед недобросовестным искажением слов противника, ни перед преувеличениями, софизмами, даже клеветой; его ругательства, обидные выходки и балаганные насмешки переплетались с благочестивыми сетованиями и цитатами из Св. Писания». Знакомый типаж, не правда ли?

Бухарев в своей книге писал, что на каждого человека, как созданного по образу Божию, нужно смотреть как на икону. Сейчас нам это кажется банальностью. А тогда Аскоченский возмущался: «Как? Стало быть, и цыганки, и проститутки, и жида, и канканьерши — все это досточтимые иконы Самого Бога? Господи, помилуй! Ведь это открытое иконоборство, договорившееся до последнего слова». Бухарев писал, что не только семья, общество и государство, не только наука и искусство должны развиваться по духу Христову, но даже телесная жизнь, всякое частное отношение, всякий труд — все должно быть по Христу. Аскоченский заявлял, что всякий

человек, «ратующий за Православие и протягивающий руку современной цивилизации, — трус, ренегат и изменник».

Эта полемика имела печальные последствия для архимандрита Феодора — ему пришлось в 1861 году оставить должность цензора и уехать в Переславский Никитский монастырь, духовные журналы стали отказываться печатать его статьи, а когда о. Феодор задумал печатать свою книгу об Апокалипсисе, то, по доносу того же Аскаченского, она была запрещена Синодом к публикации.

Рассказывали, что митрополит Филарет потребовал к себе Феодора, сделал ему строгое внушение, а когда тот попытался защитить свои богословские воззрения, швырнул его рукопись на пол.

Спустя время, объясняя свое решение уйти из монашества, он писал издателю Михаилу Погодину: «Мне не хотелось... фальшивить, оставаясь в монашестве, когда я внутренне всеми силами протестовал против тех, кого должен был, по монашеству, слушаться».

В своем прошении о снятии сана архимандрит Феодор, между прочим, писал, что он, «по обстоятельствам, которые касаются не его одного, а и других лиц, и которых поэтому неудобно и для выяснения дела нет нужды расспрашивать, монашеские его отношения соединяются во многом с нарушением внутреннего мира и с смущением совести, чем в корне разрушается монашеское служение Богу».

Как толковать это «смущение совести» и «нарушение внутреннего мира» — Бог весть. Имеет ли он в виду протест свой против «высших» или любовь к будущей жене Анне Родышевской — понять трудно, хотя второе кажется более вероятным. Вообще, женитьба Бухарева предстает несколько загадочной.

Из обрывочных сведений об отношении Бухарева с Анной трудно понять, относится ли начало их сближения к тому времени, когда он был монахом, или они стали развиваться уже после его расстрижения. Но логично предположить, что именно отношения с Родышевской, начавшиеся во время пребывания его в монастыре Переславля, стали последним толчком, побудившим Бухарева написать прошение о расстрижении. Современник Бухарева публицист Соловьев утверждал, что помещик Родышевский обратился за помощью к о. Феодору, зная его как ученого монаха — чтобы

увещевать его дочь Анну, попавшую под влияние так называемого «отрицательного направления». Так началось их знакомство, если верить Соловьеву, а как оно продолжалось до заключения ими брака — покрыто мраком неизвестности.

Многие знакомые Бухаревых после смерти Александра Матвеевича в своих воспоминаниях настаивали на том, что никакого романтического увлечения не было, а женитьба была чуть ли не идейным шагом: войти в самое, так сказать, сердце мирской среды, чтобы там проповедовать необходимость для мирян-христиан жить не себе, а Господу и о Господе, нечто созвучное монастырю в миру, который потом проповедовал о. Валентин Свенцицкий. Возможно, этим они хотели защитить уважаемого ими человека от обвинений в моральной неустойчивости, но представленный ими образ экс-монаха, венчающегося с юной девушкой ради проповеди дорогих его сердцу идей, получается даже не смешон, а отвратителен, тогда как образ Бухарева, предстающий в мемуарах знавших его людей, весьма притягателен и светел.

Чтобы вернуться в первобытное состояние мирянина, отцу Федору пришлось пройти через увещания — сначала в Переславльском Никитском монастыре, потом во Владимире; затем следует консисторская процедура и только тогда, наконец, Синодальное определение о снятии монашества и священного сана, причем его лишили и степени доктора богословия. Пришлось ему дать и специальную подписку:

«Дана сия подписка в присутствии Владимирской Духовной консистории, согласно определению ее, бывшим архимандритом Феодором в том, что как сложивший с себя по собственному желанию и с разрешения Св. Синода сан священнослужительский и монашеский не должен по силе 258 ст. IX т. Свода Законов именовать себя архимандритом, кавалером и магистром, носить монашеской одежды и обязан называться по имени, отчеству и фамилии, а именно: Александр Матвеевич Бухарев. На основании 4 параграфа 254 ст. того же тома он не имеет права жить в тех епархиях, где жил монахом, а именно: в Московской, С.-Петербургской, Казанской и Владимирской, равно и в обеих столицах, под страхом, в противном случае, быть сосланным в Сибирь на всегдашнее пребывание. К сей подписке сложивший с себя сан, бывший архимандрит Феодор, а ныне Александр Матвеевич Бухарев, руку приложил июля 31-го дня 1863 года».

Как бы то ни было, в 1863 году Бухарев женился на Анне Сергеевне Родышевской, дочери переславльского предводителя дворянства. Ей было 23 года, ему — 41. Жаль, что не сохранилось портрета этой женщины, только словесный, оставленный о. Павлом Флоренским, который встретился с ней в 1913 году, когда ей было уже 73 года.

Его прошение о расстрижении Синод утвердил только в следующем 1864 году, и бывший архимандрит Феодор продолжил свою литературно-критическую деятельность как духовный писатель Александр Матвеевич Бухарев.

Как выразился о нем священник Александр Устьинский, друг Василия Розанова, Бухарев «выходом из монашества и вступлением в брак снял монополию спасения у монашества».

«...Мне кажется, что ко всякому чувству любви, — любви настоящей, вполне приложимы слова Спасителя: „Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“. Я могу с полной откровенностью сказать, что все трудности проходили как бы мимо меня», — говорила Анна Родышевская Розанову уже через годы после смерти Бухарева.

Естественно, враг Бухарева, Аскачовский высказался вслед ему ровно так, как и следовало ожидать от «ревнителя православия» — он извещает читателей, что бывший архимандрит Феодор «завершил дело примирения православия с современностью самым соблазнительным образом — сделался расстригой». «Таковы-то, — восклицает он, — плоды своеобразного умничания, гордого самомнения и упорного противления водительству церкви православной. Бог поругаем не бывает».

Жили Бухаревы в крайней нужде, на скудные гроши, зарабатываемые писанием, и на помощь друзей. Родилась у них девочка, но умерла, не дожив до года. Однажды митрополит Филарет прислал бывшему архимандриту сто рублей. Им часто приходится переезжать с места на место — жили то в Ростове, то в Твери, то в Нижнем.

Последняя публикация Бухарева — «Об упокоении усопших и о духовном здравии живых» — относится к 1866 году. Толкование Апокалипсиса так и осталось неизданным при его жизни.

Скончался Бухарев 2 апреля 1871 года в пятницу Светлой седмицы. Его вдова оставила по просьбе издателя Погодина подробные трогательные записи о последних месяцах его жизни.

«После 16 марта болезнь шла, заметно усиливаясь, но он говорил, что ему после причастия особенно легко. А. М. никогда не жаловался, и на вопрос, как он себя чувствует, отвечал всегда: «хорошо» или «порядочно», — потому и трудно проследить ход его болезни.

(..) Прислугу он ни за что не позволял будить и беспокоить по ночам. Мы с ним вдвоем просиживали до утра и много переговорили в эти бессонные ночи.

(..) Вспоминали мы с ним всю нашу прошедшую жизнь, и он говорил, что она была непрерывное чудо; в продолжение восьми лет мы не знали, чем мы жили совершенно безбедно, прилично, имели всегда приличную квартиру, достаточно прислуги, выписывали книги, журнал, газеты... Правда, были два семейства преданных ему друзей, уделявших ему постоянно от своих доходов, но этого было недостаточно для того, чтобы просуществовать, а не только жить, как мы жили. Мы затруднялись, да и теперь я затрудняюсь отвечать на вопрос, чем мы жили.

(..) Отличительной чертой его характера было мужество. Он никогда не робел ни перед какой опасностью. В 1848 году в селе, где жил его зять, была страшная холера: по 30 человек приносили в церковь. Он нарочно на это время поехал в это село, чтобы поддержать упавший дух своих родных и, в особенности, чтобы поддержать священника-зятя в его священнических обязанностях. Подобных случаев было много в его жизни.

А. М. не уважал людей, не могущих идти против течения. Помню, когда мы недавно читали с ним про бывшего секретаря Наполеона, заступившегося за него перед гневным собранием и мужественно противостоявшего этой буре, он сказал: «Как я уважаю этого человека! Это истинное мужество. Мало, мало у нас таких людей; все рабы — и в этом наша главная беда».

Никто, как он, не умел так плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Чужое горе — было его горе; чужая радость — его радость. Много теперь людей оплакивает его кончину, говоря, что не с кем стало поделиться и горем, и радостью. За то он имел преданных себе людей во всех сословиях и во всех средах. Странно: иные из образованных говорили,

что он мудрен; другие, совсем безграмотные, понимали его и были ему преданы всю жизнь».

Бухарев был похоронен на переславском Борисоглебском кладбище, могила его не сохранилась. После революции в Переславском музее оказалась личная икона А. М. Бухарева с изображением святых-покровителей Александра Невского и Федора Стратилата.

Анна Сергеевна Бухарева прожила много лет после кончины любимого мужа, друга и учителя, переписывалась с его друзьями и всеми, кто интересовался его наследием, издала в 1916 году его «Исследования Апокалипсиса». Известна ее судьба после революции, есть сведения, что умерла она после 1919 года, то есть в глубокой старости, когда точно и где — об этом информации найти не удалось.

БРАТИЯ

МОНАСТЫРЬ И ЕГО ЖЕРТВЫ

Игнатий Душеин

Автор много лет был монашествующим в РПЦ, дослужил до сана игумена, автор многих миссионерских статей. В 2012 году ушел из РПЦ вместе со своей общиной села Мятлево (Калужской области). Ныне — епископ Архиерейского Совещания Российской Православной Автономной Церкви (АС РПАЦ) — прим. составителей.

От автора

Эти воспоминания я начал писать в 2008 году. В то время я и подумать не мог, что через пять лет покину Московскую Патриархию и присоединюсь к Истинному Православию. Но уже тогда меня не покидало чувство несправедливости и неправильности происходящего в «церковной», как я тогда полагал, среде. Мне пришлось быть свидетелем духовных драм и даже трагедий, падений и надломов, равнодушия и лицемерия.

Я был не единственным свидетелем происходящего, но пока никто не написал об этом ни слова. Эти воспоминания — мой долг жертвам и инвалидам «церковной» жизни.

АМВРОСИЙ

Я стоял на пороге храма. Красивый и относительно древний собор Благовещения в Боровске знаменит тем, что в нем хранится посох преподобного Пафнутия. Я часто смотрел на эту яблоневую палочку. Когда-то строгий преподобный игумен держал ее в своей руке! В свое время мне удалось совершенно легально заполучить несколько маленьких щепочек от этого бесценного артефакта. Представляю, как бы обломал свою палочку святой, если бы на непродолжительное время посетил в наши дни свою обитель...

Но сегодня я тут не ради посоха Пафнутия. Сегодня похороны.

В храме пусто. Никогда бы не подумал, что буду на похоронах Амвросия. Совсем молодой парень, младше меня лет на пять. Как же так вышло? Умереть от дифтерии... От этого не умирают уже лет сто! Запустили.

Когда я его увидел впервые? Сколько прошло лет?

Тот год был для всех нас особым. Нас — это воспитанников первого набора Калужского духовного училища. Сентябрь, 1992 год. Мы все разного возраста и разного жизненного опыта. Младшему — 16, старшему — 40, но мы все молоды. Общая судьба свела нас в только что открытом духовном училище. Тут еще нет ничего — все предстоит создать. На дворе развитая перестройка.

Будущее свалилось на головы вчерашних комсомольцев, солдат и студентов чудом неопишущим: мы — семинаристы. Мы полны сил, мы глядим на мир широко распахнутыми глазами. Над нами — небо, с нами — Бог!

Амвросий появился позже всех: он только что уволился из армии, «отмотав» срочную службу в стройбате. Тогда его звали Миша. Это был удивительный по открытости, наивности и неуклюжести человек. Большой ребенок с ясными глазами. Стройбат не смог испортить его.

Он никогда не ругался, всем улыбался и готов был помочь любому. Говорили, что его мама — давнее «духовное чадо» отца Власия, который уже тогда слыл «старцем».

По телосложению Миша был могуч, по характеру — мирен и кроток, по уму — не особо развит. У него были проблемы со зрением (потому и угодил в стройбат) и, как мне иногда казалось, — с головой.

Его простота часто граничила с юродством, а наивность — с легкой тупостью. Однако его все любили. Он не занимал никакого положения в иерархии, которая сразу возникает в любом мужском коллективе. Он как бы ставил себя ниже всех, но никому не приходило в голову сесть ему на шею. Надо отметить, что шея у него была могучая.

Уже почти 11.00 — время, на которое назначено отпевание, но в храме пока пусто. Так мир провожает тех, кто не нашел в нем места. Из монастыря, говорят, пришлют священника отпевать — последнее благодеяние обители, в которой покойный иеродиакон прослужил несколько лет. Интересно: отпоят монашеским чином или мирским? Амвросий ведь ушел из монастыря...

Хорошо в пустом храме. Веет вековым, древним, намоленным уютом. Эти стены видели наших прадедов и их прадедов. На эти иконы столько раз смотрели с верой и упованием.

Стукнула входная дверь. Привезли!

Однажды в январе 1993-го я ехал в грязной московской электричке в Калугу. Было утро понедельника. На выходные нас по желанию отпускали домой. В 8.00 утра в училище совершалась общая молитва, первая электричка приходит в Калугу в 7.45 — при удачном втискивании в троллейбус есть шанс успеть.

В полупустом вагоне было холодно и грязно. Кто-то, раскинувшись, спал на скамейке. Рядом книги. Текст что-то знакомый. Ого! Так это молитвослов. А кто это тут спит? Ба! Да это Миша! Ну да, он из Балабанова — ему по дороге! «Миша! Вставай! Привет!»

Так я впервые близко пообщался с Амвросием. Все два часа до Калуги он мне рассказывал о себе. О детстве, об отце Власии, которого он любил без памяти. О стройбате.

Меня сложно удивить армейскими историями — как теперь говорят: «кто в армии служил, тот в цирке не смеется», — но стройбат — это особая песня. Это тюрьма, куда сажали на пару лет за то, что ты родился мальчиком, но не вышел в чем-то здоровьем. Там тебя ни за что ни про что помещают с урками и другими головорезами.

Амвросий рассказывал, как он выжил в этих удивительных войсках, где солдатам не доверяют оружия. Как преданно следовал главному принципу воина: «солдат спит — служба идет». Как дрался с кавказцами «до первой крови»: кровь текла у него, а уносили их. Оказывается, он при своей могучей фигуре — еще и боксер в прошлом, но его кроткий характер давал повод вольным детям гор, не привыкшим к унижительной для кавказских мужчин работе, пытаться сделать из него «шестерку».

Закончил он тем, что сказал, что благодарит Бога за такой жизненный опыт. Я был в шоке. Мне еще не приходилось видеть укорененных в вере людей. Сам я стал православным уже после армии.

Ах, Амвросий. Почему я ни разу не захотел съездить к тебе, когда ты ушел из монастыря? Почему я пришел только тогда, когда тебя положили в гроб?

Из монастыря прислали трех человек. Отца Геннадия, всегда умиленного батюку с белой ниточкой в бороде, одного певчего и одного послушника. Когда-то это был мой монастырь и моя братия. Но меня «попросили» еще раньше, чем ушел Амвросий. А еще раньше попал в «психушку» его друг, иеромонах Пахомий...

Поздоровались. Монастырские не удивлены моему появлению. Их вообще сложно чем-то удивить. Несколько родственников Амвросия. Мать...

Отпевать будут мирским чином — таково благословение «свыше». Тех, кто ушел из монастыря, монахами не считают. Возможно, что это и правильно. Впрочем, какая теперь разница? Амвросий уже там, где всех этих наших условностей не существует.

Он не смог. Что-то сломалось в его жизни. И не только в его. У нас всех что-то сломалось, только мы сделали вид, что все хорошо.

В КДУ (Калужском духовном училище) было много работы. Каждый день после занятий инспектор отец Донат со списком встречал нас у выхода из единственного тогда класса. Все учащиеся были расписаны, для всех была работа. Нам было интересно. Кроме парочки бездельников (один — поповский сынок из Подмосковья, другой — шестнадцатилетний мальчик, озабоченный поиском «юбки»), никто не отлынивал. Убирали территорию, квасили капусту, что-то копали, чистили, выносили. Было весело, была семья. Эх, молодость. Сейчас в это уже сложно поверить.

Амвросий работал за троих. Ему можно было давать только индивидуальные задания — иначе вокруг могли быть жертвы. Свистели снарядами ломы и кувалды, минными осколками разлеталась кирпичная крошка, вырванные с корнями доски кувыркались в воздухе. В радиусе десяти метров от работающего Амвросия находиться было опасно — он не сильно смотрел вокруг.

Молился он по-особому. Я бы не сказал, что считаю это правильной молитвой. Скорее наоборот. Очень уж эмоционально, чувственно у него это было. Потом, когда его постригли в мантию и рукоположили в иеродиакона, у него это перешло и в службу. Иногда это было просто похоже на «улет в абиссальные глубины». Однажды я сделал ему замечание. До сих пор помню его добродушную огорченную физиономию.

В 1996-м году я, уже в сане иеромонаха, оказался в Боровском монастыре. Амвросий служил там. Наместник монастыря отец Гавриил как мог над ним издевался (впрочем, не над ним одним). Часто я видел, как Амвросий и Пахомий с носилками бегали по обители, таская щебень или песок, ворочали тяжеленные плиты, копали землю или ломали перегородки. Тогда, наверное, и началось у него повреждение.

Тело зашито в мантию, лица не видно. Только огромные ботинки из-под черной ткани.

Началось отпевание. Обычное, мирское. Служил отец Геннадий. Он тоже повидал много. Все монастырские бури, которые смели из обители как минимум четырех монахов, при восьми наличных, не минули и его, хотя пострига он еще не дождался. Его терзали все, кто мог, но удивительное терпение в сочетании с незаурядным упрямством позволяло ему выходить

из всех передряг без вреда. Амвросия он знал прекрасно. Теперь он его отпевает. Народу почти нет. Не был славен наш Амвросий даже в монастырские годы жизни. А уж после ухода... Кто у нас любит вспоминать тех, у кого не получилось?

Заштатного иеродиакона Амвросия отпели. Служба была коротка, как его жизнь. Он искал, шел, метался, падал. Теперь его везут в последнее путешествие.

На кладбище я не поехал. Завожу свой «гольфик» и выбираюсь сквозь старинный город Боровск. У меня еще дела.

Закончилась жизнь человека. О его смерти не напишут в епархиальном журнале, в газетах не будет некрологов и собравшиеся на ежегодное собрание священники не пропоют ему «вечную память». О нем будут молчать, как молчат о других не выдержавших — живых и мертвых.

Но я не буду молчать. Я расскажу о нем. И о других расскажу.

ПАХОМИЙ

В дом скорби мы приехали без благословения наместника монастыря — архимандрита Гавриила. Он и слышать не хотел о таком путешествии. Его можно понять: кому хочется, чтобы видели плоды его «работы».

«Психушка», в народе именуемая «Бушмановкой», не производила плохого впечатления. Напротив: чистенькие газончики, травка, спокойный персонал, присматривающий за группками больных, невинно развлекавшихся в специально отведенных для этого местах.

Пахомий был в больничной одежде. Вопреки нашему ожиданию, он выглядел неплохо, всех узнавал, улыбался, охотно разговаривал.

Нес он, правда, всякую околесицу, и с первого произнесенного слова видно было, что он «не в себе». Мы поговорили недолго и с тяжелым чувством поехали обратно в монастырь. Тогда еще это был мой дом.

Когда-то я видел Пахомия другим. Высокий и подтянутый, он был переведен в Калугу из монастыря Спаса Нерукотворного в Клыково, что возле Оптиной пустыни. Одно время он даже был там за старшего.

Шел 1995-й год. В Калуге Пахомий сразу подружился с Амвросием – они и внешне были похожи: оба высокие, стройные, сильные, молодые. Они вместе читали монашеское правило, трудились, проводили свободное время. В отличие от Амвросия, Пахомий в то время производил впечатление человека совершенно здорового на голову, довольно трезво мыслил и рассуждал. Переводом в Калугу он был сильно огорчен: его влекла монастырская жизнь. Знал бы он, чем для него эта Калуга закончится, убежал бы в Клыково, нарушив все благословения.

В 1996-м году в Калуге с Пахомием произошло что-то нехорошее. Позже я узнал, что именно: он оказался в постели с одной дамой, через которую, как я узнал еще позже, прошла половина епархиальных монахов. Дама была женой священника...

Так или иначе, Пахомий был спешно переведен в Боровский монастырь с временным запретом в служении. Там уже был его друг Амвросий. Они снова оказались вместе.

Я тогда часто посещал Боровский монастырь, писал прошения о переводе туда, приезжал служить. С Пахомием и Амвросием я виделся регулярно. Наместник гнобил их обоих как мог, но Пахомию доставалось больше. Наместник не допускал его до службы почти год, хотя официальный запрет на служение был назначен на 40 дней.

Они с Амвросием постоянно вкалывали на самых тяжелых работах: песок, щебень, бетон. На службе они были всегда неукоснительно утром и вечером – они любили службу. В таком режиме было сложно жить, я удивлялся их выносливости. Тогда я еще думал, что мудрый наместник умелой рукой воспитывает молодых новоначальных монахов. О, детская наивность!

В братии Боровской обители я оказался в ноябре 1996-го. Пахомий и Амвросий были неразлучны. Они были вместе всегда. Весь монастырь посмеивался над ними, тем более что они никогда не отвечали ни на какие насмешки. Монахов в обители было мало, и все были на виду.

Зимой наместник привез в гости схиигумена Илия из Оптиной. Он там был духовником, и над ним сиял ореол старческой харизмы. Главная цель наместника была в дискредитации схиархимандрита Власия, духовника Боровского монастыря, которого наместник терпеть не мог. С первого дня своего наместничества Гавриила терзала эта маниакальная страсть. Сам он был пострижен из попов-целибатов за месяц перед назначением, практически не знал службы, с монашеством был знаком по книжкам. На своем приходе в Калуге он слыл за очень духовного пастыря, занимался «отчиткой», а среди духовенства имел кличку «шаман».

Проживавший в обители с момента открытия Власий, с его огромным опытом приходской и монастырской жизни, доскональным знанием служб, феноменальной памятью и своеобразным обаянием, сразу был воспринят Гавриилом как враг и конкурент. А поскольку христианину врагов как бы положено любить, то, после недолгих усилий, Власий был превращен нездоровым сознанием наместника во врага Божьего, которого вроде и любить теперь было уже не обязательно.

Не проходило и дня, чтобы наместник не выловил в монастыре паломника или паломницу в трапезной, лавке, храме или на лестнице «розового» корпуса, и не разразился бы длительной речью, часа на три. Он мог с упоением рассказывать, какой ужасный человек этот Власий. Выливались ушаты всяких мерзких сплетен, попеременно с повествованиями из собственной личной духовной и просто личной жизни. Попавшаяся на разговор жертва не могла убежать – не позволял статус собеседника – и была вынуждена впитывать поток фекалий сановитого витии.

Наместник мечтал, что отец Илий каким-то образом выскажется против Власия. Как и следовало ожидать, ничего подобного не произошло. Оптинская «звезда духа», наоборот, публично высказалась в поддержку местного духовника. А еще отец Илий был с давних времен духовником Пахомия. Этот приезд стал поворотным пунктом отношения наместника к последнему. После разговора с о. Илием наместник стал допускать Пахомия до службы. Правда, тут началась другая крайность – Пахомий служил почти год подряд ежедневно и без перерыва. Собственно, это его и сорвало окончательно.

В марте 1997-го я был назначен казначеем монастыря. Началась жизнь суетная и шумная, с монастырем связанная только воскресными

богослужениями. Бытие двух братьев, Пахомия и Амвросия, на какое-то время выпало из сферы моего внимания. Менее чем через год я отказался от казначейства и попытался вернуться к жизни простого монастырского обитателя. К тому времени наша парочка уже прошла «точку невозврата».

От ежедневного служения в холодном соборе Пахомия бил жестокий гнойный кашель. Он ходил по алтарю с баночкой и харкал в нее мокротой. Мысль попросить наместника не ставить его ежедневно служить просто не приходила в его голову.

Однажды, на день преп. Сергия Радонежского, 8 октября 1997 года, я, оказавшись на службе, прямо предложил ему «послать» наместника подальше и поберечь здоровье. «Пахомий, ты просто себя погубишь», – говорил я. Он ответил: «Надо умереть на послушании». Я только развел руками. Наместник «не замечал» ничего.

Наступило лето 1998-го года. У Пахомия начались первые признаки нервно-психического срыва. Он начал «юродствовать» – стал иногда ходить по монастырю босиком. Служил он по-прежнему почти каждый день – на износ.

Это происходило на глазах у всех. В свое оправдание я могу сказать, что сделал все от меня зависящее, хотя, скорее всего, болезнь Пахомия была уже неизбежной.

В то время к управляющему нашей епархией еще можно было попасть по обычному звонку, и я попросился к нему на аудиенцию и прибыл в Данилов монастырь, прямо в ОВЦС. Выложил все, что видел, предупредил, что Пахомий, в частности, на грани срыва. Климент выслушал внимательно и сказал, что разберется. Он знал, что у меня с наместником нелады и, видимо, полагал, что я был необъективен.

Как я позже узнал от отца Авксентия (об этой жертве я напишу отдельно), архиерей звонил наместнику. Тот, разумеется, заверил его, что «в Багдаде все спокойно», Игнатий зря мутит воду, все хорошо.

А через две недели Пахомия «сорвало» — начался бред. Сумасшествие его стало очевидно для всех. Наместник тут же позвонил архиерею и предложил, с присущей ему отеческой любовью, сдать Пахомия в психушку.

Климент приехал лично. Помню, как они с Пахომием беседовали на скамейке напротив «погребного» корпуса монастыря. В тот же день Климент сам увез Пахомия. Говорили, что он вернул его в Клыково. Позже мы узнали, что у Пахомия было обострение и из Клыково его госпитализировали на «Бушмановку». Там-то мы его и навестили.

Шла осень 2006 года. Уже семь лет я снова служил на приходе, из которого десять лет назад так просился в монастырь... Наша воскресная школа отправилась в очередное паломничество. Маршрут: Оптиная – Шамордино. По дороге выяснилось, что можно заехать в Клыково. Я согласился с радостью: никогда там не был раньше.

Мы с детьми осмотрели монастырский храм и домик покойной схимницы Сепфоры. Я спросил у девушки в лавке (кругом в мужских монастырях девушки), не известно ли что-нибудь об иеромонахе Пахомии. Закутанная в черное девица смутилась, внимательно посмотрела на меня и поинтересовалась, откуда я про него знаю. После объяснений про Боровск она успокоилась и согласилась «дать показания». К своему удивлению, я узнал, что Пахомий в обители (хоть и возят его периодически в «психушку») и даже иногда служит. Мне разрешили посетить его. С волнением я открыл дверь небольшой келии. Пахомия я не видел лет восемь...

Он лежал на кровати в каких-то белых тряпках, в комнате было душно и пахло нестиранным бельем. Он сразу узнал меня и заулыбался. Сказал, что живет только службой. Пропел какую-то частушку про галоперидол. В постели он проводил целые дни. Это был не тот Пахомий, которого я знал раньше, это была тень.

На обратном пути я мысленно поблагодарил Бога за то, что армейская молодость научила меня «посылать» иногда подальше начальство с их «благословениями», и что в Боровской обители я так «послушанию» и не навыв.

Говорят, что сумасшествие – легкий путь спасения. Возможно. Будет ли легким спасение у тех, кто доводит до сумасшествия других? Сомневаюсь.

АВКСЕНТИЙ

(Это единственное измененное имя в повествовании. Поскольку бывший иеродиакон жив и не сошел с ума, я не дерзаю обнародовать ни его светское, ни монашеское имя.)

Кто теперь вспомнит всесильного, в свое время, эконома Боровской обители Авксентия? Разве если только несколько старожилов. Может быть и до сего дня среди молодых послушников и «трудников» о нем ходят легенды, и убеленный сединами старец рассказывает юному отроку о почти былинном исполине, которого слушался и боялся весь личный состав славной обители... А был-то он всего лишь иеродиакон двадцати с небольшим лет.

Действительно, монашеский постриг Авксентий принял то ли в 21, то ли в 23 года. От армии был освобожден по болезни. Столь ранний постриг и рукоположение Авксентия пробил наместник архимандрит Гавриил. Авксентий был ему очень нужен. Причина была известна всем в монастыре: он не был «чадом» отца Власия – духовника монастыря.

В то время через монастырь проходило огромное количество людей. Разный там крутился народец. Кто-то искал теплого, по сравнению с тюрьмой, места (особенно на зиму), кто-то увлекался богоискательством, кого-то просто кидало по жизни...

Почти все паломники и «трудники» монастыря сразу оказывались чадами отца Власия. Слава об нем катилась по постперестроечной Руси, и народ толпами стекался в монастырь в основном к нему.

Схиархимандрит Власий, несомненно, был самой яркой фигурой в обители. Он никогда не претендовал ни на какие властные полномочия, старательно уходил от любых попыток навязать ему административную власть. Утром и вечером Власий был на службе, причем много лет подряд сам пел и читал на клиросе. В промежутках между службами он принимал народ, который буквально ломился в двери его келии.

Наместник не мог стерпеть этого (о причинах такого отношения я писал ранее), а противопоставить было нечего. Сам наместник был наскоро пострижен в монахи за месяц до назначения и пожил пару недель в Оптиной «для стажа» – вот и весь опыт его монастырской жизни. Ему нужно было

либо смириться с фактом существования отца Власия, как духовника и популярнейшей в народе личности, и заниматься восстановлением обители, установив с ним нормальные отношения, либо пойти на бесполезный конфликт. Наместник выбрал второе.

Авксентий по приходе в монастырь прибился не к Власию, а к наместнику (случай исключительный), и это дало толчок его стремительной карьере. Впрочем, это же и привело его к уходу и из обители, и из того чисто внешнего монашества, в которое его обрядили.

Впервые я встретил Авксентия на его постриге в Калуге. Был Великий пост 1994-го года. А уже 14 мая того же года – в день преподобного Пафнутия Боровского – он был рукоположен в иеродиакон и тут же назначен экономом монастыря.

Фактически в руках молодого и совершенно не сведущего в монашестве паренька оказалась вся финансово-хозяйственная власть в монастыре. На службах Авксентий появлялся только в выходные. Все остальное время он руководил работами, считал и выплачивал деньги, обходил территорию, ездил за покупками и т.д. Утром он проводил планерку и распределял работников. Вечером – подводил итоги.

В его подчинении было все в монастыре, кроме священников, коих имелось, включая наместника, пять человек. Авксентия боялись как огня. Он руководил педантично и жестко. В случае нарушения дисциплины мог запросто отправить в «бомжатник» или выгнать из монастыря. И то и другое он делал легко и непринужденно, не отрываясь от чашки с кофе.

Кофе он постоянно пил по причине головной боли. Однажды, во время работ по подъему балок на прясла монастырских стен, на Авксентия, суетившегося внизу, «случайно» упало бревно. Попало прямо по голове, выжил чудом – пролежал полгода. Следует отметить, что у человека, который это бревно «не смог» удержать, все руки были синие от наколок... Не любили работники Авксентия. С тех пор он не мог без кофе.

«Бомжатником» называлось в монастыре помещение, которое имело засов снаружи, а внутри пару рядов нар. Изначально оно было оборудовано для

ночевки «бездokumentных» паломников – отсюда такое название. Если человек прибывал с документами, то его паспорт отправлялся в сейф Авксентия, а он сам – в нормальное гостиничное помещение. Если же документа не было – а такое бывало нередко, – то ночевать человека пускали, но в «бомжатник», дабы ночью чего не умыкнул и (или) не натворил.

Впоследствии появилось еще одно полезное назначение этого помещения: оно стало использоваться как монастырский карцер. В него отправляли напившихся «трудников» для отрезвления. Могли отправить туда за драку или другое правонарушение. Суд вершил Авксентий с чашкой кофе в руках. Исключение только однажды составил архидиакон Сергей – тот угодил в «бомжатник» для истрезвления по личному распоряжению наместника.

Впоследствии, когда наместник отказался от Авксентия, и тот обрел способность говорить свободно, я обнаружил, что это вполне нормальный и совсем не злой парень.

Когда меня назначили казначеем, наместник и Авксентий, его правая рука, сочли, что я поставлен архиереем для присмотра за ними. На самом деле это было не так. Никаких указаний я не получал. Мне просто прислали указ о назначении.

С перепугу наместник тут же отдал в мои руки все финансы, ключи от сейфов, все стратегические запасы и заначки. Я был в величайшем шоке. По настроению Авксентия я понял, что он не очень доволен моим появлением в качестве казначея. Как он метко заметил: «у кого деньги, у того и власть». Мне эта власть была не нужна, меня больше интересовали планы по издательству, развитию монастырской лавки, изготовлению икон и прочим пиар-акциям. Когда Авксентий это понял, между нами установились вполне мирные отношения.

Монастырская жизнь в Боровском монастыре стала разваливаться, не успев сложиться. Началось все с появления умненького юноши (несчастный прибыл, когда Авксентий уже спал, и вратарник определил его ночевать в упомянутый «бомжатник»), который тут же стал главным «духовным» советчиком наместника. Этот «великий знаток монашеского жития»

насоветовал наместнику изменить распорядок богослужений. Наместник, по обычаю, с братией советоваться не стал – зачем ему такие формальности...

Раньше устав монастырских служб был такой: в 5.30 подъем, в 6.00 – братский молебен, полунощница, часы, литургия. Самое позднее в 10.00 все заканчивалось, и можно до обеда заниматься работой. В 17.00 – вечерня, утреня, первый час. Такой график позволял равномерно распределить службы в обители, оставив время для послушаний.

Новый вариант, введенный наместником, переносил утреню на утро (оно и верно, если бы в центре монастырской жизни были молитва и богослужение, а не хозяйство!). Утренняя служба увеличивалась минимум на полтора часа, вечером почти нечего было служить – час, не больше. Возник перекося: после почти шестичасовой утренней службы никто не был способен работать. Но наместник не собирался отступать. Без того уже наметившийся конфликт с братией обострился до предела.

В итоге братия написала письмо архиерею. Архиерей был крайне недоволен, – он всегда был недоволен, когда его тревожили.

Наместник получил «по ушам» за изменение устава без благословения, но досталось и братии. Отчислили игумена Никона – человека, который открывал монастырь после большевистского разорения. Меня окончательно оттеснили в угол, хотя с казначейства я ушел раньше. Собственно, это предрешило мой перевод из монастыря.

Косвенно это ударило и по Авксентию. Он как-то сник и стал отходить от дел. Отношения с наместником у него стали прохладными. В тот момент, когда Авксентий перестал тащить на себе воз эконома, наместник просто забыл о его существовании. Авксентий остался наедине сам с собой. Раньше у него такого не случалось. Он сразу понял, что само по себе монашество его нисколько не привлекает. Поскольку представительниц прекрасного пола в монастыре крутилось больше, чем мужиков, то последствия не заставили себя ждать...

Уходил Авксентий честно: подал прошение архиерею. Состоялась беседа. Как я понял, тот предлагал ему остаться. Но он ушел. Пошел на курсы электросварщиков, устроился на работу. Уехал. Однажды он даже заехал ко мне на приход в гости. Посидели, поговорили. Надеюсь, все у него получится:

он станет просто нормальным человеком. Он не сошел с ума, как Пахомий, и не умер, как Амвросий. Он честно ушел, не стал притворяться монахом, которым никогда и не был.

ЭПИЛОГ

На ежегодном епархиальном собрании скучает духовенство. Поповский улей размеренно гудит: кто-то кому-то диктует номер телефона, передает бумажки, шепчет что-то на ухо. Многие уже решили, куда именно они поедут обедать после «этой тягомотины» — в суши или в обычное кафе. Все терпят: несколько часов страданий — и можно на год забыть об этом кошмаре.

Сверкают лысины и приглаживаются бороды: то бывалые протоиереи и игумны заняли задние ряды: можно незаметно покемарить, почитать или телефоном побаловаться. Молодые попы сидят в первых рядах, и, должно быть, рады, что именно их каждый раз, поднимая голову от бумажек, обозревает митрополит. В самом первом ряду сидят те, кому сбежать никак нельзя: наместники и наместницы монастырей, благочинные, председатели комиссий. Им приходится все это выносить стойко, с прямой спиной и высоко поднятой головой. И в глазах должен быть живой огонек, а не сонный вопрос «когда же все это кончится». Тяжка их роль, но таков их жизненный выбор комиссаров духовной войны.

Тот, кто поопытнее, уже наизусть знает регламент действия, а ветераны знают точно, чем начнется и чем закончится вступительная речь архиерея — она ритуальная и имеет свое чинопоследование. Они также точно знают, кого поблагодарит за помощь директор гимназии Козельска и кого из попов поднимут после доклада епархиального бухгалтера для взбучки за неуплату взносов.

Митрополит начинает речь. Сначала прозвучат слова о том, что «все у нас растет и множится». Потом о том, что «мы не соответствуем своему высокому званию и служению» (имеется ввиду, конечно, не митрополит, а его слушатели, но по «смирению» он всегда говорит «мы»). Возможно, сегодня прозвучит заранее заготовленный «экспромт» — некий пример из жизни, типа рассказа про священника, разговаривающего по мобильному во время службы, чье нечестие заметило бдительное око архипастыря (на самом деле все в зале знают, кто реально имеет обыкновение говорить по телефону в алтаре). И в конце, пережив катарсис волнительной речи, и, как бы смягчившись от потока жесткой критики в адрес подчиненных,

митрополит, как, впрочем, и всегда, поздравит всех с праздниками и поблагодарит за служение.

Добрый у нас митрополит. Вегетарианец (в смысле – не каннибал). Может, конечно, вспылить, но отходчив. Денег трясет — но не до смерти (кто поумнее, занижает доходец в разы). Не «голубой», опять-таки, что наполняет гордостью сердца духовенства. Можно сказать, по нынешним временам — почти праведник.

Обязательной кульминацией речи митрополита является упоминание о недостаточной работе попов с молодежью. «Я приезжаю к вам на приходы десятилетиями, — взволнованно вещает святитель земли региональной, — я видел раньше, что у вас какие-то дети были в алтаре, читали, подавали кадило. И где они теперь? Я приезжаю и вижу, что их нет в храме. Вы упустили их! Это ваша пастырская недоработка! Вы дадите ответ за их души!» — долгий и пронзительный взгляд обходит ряды духовенства, стыдливо понурившегося от сознания собственной неключимости. Обычно, после этой церемониальной порки, следует переход к призывам повысить, укрепить, заострить, усугубить, усилить и поднять...

Который год я сижу и слушаю это. И думаю об Амвросии, Пахомии и Авксентии. И о еще многих, кто принял монашеский постриг и священный сан от рук красноречивого витии. Кто заплатил жизнью, психическим здоровьем или сломанной судьбой за свои иллюзии, за веру в «духовных» руководителей, за наивное предположение, что тем на них не наплевать. Они были еще мальчишками и не знали ни себя, ни тех последствий, которые их неминуемо ждут. Но тот, кто бросал их как котят в водоворот — он ли не знал?

«Мальчишки-пономари не ходят больше в храмы». Ужас! Страшное дело! Не ходят! Мальчишки!

А ничего, что постриженные тобою монахи тоже не ходят? Кто не ходит в храмы, кто вообще уже никуда не ходит, а кто-то давно не ходит праведными путями. И это все скрыто и замечено под алтарный коврик. Сами, мол, виноваты во всем: не приложили духовных усилий. Опять же все по их гордости, лености и нерадению! А виноваты они только в том, что сдуру поверили тебе.

Мне часто хотелось на таких собраниях если уж не высказать все это, то хотя бы «встать и выйти из ряда вон». Но, увы: кишка тонка. Так что поеду лучше сегодня после собрания в суши...

ВСЕ СДЕЛАЛ ПРАВИЛЬНО: ПУТЬ В МИР БЫВШЕГО БЛАГОЧИННОГО МОНАСТЫРЯ

Юрий Гуров

Первые свои тексты автор писал под псевдонимом, когда еще был благочинным Курско-Коренной пустыни иеромонахом Григорием. Когда же он ушел из монастыря, то стал писать под своим именем.

КАК НАЙДУ РАБОТУ, КОТОРАЯ ОБЕСПЕЧИТ МНЕ ЖИЛЬЕ И ХЛЕБ — УЙДУ

Эту анкету священника автор прислал анонимно, когда еще был иеромонахом Григорием.

Есть ли разница между Церковью, в которую ты пришел когда-то, и РПЦ, в которой оказался?

Конечно, изначально она выглядит иначе, по мере погружения в церковную жизнь возникает куча вопросов: а насколько наша церковная жизнь соответствует проповедуемым идеалам и чем отличается от мирской жизни. Какое-то время круговая философия отмазок позволяет ссылаться на отцов, так и сяк вертеть Преданием, но в конце концов плотину прорывает.

Ощутил ли на себе последствия раздела епархий?

Да, из нашего монастыря ушел в епископы игумен, который постригал и «рукополагал» меня. Новому я оказался негоден, проблемы начались сразу. То не ту резинку на волосы повязал, то не на тот стул в трапезной сел.

Каковы твои взаимоотношения с настоятелем, с братьями-священниками, с архиереем?

С настоятелем плохие. Его обычные отношения — «вовремя поклонился», «поздоровался» и т.д. — не удовлетворяют ни разу. Чтобы быть с ним в хороших отношениях, нужно говорить на праздничных трапезах

благодарственное послесловие ему лично, доносить по возможности на братию и прочее подобное. Если такое делать не приучен – будешь гоним. Со священниками — внешне розово-благодатные. Выслушают, поддержат, помогут. И тут же сдадут игумену.

Архиерею наплевать совершенно, он никогда не будет слушать тебя, только игумена. Сказал игумен «болеет, а не пьет» – будет так, сказал «пьет, а не болеет» – истина есть, держи запрет.

Как живет обычный иеромонах?

У нас в монастыре отслужил — и личное время. Кто сериалы в инете смотрит, кто форумы читает, кто рубится в свежие игры. Кто тупо бухает. Есть, конечно, и «блаженненькие», кто завис в монашеском правиле, но и такие живут от «падения к падению» в тот или иной сериал или в рукоблудие, о чем и исповедуются вовремя. Благодатная показуха.

Как ты видишь прихожан, каковы ваши отношения?

Процентов 20 постоянных прихожан — люди с явными психическими отклонениями. Из разряда «батюшка, голова болит, дайте ладан пососать». Но есть здоровые люди в поисках истины, бывшие учителя, инженеры, экономисты. С ними приятно общаться, и они обычно задают вопросы, которые или сам пережил, или ищешь ответы на них. По сути, это потенциальные друзья, но в отношениях священника и прихожанина нет такого понятия.

Как выглядит финансовая жизнь монастыря, куда распределяются денежные потоки?

Зарплата на 90% — неофициалка. При том, что работает больше ста человек. Не нравится – никто не держит. Бюджет огромный, около 80 миллионов в год. Расходуется бездарно. Зарплата на уровне минималки, любимчики, стукачи и те, кто устроился по знакомству, получают до сорока тысяч в месяц. По больничным и отпускам придерживаются правил трудового кодекса, пенсия и соцпакет неофициальникам, естественно, не светит.

Гостям накрывают трапезную а ля ресторан. Наместник меняет машины стоимостью по паре миллионов. Архиерей служит не меньше пяти раз в год. Традиционный конверт 50 000 рублей плюс подарки, типа облачения за пару сотен тысяч рублей, плюс иподиаконы, плюс хор. Плюс ежемесячный взнос в

епархию 120 000 рублей. Плюс несколько неофициальных визитов в год с подобными конвертами.

Как себя ощущает священник через несколько лет служения?

Полное разочарование. По сути, стал агностиком. Если Бог и есть, то Он не таков, каким Ему предписывает быть православная догматика, и служить Ему надо иначе, чем предлагает типикон.

Если отмотать назад – пошел бы опять в священники?

Не пошел бы – не узнал бы всю подноготную РПЦ. Много лет потрачено впустую, но оно того стоило, что разобраться раз и навсегда в таком вопросе, как религия.

Нет ли желания уйти совсем: за штат, снять сан или в альтернативную церковь?

Есть — уйти совсем. Я учусь, оканчиваю курсы, получаю образование, ищу варианты. Как найду работу, которая обеспечит мне жилье и хлеб – уйду. На масло я давно уже зарабатываю в интернете.

От чего больше всего устаете?

От исповеди. Какими бы ни были взгляды, всегда хочется, чтобы у людей все было хорошо. Но не всегда у тебя есть ответ на вопрос, что задает человек, либо ты прекрасно понимаешь, что твой совет ему не пойдет, он или сделает по-своему, либо найдет священника, что ему более близкое посоветует. Плюс исповедников в праздники бывает человек 60-100, выматывает.

Есть ли разрыв между тобой-человеком и тобой-священником?

Нет, всегда вел себя естественно, из-за этого имел и имею кучу проблем от своих же коллег. Но это и мое успокоение, я был в честном поиске, а если кто и ошибался, то те, кто меня постригал и рукополагал.

Каким видится будущее (собственное и РПЦ): ближайшее, лет через 10?

К тому времени должен найти работу и уйти из священства, монашества, РПЦ. РПЦ, думаю, будет процветать, государству оно очень полезно. И как показывает пример католиков, грехи гомофилии и педофилии нам общество простит, как и архиереев в золоте. Только к этой организации не хочется иметь никакого отношения.

БРЕВНО В ЧУЖОМ ГЛАЗУ

В связи с недавним принятием закона «об оскорблении чувств верующих» и обсуждением в настоящее время закона о исключении абортотворцев из вида бесплатных медуслуг все более бросается в глаза возросшая роль религии в жизни российского общества. Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что лидирующую роль в этом плане в нашей стране занимает РПЦ МП. Адепты православия верят в то, что несут обществу «спасение» через насаждение высоких моральных принципов. Но являются ли они сами примером, исполняя то, чему учат? Имеют ли право религиозные деятели, не выполняя сами предписания своей религии, требовать от других что-то, проталкивая свои заповеди в ранг закона? Давайте разберем вопрос, а насколько они сами соответствуют своей вере, ибо моральный облик священства порой показательно отрицательный, а учитывая кучу фактов об обороте финансов внутри РПЦ вообще все это напоминает обычный бизнес.

Сразу отмечу, что мне внутрицерковная жизнь не чужда. Я много лет проработал в одном из монастырей, занимая различные должности, и весьма плотно знаком со многими священниками — как монахами, так и женатыми, — и с несколькими архиереями. К сожалению (ибо я люблю факты, проверяемые любым) при разборе моральных вопросов придется отказаться от ссылок на конкретные адреса, имена и даты за немногими исключениями по понятным причинам. В этом плане придется положиться на мою честность, хотя уверен, что все, кто знаком с вопросом, может сам припомнить не одну похожую по теме историю.

Всегда удивительно для меня было наблюдать раздоры в монашеской среде. В свое время я уделял много внимания работе над своей злобой и над желанием отомстить обидчику. Помнится, духовный наставник заставлял за таких молиться и считать себя хуже других. Помогло, теперь у меня не возникает желания заехать по щам, чуть что не так. Но наблюдаю, как некоторые доблестные христиане упрямо тащат свою ненависть к окружающим через всю жизнь, поливая грязью, внешне постоянно норовя обидеть и зацепить. Речь сейчас о монахинях. Странно, как они это совмещают с постоянной исповедью и причастием. Однако встречались и священники, отказывающиеся подавать руку своим коллегам перед Символом Веры и говорить «Христос посреди нас» перед совместным

причастием. Если кто не в теме – такое поведение категорически не соответствует духу Евхаристии.

Миряне тоже не сильно отстают. Знаком с историей женщины, поющей в церковном хоре, задушившей свою свекровь подушкой с целью получить квартиру, избежавшей суда и пришедшей ко мне на исповедь с просьбой не отлучать ее от Причастия, чтоб избежать ненужных подозрений от своих же. Жестковата история, чтоб в нее поверить со слов, не правда ли?

Никто не в курсе за гомосексуальность в Церкви? Грех страшнейший по ее же учению. И он среди духовенства.

Список грязных дел можно продолжать долго, но надо ли? Думаю, этого достаточно, чтобы показать, что служители церковные не случайным образом и не по залетам, а вполне осознанным образом уверенно ведут себя наперекор принципам, которым учат.

Перейдем к материальной стороне. Говорить за мирян и женатых священников не будем, какие-либо ограничения для них православием мне не известны. За патриарха тоже не будем, неинтересно. Его ФСО-кортеж, вилла в Геленджике, яхта и т.д. настолько избитые темы, что только мертвый не в курсе подробностей. А вот современное монашество и архиерейство. Последние важно величают себя апостольскими преемниками, только вот в чем – непонятно. Апостолы были странниками, одевались бедно, жили там, где примут и считали помимо проповеди необходимым зарабатывать себе своими руками на хлеб (апостол Павел плел палатки на продажу). (Ух, предвижу контртематическую тему про Василия Великого, окруженного царской роскошью, ну соответствовали ему бы тогда чудотворениями и прочими духовными дарами, а не мягкой подушкой под задницей.)

Современные же «апостолы» живут в домах, которые себе могут позволить только люди с доходом выше среднего, ездят на машинах, доступных только бизнесменам, едят... (ну, вы поняли). Если посчитать, сколько стоит одно облачение со всеми побрякушками (жезл, панagia и т.д.), сумма по самым скромным ценам выйдет в полмиллиона. Это годовой бюджет семьи среднего достатка. С каждой службой архиереи и его свита получают конвертики, архиерейский с крупного храма/монастыря может содержать до 100000 руб., с более мелких храмов суммы гораздо скромнее. Такие выездные службы происходят в среднем в две недели раз. С арифметикой

справились? Думаете, эти средства идут на благотворительность? Мне такие случаи неизвестны. А вот то, что большинство обзаводятся двухэтажным коттеджиком на старость да несколькими иномарками, это я знаю. И вот эти люди с амвона учат перенесению скорбей, учат терпеть материальный недостаток, говорят о том, что надо рожать детей и т.д. Мне лично слушать от них это противно.

Монашествующие. Устав Пахомия Великого (Толковый Типикон, Скабаланович) дает представление о том, какова должна быть жизнь монаха. Одежка, которую никто себе не возьмет, если ее оставить, строжайший пост (принятие раз в день 3-х ложек вареной пищи), постоянное пребывание в молитве. Что ж, автопарки монастырей без иномарок не обходятся, за одежду судить не будем, а вот пост. Вам приходилось бывать на монашеской трапезе? Скажу сразу, семье со средним достатком питаться каждый день так не под силу. Это если не брать праздничные трапезные. Их уровень уже напоминает то, что у нас соображают раз в году на новогодние праздники. Да что там, посетите любой монастырь да посмотрите на пузатых дядечек в подрясниках. Налицо полное отсутствие обычной меры в еде, не говоря уже о посте. Одна заслуга, что мясо вроде не едят. Вот невольно и задаешься вопросом, может там внутри что-то содержательное быть, когда внешне все указывает только на показуху ряс да на показуху молитв и служб?

С другой же стороны имею пару друзей-атеистов. Им по приколу водить дружбу со священником, мне, собственно, взаимно. Да, они внешне не нализанно-благодатные, могут употребить мат или выдать кощунственную шутку, но я часто ловлю себя на мысли, случись что – к ним обращусь в первую очередь, они быстрее помогут, чем собратья-христиане, в чем не раз уже убеждался на деле. И в связи со всем написанным давно пытаюсь подавить в себе вопрос – к чему весь этот церковный театр? С плохими зачастую актерами, не всегда удачными декорациями и однопроцентным КПД?

НАДО ПРИНИМАТЬ ПРАВИЛА СИСТЕМЫ, А НЕ ВЫЕЖИВАТЬСЯ С ЕВАНГЕЛИЕМ В РУКАХ

Этот текст автор написал уже после ухода из монастыря.

— Что есть величайшая иллюзия жизни?

Недавно я ушел из Церкви. Будучи иеромонахом, благочинным монастыря. Ясное дело, что каждый знакомый и не знакомый попытался выяснить причины, сподвигшие меня на этот поступок. И я столкнулся с тем, что в принципе сложно что-то объяснить людям, которые спрашивают тебя, уже имея свою точку зрения. Профессиональное выгорание, разочарование в РПЦ, атеизм — эти вещи в какой-то мере имеют место, но дело в комплексе причин, и чтобы их разобрать — стоит обратиться к истории.

Я уже довольно наслушался от бывших соратников, что мной овладел бес и помрачил мой разум. Поэтому писать правду не буду — все равно никто не поверит. Вместо этого расскажу выдуманную историю, которая произошла в параллельной вселенной, настолько отличной от нашей, что они не взаимодействуют даже на уровне квантовых эффектов. Естественно, все лица и события выдуманы, а если вам покажется, что они имеют сходство с реальными — перекреститесь. Если это не поможет — настоятельно рекомендую исповедоваться и причаститься при первой же возможности.

Водить в храм меня начала мама, лет с пяти. Она очень глубоко верит и старается для своих детей сделать все, что считает полезным. Так как ближайшая церковь в те времена была за 25 километров, то визиты были не частыми, а мое участие в них — не осмысленным. Поэтому тот период вряд ли имел важное значение для моего формирования как личности.

Воспоминания о первых попытках осознать свое отношение к вере относятся к тому времени, когда в нашем поселке открылся женский монастырь. Меня с мамой заметили сразу, и я оказался в алтаре, пономарем. Если у тебя нет выбора и на службе надо присутствовать — алтарничество неплохой вариант. Скучать некогда, записки, кадило, входы, просфоры. Плюс бонусы в виде особого отношения от постоянных прихожан. И мама счастлива.

Но присутствовать нужно было все воскресенья, а также в двенадцатые праздники и прочие сильночтимые. А братья-иеромонахи отец Киш и отец Мыш претендовали в целях моего спасения на мое личное время не только на литургии, но и на всенощной. Тут вспыхнул первый скандал. С «рабочим» воскресным утром я еще мог смириться, а вот забрать у меня вечер было чересчур. Я пытался протестовать, мама вразумляла посулами благодати, а

отец Киш грозил монашеским ремнем. А я плакал. От бессилия. Что я мог противопоставить матери? В ее руках все средства на вкусняшки и игрушки. Так и возник первый прогиб под непринятую систему.

Дальше — больше. Я все более не походил на сверстников — вечером гулял редко, общаться мне тоже позволялось не со всеми. Телевизор разрешалось смотреть в день 20 минут. Грусть, тоска, печаль. Выручали книги. В них я залипал порой сутками, и одолел чуть не треть местной деревенской библиотеки. Правда, за неумеренность в чтении тоже доставалось, но спрятать книгу под подушку проще, чем гулянку до двух ночи.

И пришел призрак суицида. Мне реально не хотелось жить. А зачем так жить, зачем? Я не скажу, что родители других детей все делали правильно. Но у них были какие-то свободы. Телек, улица, круг общения. А тут вместо выходных — церковь, вместо отдыха — запреты. Футбол нельзя, приставку игровую нельзя, питать отдельный интерес к девочкам религия тоже не приветствует. Зимой в 8-м классе я сломался. Хотелось сдохнуть. Два месяца стояла температура 37,2. Мама металась во все стороны, от педиатра до народной медицины, от акафистов до обливания крещенской водой. А организм чах. И тут знакомая церковная бабуля посоветовала ей молодого старца.

Мы приехали к нему на молебен. Это было то еще зрелище. Бесноватые ревели и кукарекали, крыли матом и возвещали всяческие пророчества. На исповеди отец Метлик быстро прозрел, что я исповедовался слишком общими категориями, и оставил меня на неделю у себя на более подробную исповедь. Мама ничего против не имела и отрулила домой в лучших предчувствиях.

Следующие несколько дней были переломными. Открывая новому духовному отцу подробности путешествий сверстникам под трусики и все случаи задушенных ужей, я краснел лицом до запредельных температур и спускал по семь потов. Облегчение после таких исповедей не передать словами. Плюсом у отца Метлика было убеждение, что если любого человека полностью обмазать святым маслом, то любая хворь пройдет. Практиковал он этакий тайско-православный массаж. Мне кажется, что польза от такой терапии сильно преувеличена, но плюс был в другом. Отец Метлик подарил жизнь. Точнее, он подарил новые взгляды на жизнь.

Температура спала. В медкарте сей случай не зафиксирован, но я к местным костоломам отношусь отрицательно в общем, а психиатров и психологов не признаю в частности. Летом я рванул к новому духовному отцу с купленной гитарой наперевес. Это были волшебные дни. Там были такие же товарищи по несчастью. Днем мы несли послушание, а вечер и ночь проводили возле реки — жарили картошку на костре, купались, играли. Не возбранялось радио и иногда можно было смотреть телек. Шикос. Мама при виде всего этого испытывала когнитивный диссонанс, поэтому меня всегда на каникулах мотало — часть времени дома, часть — у духовника, смотря какой выключатель у родительницы щелкнет в голове.

Ездить к отцу Метлику было действительно выгодно. Прихожане привозили ему всякие вкусняшки, которые есть не возбранялось. Он очень интересно говорил о вере и отношениях между людьми с точки зрения психологии. В то время я перенял от него кучу полезного. Он учил меня играть на гитаре, по его благословению мама приобрела и новый телевизор, и музыкальный центр, чего она не сделала бы сама. Духовник был таким гарантом от религиозных перегибов матушки.

Все это звучит невинно, но близился школьный выпускной и надо было принимать судьбоносные решения. При таком духовном окормлении политика партии была предсказуема, да я и сам уже пришел к мысли о священстве. Был переломный момент осмысления поведения верующего человека в обществе, соотношения науки и религии. Церковные лавки изобилуют литературой на эти темы, и из них я почерпнул, что вести себя по-христиански достойно, а креационизм сдруживает веру с наукой в общем и с теорией эволюции в частности. Православный человечек готов был вступить во взрослую жизнь.

В то время стала у нас известной икона Богородицы Кистевская. Известна тем, что отвечала на вопросы. На записках. Миром. Сама история с ней была мутноватая, чтоб получить ответ, надо было выйти из комнаты и все такое. Видимо Б. М. боялась спалиться за процессом. Но мой духовник ей доверял, чем и определилась моя судьба на следующие семь лет — вначале армия, потом семинария. Вариант с армией маме не понравился, она ревела несколько дней. Но против Богородицы не попрешь, и я призвался.

Армия оставила неизгладимые, большей частью приятные впечатления. Вырвавшись из семейной оранжереи можно было хлебнуть взрослой жизни.

В свободное время я молился, читал Евангелие, в этом чувствовалась необходимость. Духовнику в письмах писал исповеди. И укреплялся в мысли, что поступлю в семинарию по увольнении.

Так и вышло. После дембеля побухать мне не дали, отец Метлик лично отвез сдавать документы в семинарию. На очное поступать было поздно, ибо шел ноябрь, и я был зачислен на заочное с условием проживания в монастыре. Началась жизнь послушника.

Послушаний пройдено немало в плане количества. Звонарь, рухлядный, гостиничный, водитель, в качестве водителя закупщик, помощник эконома. Параллельно им было пономарство на праздничных службах.

Ах да, забыл упомянуть. Мой духовник, пока я был в армии, был назначен наместником того самого монастыря, за который я уже вовсю веду речь. Я был приближенным к нему. Сами подумайте — молодой, по-армейски и без лишних вопросов выполняющий любые указания и полностью зависящий от него в духовных вопросах — да, я был ценным кадром. Плюс при выполнении послушаний мне было все равно, кто стоит на пути, хоть архиерей — подвину в сторону, а послушание исполню.

У заочки свои положительные стороны. Про быт семинаристов я слышал много отрицательного, что меня не коснулось. Лекции на заочной сессии необычны, такое ощущение, что каждый преподаватель выдавал на них этакий концентрат информации, самые сливки по своему предмету, и это впечатляло. Плюс догматика, которая расширяла представление о Боге, история устава, которая кардинально меняет взгляды на богослужение. Я тащился от всего этого, как уж по стекловате. Вот они, грани Истины, можно завязывать с котлами в аду и лесопарком в раю и говорить о привитых душе качествах, которые и определяют ее состояние блаженства либо мучения по разлучению от тела.

Параллельно с этим шла духовная работа над собой. Обладая рядом страстей, о которых не буду подробно, я работал над их искоренением. Много не выходило, грешил, каялся, старался исправиться, иногда срывался. Чувство вины перед Богом за свое несовершенство, теория обожения и связанные с ним дары так увлекли меня, что когда зашел разговор о постриге — я был готов. В 22 с копейками с несколькими почти сверстниками я был пострижен в иночество.

Первый постриг не впечатляет так, как мантия. Вроде все то же внутри, только добавились ряса и клобук снаружи. Иноком я пробыл год, за это время произошло два значимых события.

Первое. Казначей монастыря, отец Нэко, долго отсутствовал по причине серьезной болезни, и я, за свою преданность и честность, был назначен его помощником официально, а по сути стал и. о.

Второе. Я посетил Афон. Святая гора для каждого своя. Кто-то из-под благочестивых шор видит там сплошную благодать. Но чуть трезвее взгляд — и соблазнов там можно огрести на вагон и маленькую тележку. Скажу так, я был очарован богослужебным кругом и порядками Хиландара. Что-то мне понравилось в других греческих монастырях. Неприятное послевкусие оставил Русик. И впервые в жизни в одном из монастырей я столкнулся с явной монашеской гомосеятиной. Жизнь определенно сделала подарок, предоставив этакое подобие курса «английский за неделю».

А по возвращении случился постриг в мантию. Это уже событие иного качества. Полная исповедь, опять красная от стыда морда, чистка ноутбука от фильмов и игрушек, раздаривание гитар и прочих вещей, при владении которыми монаху с Богом общение не наладить никак. Я залип в богослужебный круг с пятисотницей, в хранение очес и трезвение ума. Это весьма интересный опыт. Необычайная легкость и энергичность, которые нарушаются при малейшем проступке вроде обидного слова. И сразу летишь на откровение его, дабы вернуть чистоту. Был даже такой случай: я проснулся, на мне сидела обнаженная красивая девушка. Я ясно видел черты ее лица, ощущал ее вес и прикосновение кожи к руке. Через несколько секунд видение пропало, а органы чувств стали передавать реальность. Чем вам не история из древнего Патерика? Тогда я пришел к выводу, что молодой организм, который появился благодаря тому, что его предки занимались любовью, а не аскетикой, сложившееся недоразумение решил по-своему. Желудок и другие члены, несправедливо лишенные права голоса в управлении телом, были на взводе, и мозг в поисках компромисса выдал реалистичную картинку. Учитывая этот случай и еще пару с бредом после отравления, я скептически отношусь к видениям. Механизм понятен более чем.

Через три месяца меня рукоположили в диаконский сан. Самое беззаботное время. Ничего не решаешь, подстраиваешься под очередного священника.

Это даже забавно наблюдать, как они отстаивают свои особенности служения. А мне-то что — походил важно, покадил изящно, ектении возгласил напевно, потребил чашу, глаза в кучу и спать в келью. Знал бы, каково быть священником — остался б на всю жизнь диаконом.

В этом сане я окончил семинарию. Православное мировоззрение выходило на пик своей широты. Маячили радужные перспективы. Казалось, что у меня среди монастырских много друзей, которые всегда поддержат и помогут. Оказалось, что казалось. Дружили они только с моей должностью.

Пришло время рукополагаться в священство. Чистота и восторг, восторг от совершения таинства Евхаристии. Я долго оставался под впечатлением от сорокоуста и некоторое время служил ночные литургии вдвоем с чтецом, когда не стоял в графике.

Правда, большим испытанием и нелюбимым делом стала исповедь. Братия тут не при чем, они котятки. А вот паломники — тихий ужас. Некоторые так и говорят: своему батюшке стыдно исповедоваться, приехали вот в монастырь. Ну офигеть теперь. Я так-то смотрел порнографию, но то, что выдает порой евин род на этом собеседовании, даже и не снилось производителям немецкого кино.

Ну да это не беда, а вот другое... Выслушиваешь людей, вникаешь, стараешься дать содержательные ответы на вопросы, часто видишь, что это не то, что хотел услышать человек. Богословие на исповеди совершенно ни к чему. Батюшка, у меня сын/муж пьет/наркоманит/изменяет, что делать? В ответ сочиняй, что хочешь, если не желаешь выписывать рецепт из акафистов и сорокоустов. На потоке это сильно выматывает.

Сейчас в своем повествовании я подхожу к моменту, который мне кажется ключевым. Я искренне недоумевал по поводу некоторых предметов. Это были конверты архиерею, невозможность организовать службу по типикону, новые айфоны и айпады, святой квас, дорогие машины и прочие штучки. Не вижу смысла перечислять их все и разбирать подробно, тем более я не претендовал на истину. Меня интересовали комментарии духовника. Ему мои поиски правды в этом направлении были не по душе. И раз отца Метлика прорвало. Он объявил меня неблагодарным, сказал, что больше не мой духовник и пусть Бог меня ведет, как знает. Для человека, которому меня вручали при постриге, это было сильное заявление. Я, конечно, в то

время смирился, на все ведь воля Божья, но чувствую, что это предательство неявным образом сломало все, досель построенное, разбив розовые очки стеклами внутрь.

Я всегда медленно учился. От беспрекословного послушания с карьерным ростом надо впитывать в себя новые нужные качества: блат, взятки, ложь, жополизство, прогибание спины под любой каприз начальства. Надо принимать правила системы, а не выеживаться с Евангелием в руках. А я тут бродил по казначейскому кабинету, читая 5-й том Брянчанинова. Наивный.

При дроблении епархий отец Метлик стал епископом. Новый наместник, отец Открываш, в доверительной беседе сказал, что на прощание Метлик отметил, что я вор, ворую сотнями тысяч и доверять мне нельзя. Не знаю, кто из них врал, но при уходе старый настоятель благословил за него расписаться, и за подделку подписи меня лишили всех полномочий. В казначейскую вотчину вернулся отец Нэко. Он все говорил, что послушание его тяготит и что он просил снять с него обязанности. Ага, как же. Летел в кабинет, аж ряса развевалась. Я, правда, на обычной волне, взял комп и ушел, не рады мне — что встрывать. Хотя потом, когда слухи стали повторяться, я вполне серьезно пожалел, что не присвоил ляма три. Один фиг вор, а то б на вискарь и игрушки хватало бы.

Однако ушли меня не совсем, а на должность благочинного. Хотя я так и не понял — зачем. Отец Открываш не дал ничего делать, только травил по-своему. У него это излюбленное занятие — дискредитировать других.

Мы так собрались на первый духовный собор. Начался он с разборок, кто был против избрания Открываша на должность наместника. Открываш предоставил лжесвидетельство, приписав его отцу Нэко. Я потребовал правды, и, за ненужностью и неприятием оной делегатами, покинул собор. Такого малодушия среди священников я раньше не видел. Как только язык не отсыхает проповеди говорить? О, я еще оказался виноват, так сказали владыке. Типа молод, горяч, к клевете пока не приучен. И казначействовать сам отказался. Стоит заметить, что впоследствии за пять лет собор собрался лишь однажды по очень важному поводу — обсуждали, как будем организовывать день рождения архиерея.

Офигительные истории продолжались. С очередной архиерейской службы я отпросился по болезни, было обострение болей в шее. А меня должны были

наперсным крестом наградить. Наместник доложил, что я запил. Лживая тварь.

Чувствую, что скатываюсь на дневник. Но те события действительно были ломающими. Я сам стал лгать, когда надо куда отпроситься или взять денег. Ибо стало очевидно, что правда не в чести. Хочешь отъехать — лги как в последний раз. До сих пор противно за это.

А отец Открываш тащился от возможностей. Купил себе машину за два миллиона. Стал собирать вокруг себя воздыхающих баб да придурковатых послушников. Поустраивал «своих» на работу за хорошие деньги. Монастырь жил на то, что было создано и налажено ранее, до него. Стройки и крупный ремонт в обители прекратились, материальное обеспечение стало ухудшаться. Бюджет каждый год стабильно уменьшался. Все молитвенные усилия он направил на то, чтоб перессорить братию меж собой. Яркий пример, что для игуменства не нужны ни духовность, ни совесть, ни административные способности, лишь навык вовремя передавать архиерею конверты да дарить подарки.

Только все это я уже не воспринимал как волю Божию. Я тестировал себя и окружающих на предмет соответствия тому, что мы говорим на проповедях. Я разговаривал с иеромонахами и замечал явную несостоятельность некоторых их действий. Например, смотрим службу. Отец Нэко говорит, будем делать так и так. Почему, ведь в том году было иначе? Казначей напирает: к лешему традиции, читайте указания. Окей. В следующий праздник не понимаю действий отца Нэко, тычу в указания. К лешему указания, говорит он, по традиции вот так.

Или мое любимое. Заваливает утром отец Нэко в алтарь, глаза круглые, как у озабоченного кота, и почти до затылка. Был у старца, грит, старец сказал: 15-го война. Ну, война так война, не все ж миру быть. Приходит 15-е, войны нет. «Где война?» — требую я от казначея. «Старец вымолил мир, ты представляешь, как его Бог слышит!» — «Неплохо твой старец авторитет растит», — говорю я.

И так все. Исповедоваться братскому духовнику я перестал после того, как пару моих грехов с последней исповеди мне пересказал наместник. Впрочем, чернухи про каждого можно слить много, но веду я не к этому. Забавно наблюдать, как каждый прихожанин хвалит именно своего

иеромонаха, почитая за праведного. Ты киваешь, понимая, насколько, ох, насколько это субъективное мнение.

Я много думал о том, что мышлению почти любого христианина присуща сегментация. Вот ты исповедуешься, причащаешься, говоришь или слушаешь проповедь о Христе и любви. А вот после всего этого ты лжешь, клеветашь, злишься, обижаешь ближнего, присваиваешь чужое. И ничего, одно другому не мешает. Я не считаю это нормальным или объяснимым. Это показатель того, что христианство — фикция. Оно не справляется с теми задачами, о которых громко говорит. С другой же стороны, я стараюсь вести себя честно, ибо считаю такую модель поведения оптимальной, и надеюсь на взаимность от окружающих. Я готов прийти на помощь и уверен, что существуют ситуации, в которых я могу рискнуть жизнью ради других. Но для всего этого мне не нужен Христос. Это моя установка своего поведения. И более того, церковь мне мешает. Я хочу слушать рок-музыку, играть в компьютерные игры, пробовать на вкус разных женщин, есть, что хочу и когда хочу, и многое другое. Да даже травить себя алкоголем и сигаретами и набивать наколки, в конце концов это мое тело и мое личное дело. И, чтоб избежать нравоучений, показного презрения и косых взглядов, выход один — вон из Церкви.

Потом к общению внутри монашеского коллектива пропал всякий интерес. Эти темы про пагубность дрожжей, вред прививок, пользу Сталина и святость очередного старца вызывают отвращение. Возникает ощущение низкого интеллектуального уровня коллег. Возможно, к вам приходило это чувство, если вы слышали в проповеди, вещаемой с амвона архиереем или священником, о телегонии, соответствии каждого заболевания определенному греху, о несуществовании ВИЧ и подобном бреде. По сути, в современном научном взгляде на мир библейской истории и порождаемому ей мировоззрению нет места, и расхождение, очевидно, будет увеличиваться. У продвинутых сторонников версии творения осталось два замечания, которые заслуживают внимания. Первое — возникновение вселенной. Второе — появление жизни на земле. Я не буду излагать имеющиеся гипотезы по этому поводу, замечу только, что меня они вполне удовлетворяют и появление убедительных теорий по этим темам — вопрос времени. Как было исторически со взглядом на то, что Земля вертится вокруг солнца. Уверен я также и в том, что даже если человечество на передовой научных открытий столкнется с интеллектом и силой, подходящими под

понятие «бог», это будет не тот бог, что описан в Ветхом и Новом Заветах, Коране, мифах Древней Греции и подобной литературе.

За недостатком реального общения я опять ушел с головой в книги. Докинз, Фейман, Халперн, Чалдини — стали тогда любимыми авторами. Мои взгляды менялись, и православие перестало иметь на них хоть какое-либо влияние. Я почувствовал, что продолжать жить в монастыре и служить дальше — нельзя. Проповеди говорить я уже просто не мог, так как всегда имел обыкновение излагать на них только волнующие меня и пережитые лично вопросы. Служил Литургию уже безо всякой подготовки. Серьезно относился только к исповеди — люди имеют право на качественный продукт. Хотя и избегал ее всячески.

Замечу, что последний надрыв был. Когда в своих заключениях я дошел до точки «практически атеизм», призрак суицида пришел опять. Если б это было проще, вроде пули в висок — эти строки вы точно не читали бы. А так боязнь боли и банальная трусость сыграли свою роль. Но размышления о таком мизерно малом выпавшем шансе жить, чувство восхищения перед мирозданием направили мысли в правильное русло. Я заранее озаботился поиском работы, прошел пару курсов, пару медкомиссий, собрал вещи и уехал с монастыря.

Времени прошло немного. От иеромонаха не осталось ничего. Утром я хавчу бутер с колбасой и топаю на работу. Мне интересно все — новый город, новая работа, новые люди. Конечно, что-то надоест, я раскритикую старые мысли, найду новые и буду их думать. А может, вернусь к старым. Без изменений становится чертовски скучно. И планов на будущее я пока не строю. Я существую, и это здорово.

«ВСЕ СДЕЛАНО ПРАВИЛЬНО»: ЗАМЕТКИ РАССТРИГИ

Прошло два года, как я покинул монастырь. В то время меня спрашивали совета несколько священников, желающих уйти, но не решающихся на этот шаг. Тогда я подумал, что обязательно сделаю заметки по адаптации в миру, и, коли сейчас я стал забывать подробности переезда, самое время это сделать.

Сразу отмечу, что для удобства восприятия по ходу изложения буду переключаться с психологической стороны вопроса к материальной

и наоборот. Я описываю свой опыт и прекрасно понимаю, что возраст, здоровье и семейное положение иного будущего расстриги будут отличаться от моего, и не претендую на универсальность, хотя, зная опыт и семейных расстриг, вполне бы мог. Итак, приступим.

Раз в церковь (или в РПЦ) привело сложившееся мировоззрение, значит, если встал вопрос об уходе, оно в чем-то изменилось. Хорошо, если это стал здоровый атеизм или агностицизм, психологических проблем в будущем будет меньше. Под здоровым я понимаю научный, обоснованный, такой, что человек прочитал минимум с полсотни книг по истории христианства и других религий, по догматике, биологии и физике, а не решил вдруг, что раз его не торкает причастие, то и бога нет. Но если речь идет о разочаровании в системе РПЦ, а учение Евангелия так же близко сердцу, то стоит озаботиться расстановкой приоритетов в голове на будущее. Негоже, если при первых же проблемах с поиском работы, недостатком денег или болезнью единственной мыслью будет, что это все по грехам, послано за уход из системы и надо покаяться и вернуться. Пути божьи на то и неисповедимы, что мы ничего про них не знаем, а гадать выходит много себе дороже. Прочих знатоков воли божией стоит слать лесом, по вышеназванной причине никто не может быть авторитетом в этом вопросе, ни мама, ни поп, ни апостол Павел.

Как-то мне попалась такая заметка, цитирую: «если б я очнулся в незнакомом городе без денег и документов, то быстренько сориентировался и нашел бы работу грузчиком, к вечеру заработал пару рублей, мне хватило б на еду и кровать в хостеле, проработав пару недель, нашел бы работу в офисе перекладывать бумажки, через месяц снял дешевую квартиру, вник бы в текущую работу и предложил начальству развитие и улучшение со своей долей...» Короче, история заканчивается попаданием в топ-10 журнала Форбс. Минус подобных изложений в отсутствии стоп-слова, но идея до определенного момента верна.

Что я имел на момент ухода? Жилья, можно сказать, нет, светского образования нет, денег нет, возраст за тридцать. Обратиться за поддержкой к большинству «друзей» не представлялось возможным, они только начали бы отговаривать и всячески мешать. Я начал считать, сколько мне нужно на жизнь, и понял, что оптимальный для меня вариант не оставаться в провинции, а переехать в Москву. Я отучился два месяца на 6-й разряд

охранника, когда я уже собрался в столицу, об этом узнал старый знакомый из московского ОМОНа и позвал в полицию. Я подумал, что это неплохой вариант получить жилье и образование за счет государства, и согласился. Прошел медкомиссию, отпросился у наместника в отпуск на Афон, получил на это дело 25 тыс. рублей в бухгалтерии и отправился в Москву.

Мне повезло, что на те четыре недели, пока я проходил ВВК и оформлялся, меня приютил у себя друг детства, на это время не надо было платить за жилье. После принятия на работу в ППС я съехал вначале в хостел, который стоил 8 тыс. рублей в месяц, а потом нашел Вконтакте парня, с которым мы снимали комнату в коммуналке на двоих за 18 тыс. рублей. Три месяца я получал стажерскую заработную плату в 18-20 тыс. рублей, половина уходила на жилье, половина на еду. Крупы, курица, овощи — вполне себе достаточное и здоровое питание. Потом, когда в месяц стал получать 43 тыс., жить стало значительно легче.

Если кому-то стало интересно, а что там Афон — через неделю я позвонил наместнику, и сказал, что возвращаться в монастырь не собираюсь. Я пытался решить вопрос с епархией по поводу своего сана через почту, на что секретарь меня уведомил о необходимости личного присутствия. Тратить время на ничего не значащие для меня бумажки я, естественно, не стал.

Как чувствовал себя бывший иеромонах и благочинный (привыкший, что ему все целуют руку и прислушиваются к каждому слову), став как все? Мне кажется, что в отличие от многих монахов-балаболов я действительно воспитал в себе за время монастырской жизни смирение. До сих пор не могу обнаглеть и охаметь до общепринятого уровня. Поэтому проблем с социализацией у меня не было, а освоение метро, новой работы и подобного было интересно и доставляло удовольствие наподобие игровых квестов.

Правда, я встречался тогда с бывшими, «расстригами» или просто равнодушными людьми, с кем познакомился на фейсбуке после выхода моих статей на «Ахилле». Знаете, я никак не могу подобрать нематерного названия для диванных психологов-экспертов, которые ставят тебе диагноз по первый раз в жизни увиденной внешности, статье в инете или короткому общению. Я тогда наслушался таких перлов: «видно, что ты еще переживаешь из-за неправильности своего выбора», «ты стараешься быть

грубее, чем есть на самом деле» и подобных. Люди настолько бывают уверены в той чуши, которая приходит им в голову, что считают необходимым убеждать в этом других. Единственное, что меня тогда беспокоило, — это недостаток денег: когда у меня недостаток денег, у меня грустная мордочка, когда у меня грустная мордочка, тогда я никаким усилием не могу натянуть на свой фейс улыбку. Я специально обращаю внимание на подобные оценки окружающих, так как тогда почувствовал, что они действительно сбивают с толку в переходный период.

Я никоим образом не советую расстригам первым делом идти в полицию, но сама по себе эта работа — неплохой вариант социализироваться после монастыря. Присутствие на всех массовых мероприятиях столицы, общение с гражданами, повышение своей юридической грамотности, физическая подготовка. Спортивная нагрузка в учебке могла быть более трех часов в день, это отличная возможность привести тело в форму. Однако отсутствие графика и переработки сразу намекали на то, что это временный вариант.

Я не стал поступать в вуз и решил реализовать давнюю мечту — научиться программировать. Записался на онлайн-курсы, проучился полгода, получил соответствующие сертификаты и ушел из полиции. Сейчас я фронтенд-разработчик в одной сети клиник, получаю почти в два раза больше, чем в ППС, и продолжаю обучение. Передо мной хорошие перспективы развития и повышения дохода, в планах на будущее — свалить из страны. И хотя неизвестно, что будет завтра, на настоящий момент я уверен — все сделано правильно.

Послесловие редакции:

Этот текст Юрий Гуров написал год назад (на момент октября 2020 г.). За это время он женился, у него родился ребенок, работает Юрий веб-разработчиком.

ЦЕРКОВНЫЙ БОНСАЙ

Илья Крюков

Автор — бывший иеродиакон.

Очень благодарен «Ахилле» за то, что он существует. Действительно, здесь собираются люди самые разные, но всем им не все равно. Они с болью рассказывают о своих переживаниях, рассуждают. И в своих рассуждениях все чаще приходят к выводу, что в сложившейся в Церкви ситуации виноваты три иерарха (Страгородский, Ярушевич и Симанский), которые пошли на сговор со Сталиным и по его указке изуродовали церковную систему управления.

На мой взгляд, это не совсем так. Безусловно, в этом есть доля истины, но проблема лично мне видится глубже, в нашем отношении к монашеству и так называемой идее Симфонии. Прежде всего хотелось бы разобраться, что такое монашество, с чем его едят и как к нему относиться.

С момента издания Константином Великим миланского эдикта в 313 г., традиционное язычество стало сдавать позиции официальной религии, на смену ему очень быстро пришло христианство. Ромеи всегда обладали способностью держать нос по ветру, так и здесь, почуввав перемену ветра, дельцы, соблазнившись многочисленными преференциями, стали повально отказываться от веры отцов вовсе не ради красоты христианского учения и Царствия Небесного. Разумеется, большинство обращений были чисто номинальными. Христианство все более становилось мейнстримом. Номинальные христиане не отличались благочестием и стали заражать Церковь изнутри, началось падение нравов в среде христиан.

Некоторые же люди не могли спокойно за этим наблюдать, но и поставить что-то в противовес тоже не имели возможности. Ну, что, например, мог сделать благочестивый мелкий лавочник с влиятельным, но развращенным царедворцем? Епископы тоже не горели желанием налагать прещения на знатных безобразников, так как уже отведали вкус роскоши, и предпочитали их шалости не замечать.

Что же оставалось этим рыцарям печального образа? Они, опасаясь самим заразиться этим духом охлаждения, просто оставляли христианские города и уходили в пустыню, чтобы восстановить христианское благочестие в себе самих, путем богомыслия, молитвы и терпения всевозможных пустынных лишений. Как правило, они очень быстро восходили по духовной лестнице, обрастали учениками и основывали первые монашеские общины. Что примечательно, монашество тогда не носило постоянного характера, не на всю жизнь. Новоначальный приходил в монастырь, давал обеты на

определенный отрезок времени, 5-10 лет, после этого он выбирал, остаться в пустыне или вернуться к семье.

Многие могут возмутиться: а как же обеты, произнесенные Богу? На мой взгляд, любое обещание Богу смехотворно. Ибо Бог лучше нас самих знает наши возможности, темпераменты, да и будущее Ему, в отличие от нас, известно. Кроме того, отношения с Богом, построенные на обещании Ему, пахивают торгом. Если подобные отношения вполне годились для Ветхого Завета, то в Новом они выглядят так же нелепо, как как соска-пустышка во рту бородатого мужика. Вот и христиане IV-го века понимали это. И потому обет был вовсе не обещанием Богу, а всего лишь гласным принятием правил той монашеской общины, в которую поступал новоначальный монах.

Но такое пустынножительство продолжалось относительно недолго. Уже к седьмому веку большинство монастырей перебралось в города.

Константинополь уже тогда был густо населенным городом, в нем насчитывалось как минимум 30 тыс. жителей, и в его черте располагалось множество монастырьков с крохотной, облагороженной садиками и фонтанами территорией. Как и следовало ожидать, с внешними переменами монастырей наступили и внутренние перемены монахов. Они уже не желали сидеть в монастырях и празднично шатались по городу. Произносили полуграмотные проповеди на улицах, пугали жителей скорым концом света (что вполне узнаваемо и в наши дни) и распространяли всевозможные мракобесные слухи. Монахи навязывали свое нравственное суждение о любом общественном явлении.

Церковная власть была против них бессильна. Однако, особо зарвавшихся чернецов, которые по запарке объявляли василевса антихристом, светская власть предавала смертной казни. По мнению проф. В.Л. Махнача, именно монахи толкнули императора Льва Исавра на иконоборчество. Тот был человеком прагматичным и религиозные взгляды были ему безразличны. Монахи его раздражали не только посеваемым ими мракобесием, но и паразитизмом. Они не платили налогов, не могли быть призваны на воинскую службу. Численность монахов медленно, но неуклонно росла, открывались все новые монастыри. Император стал всерьез опасаться за благополучие и целостность государства, ведь для империи прежде всего нужны деньги и солдаты. Лев Исавр почему-то полагал, что влияние монахов зиждется прежде всего на хранимых в монастырях древних, почитаемых как

чудотворные, иконах. И он принимает по-детски наивное решение поднять иконы на недосягаемую высоту, чтобы лишить паломников возможности прикладываться к ним. Позднее иконы и вовсе объявляются идолами и подвергаются уничтожению по всей византийской империи.

Западная Церковь прерывает всякое общение с еретичествующим Востоком и культурно изолируется. Даже за высшим образованием римская Церковь стала посылать своих чад не в Константинополь, а в Кордову, где бытовало повальное увлечение Аристотелем. Именно от исламских и иудейских профессоров Кордовы римская Церковь заражается юридизмом и скепсисом. А Западная Европа и вовсе стремительно дичает, там наступают Темные века.

К середине девятого века, когда иконоборческая ересь в Византийской империи сошла на нет, Восточная и Римская Церкви предпринимают попытки воссоединения, но обнаруживают, что стали слишком разные. Отличия появились во всем: в богословии, храмовой архитектуре, богослужении. Именно эти отличия и послужили катализатором для дальнейшего, абсолютного разделения в одиннадцатом веке. Таким образом мы можем видеть самый крупный плод так называемой Симфонии Церкви и Государства. По моему мнению, идея Симфонии является красивой утопией и не более. Ведь заручившиеся государственной поддержкой иерархи не устояли перед соблазном бороться с еретиками не только пламенной проповедью, но и не менее пламенными казнями. Государство же в обмен на покровительство взяло для себя право совать свой бронированный нос в дела Церкви.

Монашество тоже не осталось в стороне и стало пробиваться во властные структуры Церкви. Доподлинно неизвестно, когда весь епископат стал монашествующим, однако известно, что с конца седьмого века, согласно 12-му правилу трулльского собора, епископ должен быть безбрачен. Но нигде (!) нет такого правила, чтобы епископ был непременно монахом. Напротив, есть правило, что если священник принимает монашество, то он продолжает служение, но если епископ примет монашество, то он должен оставить епископскую кафедру. И это вполне логично. Монашество — это образ покаяния, а епископский сан подразумевает власть, и эти две вещи несовместимы. Хочешь каяться — сними с себя власть.

Потом, в двенадцатом веке, церковные правоведы будут говорить, что под монашеством подразумевалась великая схима. Ничего похожего! Мантийного пострига тогда не существовало. Было две ступени мироотречения: иночество — начальная ступень и собственно монашество — великая схима. Возможно, в связи с этим была введена третья, мантийная ступень, но она тоже содержит обеты постничества, нестяжания и послушания. Зачем? Для того чтобы будущий епископ смог их благополучно поправить?

Вообще, мне совсем не понятно, зачем Церковь нарушила прямой завет апостола Павла: «Епископ должен быть одной жены муж...» (1 Тим 3:2). В конце концов, тот кто имеет опыт главы семейства, малой церкви, тому легче будет встать и во главе городской христианской общины. Будучи еще иеродиакonom, за рюмкой чая я поднимал этот вопрос среди монашествующих друзей, но те лишь делали страшные глаза и махали руками: «Ты что? Хочешь, чтобы Церковью баба-епископша правила?» На самом деле, если вернуться к древней практике выборности епископа верными, то я не вижу здесь особой проблемы. Тех пресвитеров, которые попали под каблук своих матушек, народ бы просто не выбирал. К тому же, вот епископы у нас безбрачны, в результате, что мы имеем? Я знаю уйму случаев, когда епархией или мужским монастырем де-факто управлял не епископ, игумен, а наглая, пробивная баба в апостольнике, сумевшая взять влияние над законным главой. Я даже не буду приводить случаи более тяжких извращений, когда у кормила стоит безусый любовник епископа, какие безобразные скандалы он учиняет епископу на людях, добиваясь исполнения своего очередного каприза.

Отказ от брачных отношений в совокупности с властью, богатством и всеобщим почтением, так подогревающими человеческую гордыню, порождает многочисленные пороки. Среди которых красной нитью прослеживается содомия. В отличие от других пороков, именно мужеложство в силу своей специфики, стало цементом, связывающим круговой, тайной порукой часть официальной иерархии. Причастность к этому греху стала почти обязательным условием для того чтобы взлететь на церковно-административном лифте до карьерных высот. И это вовсе не «заслуга» товарища Сталина. Монашеский гомосексуализм имеет настолько глубокие корни, что в определенных кругах именуется «монашеской традицией» или «чисто монашеским утешением».

Однако, это извращение не причина, а всего лишь следствие духовного разнагишания определенной части монашества. Основная часть монахов, сохранивших свою традиционную ориентацию, тоже понесла потери в духовной брани. Отдельные чернецы и вовсе сдались без боя, не имея на сопротивление ни воли, ни душевных сил. За что отдельное спасибо императору Петру Алексеевичу, именуемому Великим, за его медвежье изящество и утонченность, с коими он влез в дела Церкви, продемонстрировав всем полную невозможность идеи Симфонии.

Петр не мыслил за пределами категории «государство». Он все сводил к этой идее. Он был тираном как по установке, так и по методологии. Но в отличие от тирана Иоанна Грозного, не был эгоистом и не отождествлял понятие «Государство» с собственной личностью. Петр и себя подчинил идее государства до полного самопожертвования. Государство заменило ему высший смысл существования и в каком-то смысле встало на место Бога. Петр, как и Лев Исавр, был абсолютно бездуховным человеком. Идея Церкви как мистического Тела Христова просто не укладывалась у него в голове и казалась дикостью. Как сказал бы о нем И. Бунин, у него не было органа, которым верят. Вообще, русское общество раздражало его своей эллисцентричностью, от того и весь подростковый возраст первого русского императора прошел в немецкой слободе, на Кукуе. Поэтому он решает превратить Церковь в департамент нравственности. Он совершает чудовищную подмену, в которой уже не государство поддерживает Церковь, а Церковь служит государству, вытесняя Божие кесаревым.

С момента кончины патриарха Адриана, с 1700 г., Петр на протяжении 21 года спускает на тормозах выборы нового первосвященника. Все это время, параллельно ведя войну со шведами, он готовит церковную реформу. Ввести ее сразу он не решает, опасаясь народных волнений. Вести внешнюю войну и подавлять бунт одновременно было опасно, империя просто не вынесла бы такой нагрузки. Только с одержанием победы в северной войне Петр, почувствовав, что руки у него развязаны, создает контуры по управлению Церковью. Пилотное название ее звучало как «коллегия духовных дел». Однако, кто-то (возможно, Феофан Прокопович) подсказал, что от этого названия непристойно несет западной секулярностью, и император изменил название на православный, греческий лад — Священный синод. Отныне каждый церковный сегмент подчинялся Священному синоду, во главе которого стояло светское лицо — обер-прокурор.

Именно с этого момента в Церкви начинает душиться всякая свобода. А где нет свободы, там нет и Духа. У монастырей отнимается залог монашеского послушания — выборность игумена. Если ранее монахи самостоятельно выбирали своего духовного руководителя из среды братии, то в синодальный период игумен стал назначаться волей синода. Как правило, это был человек посторонний и не знакомый с уставом и спецификой управления отдельно взятого монастыря. Если ранее игумен прежде всего был духовником, то теперь он становится в первую очередь администратором. Меняются приоритеты в церковной системе — с духовных на вполне приземленные. Позднее, чтобы облегчить административную работу, функция духовника отделяется от игуменской должности, и братия обязывается нести послушание как игумену, так и духовнику. То есть у монахов отнимается право выбирать, кому исповедоваться. Вся духовная жизнь сводится к тотальной обязаловке.

Вообще, послушание лишается целесообразности. Послушание игумену логично и понятно, в случае его выборности братией, и если он в дальнейшем чем-то не угоден, то все вопросы к тем, кто выбирал. А сейчас назначают незнакомого дядьку и приказывают во всем его слушаться. Но простите, с каких это щей монах должен доверять спасение своей души кому попало? Сомнительно, что этого игумена знает и сам архиерей. А доверить свою душу можно лишь тому человеку, с которым бок о бок прожил в кельях по соседству не один год! Откуда подневольному монаху знать, что навязываемый архиереем игумен не педераст, не еретик, не шизофреник в конце концов? Да это архиерею, впрочем, и не важно, главное, чтоб монастырь продолжал быть епархиальной кормушкой.

Итак, в XVIII-м столетии монастыри становятся полностью подчинены правящим архиереям. Представить такое еще в XIV-м веке невозможно. Если б епископ сказал монахам эпохи Сергия Радонежского, что с завтрашнего дня они по его воле переходят на новый устав, то его бы просто выставили за врата обители.

Лишение монахов духовной свободы не замедлило отыгнуться жуткими безобразиями и побегами из монастырей. Н.С. Лесков в своих «Бродягах духовного чина» публикует сыскные листы на беглых монахов XVIII-го века. Приведу для убедительности небольшую выдержку из этого сочинения: разыскивается «иеромонах Варлаам, 60 лет, в трезвости спокоен и

обхождения честного; в пьянстве же сердит и к дракам охочь.

Священнодействие ему запрещено за убой игумена своего из ружья.

Макарий — совести худой, нрава развратного, тайно из монастыря бродит, пьянствует и к похищению чужого добра склонен... Амвросий — самого преразвратнейшего состояния, всех пороков скопище прегнуснейшее».

К последствиям духовного закабаления иерархи предприняли меры... еще большего закабаления. Бродячих и пьянствующих монахов отлавливают, забивают в колодки и отправляют в ссыльные монастыри. Когда читаешь это, возникает ощущение, что наши иерархи повредились рассудком. Они переносят методы государственного управления на Церковь, где залогом подвига и спасения всегда была благая и непринужденная воля. Да, можно заточить человека в монастырь, кормить его отбросами, называя это постничеством, совать ему ежедневно грязным сапогом в лицо и называть это смирением. Но невозможно человека привести ко Христу на аркане! Если посмотреть на историю Русской Церкви, то можно заметить, что все особо значимые преподобные, такие как Сергей и Никон Радонежские, Антоний и Феодосий Киево-Печерские, Кирилл Белоезерский, Александр Свирский просияли в период патриаршества, в синодальный же период таких светочей иночества мы уже не видим. Разве что приходит на ум преподобный Серафим Саровский, да и тот достиг таких духовных высот не благодаря, а вопреки сложившейся системе. Достаточно вспомнить как он называл антихристом правящего архиерея, который мешал ему окормлять дивеевскую общину.

Ныне модно сетовать на то, что «оскудел преподобный» в силу отсутствия настоящих послушников. Наглая ложь. Послушников, готовых бездумно выполнять любой заскок духовника, и сейчас хватает предостаточно. Вопрос в другом: где взять тех умудренных опытом духовников, которые смогли бы вести человека к духовному возрастанию? Такой подвиг самоотречения оправдан лишь в том случае, если человеку взамен дают Христа, а наши псевдостарцы, кроме своего раздутого эго, ничего предложить не могут, ибо сами духовно наги и нищи. Известны случаи, когда горе-духовники, запудрив мозги духовным дочерям, склоняли их к плотскому соитию с ними, а те повиновались, думая, что тем самым выполняют волю Божию.

Отсечение собственной воли не самодостаточно для спасения! Лишив монахов духовной свободы, превратив монастыри в дойных коров, стоит ли

удивляться, что монашество обмельчало. Святейший Кирилл настойчиво призывает монахов к отказу от компьютеров и мобильных телефонов, а те лишь смеются над его словами. И правильно делают. Потому, что патриарх переживает прежде всего о доходах, которые в свою очередь зависят от рейтинга монастырей. Если грубо, то его воззвание звучит примерно так: «Вы ребята не забывайте, что вы монахи, подвизайтесь получше, чтоб спонсоров привлечь, а уж мы на их пожертвования гульнем от души».

В монастырях устраивают сады с павлинами, чтобы привлечь толпы туристов, несущих монахам соблазн и обмирщение. Параллельно с этих же несчастных монахов священноначалие требует подвигов и умного делания. Монахи просят, чтобы монастыри закрывались для туристов хотя бы после окончания Литургии. Но разве ж это возможно? Ведь туристы несут в монастырь деньги...

Таким образом монахи не в силах выполнять те функции, к которым призваны. Некоторые читатели, возможно, возмутятся и станут приводить примеры монастырей с вековыми духовными традициями, но это всего лишь благочестивое лицедейство. Уж я-то, как человек проживший в монастыре десять с лишним лет и общавшийся с братией других монастырей, знаю, о чем говорю. В епархиальных, а тем более ставропигиальных монастырях в братию действительно набирают людей более высокого культурного и интеллектуального уровня, чем в стоящих на отшибе монастырьках. Монахи в таких монастырях, как правило, вменяемые, умные люди. Среди них редко можно встретить фанатика или иную асоциальную личность. В основном, это уставшие от всего люди, они как часы выполняют привычное, за годы надоевшее послушание, и мечтают, чтобы их уже оставили в покое и дали тихо дожить свой век. Практически у всех них имеются компьютеры, с помощью которых они переселяются из своей рутины в виртуальные миры, и надевают рясу с клобуком только для того, чтобы отслужить череду. Они уже не верят в перемены к лучшему и довольно апатичны к происходящему в монастыре, т.к. от них действительно ничего не зависит. Их поведение тоже является, по сути, пассивный протестом: «делайте, что хотите, я в этом дурдоме не участвую». Такие монахи за отсутствием если не опытного, то хотя бы грамотного духовника, уже набили себе шишки и оставили всякие духовные потуги.

Однако, встречаются особо упорные личности, которые ищут и все же находят «духовника», который отнимает у них последний клочок свободы и начинает самым бессовестным образом их эксплуатировать в личных целях. У таких несчастных довольно часто случаются срывы, они уходят в запои. Потом, конечно, терзаются муками совести, а духовники выдают эти срывы за признак духовного восхождения: «Вот видишь, какие искушения, стало быть, диавол не напрасно на тебя лютует. Уж больно не нравится ему твое духовное возрастание. Ты главное меня во всем слушайся, и все будет хоккей».

Разумеется, все это недоступно для глаз паломников. Никто из братии не делится с постоянными прихожанами тем, что творится в братском корпусе. Каждый монах на людях придерживается определенной модели поведения. Это обуславливается не попыткой пустить пыль в глаза ради личной выгоды, а, скорее, заботой о прихожанине, который тоже живет в своей елейной реальности, полной блаженно-юродивых, старцев, плавающих в клубах благовонного фимиама. Монах просто жалеет этого прихожанина, бережет его внутренний мир от надлома, ибо помнит с какой болью разрушилось когда-то его наивное и радужное представление о русском православии. Хотя, конечно, встречаются отдельные выродки, которые из корыстных целей ломают перед прихожанами комедию, имитируют прозорливость и прочие духовные дары.

Большинство монахов давно бы оставило монастырь с его глупыми, отжившими свой век средневековыми правилами, но им попросту некуда идти. Протянув не один десяток лет лямку монастырских послушаний, на склоне лет, уже потеряв здоровье и навык полученного когда-то профессионального образования, люди понимают, что адаптироваться в светском обществе будет очень сложно. Те, кто еще не потерял веру, боятся Божией кары за нарушение обетов.

Я не потерял веру, просто в определенный момент понял, что мой Бог совсем не такой, каким мне Его рисует Система, а раз так, то нужно уходить, пока не поздно. Пока Система не высосала меня всего или я не превратился в оборотня этой системы.

Этими размышлениями мне хотелось бы донести для братьев, которые еще не потеряли веру, но разочаровались в своем монашестве, одну простую мысль: не вы виноваты в вашей духовной стагнации. Загнав монашество в

угол, приняв на вооружение бредовую идею симфонии, Церковь из некогда ветвистого и плодоносного дерева превратилась в весьма дорогой, но бесплодный бонсай.

ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЕТОВ — НАКАЗАТЬ С НАРУШЕНИЕМ КАНОНОВ

Ровно год прошел с момента моего ухода из монастыря...

Казалось бы, пора некоторым как-то успокоиться, прекратить брызгать слюной и принять взвешенные решения. Ан нет... В мае, когда я привел свою беременную супругу ко причастию, настоятель прихода чрезвычайно озаботился возможностью моего причащения, хотя никаких канонических препятствий я к этому не имею.

На ближайшей встрече с архиереем этот настоятель задал, на мой взгляд, лишний вопрос: «как быть с причащением Ильи Крюкова?» Этот вопрос привел епископа Муромского и Вязниковского Нила в чрезвычайное эмоциональное возбуждение, и по запарке он устно отлучил на три года от причастия не только меня, но и... мою ни в чем не повинную, только что принявшую православие, беременную жену!

Через некоторое время, чтобы разобраться в ситуации и призвать если не к разуму, то хотя бы к трезвомыслию церковного помещика, я отправился на аудиенцию. Вопреки ожиданиям, аудиенция ничего не дала, владыка был, по своему обыкновению, предельно глух и самодоволен. Ничего вразумительного относительно каноничности нашего с супругой отлучения я не услышал, только оскорбления и хамство. А как еще полагается разговаривать с беглыми холопами? Жалко, что закона подходящего нет, а то б меня силком в колодках в монастырь водворили, да еще и плетей бы высыпали...

Как ни шуршали церковные клерки талмудами, ничего хотя бы близко подходящего к моей ситуации не нашли. И немудрено, тяжело искать черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет... Я запрещен в священнослужении со снятием священных одежд, это канонически обосновано. Но отлучить меня от причастия за то, в чем я уже понес наказание — вопиющее самодурство. Нельзя налагать прещения, руководствуясь только личными антипатиями, без канонических статей!

Аудиенция кончилась тем, что я по доброй воле написал прошение об извержении меня из сана. Недавно состоялся церковный суд, который ПОДТВЕРДИЛ епископское отлучение! Опять же — без всяких канонических ссылок. Звучали робкие голоса про епитимию, но ни я, ни моя жена перед епископом Нилом ни в чем не каялись!

P.S. Разумеется, к незаконному отлучению я отношусь как к небывшему. Мы с супругой продолжаем причащаться у священника, который боится Бога, а не самодура, ставшего по недоразумению епископом.

О «ТАЙНЫХ МИРЯНАХ» И О БРАКАХ С БЫВШИМИ МОНАХАМИ

Священноинок Боголеп

Автор — клирик под псевдонимом.

Многие новоначальные иноки весьма обольщаться на свой счет и сильно переоценивают свои возможности. Да, хорошо побывать в монастыре в течение какого-нибудь непродолжительного срока и, получив духовное и эстетическое наслаждение от находящихся там святынь и от удивительного по красоте и благолепию монастырского богослужения, окунуться в совершенно иную по своему древнему укладу иноческую жизнь, а потом снова вернуться к обыденной жизни.

Однако в последнее время, к сожалению, среди некоторых духовников, — которые вообще-то призваны к тому, чтобы помогать человеку в становлении на духовном пути, — распространилась постыдная практика принуждения к принятию монашества. Эти духовники паразитируют на доверии большинства верующих к такому богодухновенному явлению как старчество. И редко кто из крайне доверчивых и наивных новообращенных, со священным трепетом относящихся ко всему духовному, может в каком-нибудь «благообразном старце» разглядеть волка в овечьей шкуре. Когда человек приходит к вере в Бога, то особое душевное состояние настолько охватывает его, что он и тени сомнения не допускает в своих мыслях, что его могут обманывать «служители Неизреченного Света».

Эти «боговдохновенные старцы» и их окружение — с попустительства представителей высшей церковной власти, — прибегают к вполне сектантским методам: например, умалчивают о недопустимости вступления

в брак после принятия дьяконского сана или принуждают к монашескому постригу в раннем юношеском возрасте (хотя таковой по церковным канонам запрещен, тем более в период неофитства), а нередко даже запугивая «Божьей карой» за неподчинение «Божьей воле». И преследуют, пользуясь неосведомленностью новообращенных в церковно-канонических вопросах, вполне своекорыстные цели: получение бесплатной рабочей силы для своих обителей, возможность быстрого карьерного роста от увеличения числа насельников и создание особой «благотворной» атмосферы вокруг своего «духотворного старца». И их вовсе не трогают жизненные трагедии и изломанные судьбы, что в таких случаях, к сожалению, практически неизбежно. Не говоря уже об изощренных издевательствах в некоторых монастырях со стороны начальствующих под предлогом спасения твоей души.

Затем тебя непременно ждет еще ряд разочарований на твоём духовном поприще: несмотря на все твои усилия, основная масса мирян воспринимает тебя всего лишь как совершителя «волшебных обрядов»; большинство «собратьев по духовному цеху» видят в твоём лице не столько соратника, сколько конкурента «на рынке религиозных услуг»; а твоему священноначалию от тебя требуются в первую очередь вовремя сданные отчеты и добросовестно выплачиваемые взносы.

Потом тебя постепенно начинает одолевать чувство одиночества и приходит, наконец, переосмысление жизненных ценностей и отношения к семейной жизни. Ты осознаешь, что настоящая радость в ней исходит не от возможности жить в своё удовольствие (в таком случае это было бы проявлением эгоизма) и доступности интимной близости с противоположным полом (согласно церковным канонам таковая близость допустима лишь в венчанном браке), а от возможности общения с дорогим твоему сердцу человеком, с которым разделяются все тяготы и радости совместного жизненного подвига. И в первую очередь радость от взаимной беззаветной привязанности друг к другу и совместного воспитания детей — как квинтэссенции жизнедеятельности человека и плода обоюдной родительской любви, а также исполнения жизненного долга, вложенного Творцом в человеческую природу.

Трудно, наверное, представить чувство более трепетное, чем то, которое может испытывать отец в тот момент, когда, не успев переступить порог

дома, он ловит на себе восторженный детский взор бегущего в его объятия сына или дочери, ощущает прикосновение нежной детской щеки и осознает, что кроме него для его ребенка дороже и любимей нет никого на свете?

Ты приходишь к осознанию того, что добродетельная и благочестивая жизнь в миру не менее достойна восхищения и награды от Создателя, чем жизнь в «духовном оазисе» за монастырской оградой. К праведной жизни, к святости и к соблюдению заповедей Божиих призваны все люди — не только монашествующие, но и мирские. Разница между ними заключается не в степени святости, а в образе служения, к каждому из которых необходимо особое на то призвание, и в особых дарованиях от Бога на выбранном жизненном пути.

Многие люди (особенно в юношеском возрасте), не получившие должного церковного воспитания, не в состоянии отличить желание жить обычной церковной жизнью от монашеской, и в начале своего духовного возрастания вполне могут ошибиться (особенно под влиянием неофитского максимализма) в выборе жизненного пути, с легкостью приняв желание жить полнокровной духовной жизнью за стремление к иночеству, чем иногда, — как было уже указано выше, — пользуются недобросовестные (мягко выражаясь!) духовники.

Для того чтобы было более понятно о чем идет речь, можно прибегнуть к языку образов. Если Церковь, т. е. верующих, представить воинством, то священнослужителей можно сравнить с офицерами, а иноческие обители можно уподобить гвардейским частям. И если же вы решили вступить в ряды «церковных гвардейцев», несмотря на все ожидающие вас на этом пути трудности, то в наш, к сожалению, полный подлости и цинизма век нужно быть весьма осмотрительным, чтобы не угодить в «духовный штрафбат».

В случае же ошибки в выборе жизненного пути можно горько поплатиться. Состояние душевной опустошенности на грани нервного срыва может продлиться не год и не два. И ты не знаешь — выйдешь ли ты из него вообще когда-нибудь или нет, и никто тебе не может дать никаких гарантий. Уходит год за годом, а чувство самонереализованности охватывает тебя все сильнее. Пропадает аппетит, сон; и тебе уже ничего не приносит радости, — хотя при желании ты можешь себе позволить практически любое удовольствие. Вине также не можешь найти утешения — к нему как назло нет никакой тяги, да оно и не веселит нисколько, лишь сильнее нагоняя тоску. Все это

пытаешься заглушить, загружая себя до изнеможения работой, общением с людьми, документами, книгами — все что угодно, только бы не оставаться наедине со своими переживаниями и мыслями. Однако утешения не приносит ничего...

Единственной отрадой в таком состоянии бывает возможность общения с детьми, но после этого неизбежно тебя охватывает чувство уныния, а то и отчаяния — от отсутствия детского смеха, плача, лепета, запаха (приятней которого, наверное, нет ничего на свете), и особенно если к ним ты привык с раннего детства, воспитываясь в многодетной семье.

Отказаться от священного сана? Но лишь в нем чувствуешь свое призвание, подобно призванию, например, художника, который не может не писать своих картин, или композитора, не мыслящего своего существования без музыки. Но и церковное служение — крестины, венчания, встречи с детьми в детсадах и школах — все режет по живому, сердце сжимается от тоски и безысходности, и ты невольно вынужден прятать от окружающих глаза с предательски наворачивающимися на них слезами...

И проблема здесь для многих заключается не в простом влечении к противоположному полу, или, по крайней мере, вовсе не в вульгарном его проявлении, а в доходящей до предела психических возможностей потребности во взаимных чувствах, в непреодолимом желании проявлять нежность, заботу, свои самые лучшие и благородные качества в отношении к той, которая сможет ответить тебе взаимностью, и с которой ты сможешь разделить радостное бремя рождения детей и заботливые хлопоты по их воспитанию.

И рано или поздно она встречается на твоем жизненном пути...

Такое испытание (причем это является тяжелейшим испытанием для обоих) может выдержать далеко не каждый. Церковно-канонические же нормы, регламентирующие жизнь Церкви (составленные к тому же в глубокой древности), таковую ситуацию, к сожалению, не рассматривают, и выход из нее подпавшим под влияние лжедуховников приходится находить разный. Одни, стиснув зубы, стараются изо всех сил сохранить верность данным по неосмотрительности обетам. Другие, отрекаясь от сана, возвращаются к обычной мирской жизни. Третьи, в случае снисходительного отношения правящего архиерея (обычно из-за особых на то жизненных обстоятельств, а

также в виду щепетильности ситуации и сомнительности с церковно-канонической точки зрения законности такого рода пострижения), решаются вступить в гражданский брак, продолжая свое служение в Церкви.

Знаю даже о паре случаев, когда архиереи живших в «гражданском» браке иеромонахов перевели в разряд белого духовенства. Однако такие архиерейские «вольности» в церковной среде считаются противоканоничными, и наверняка одним из следующих на кафедре архиереев на бывшего чернеца, ставшего бельцом, может быть обрушена вся тяжесть церковного законодательства, согласно которому такого надлежит лишить священнического сана. Но при этом монашеский сан не снимается, а церковные правила предписывают ему (уже в качестве простого монаха), оставивши свою семью (естественно, об алиментах умалчивается), отправиться на жительство в один из монастырей для того, чтобы провести остаток своей жизни в покаянии.

В этом случае складывается совершенно парадоксальная ситуация. Священство, являясь таинством, в восточно-христианской (в отличие от западной) традиции считается «смываемым» — лишенный сана не имеет более права надеяться на его восстановление. Монашество же, напротив, в церковной традиции таинством не считающееся, объявляется пожизненным и «неизгладимым».

В современной церковной практике принято осуждать монашествующих священнослужителей, оставивших свое служение и вернувшихся к мирской жизни. Если кто-то решается обнародовать свои отношения и вынести решение своего вопроса в церковный суд, то таковой подвергается не только жесткому прещению (церковному дисциплинарному наказанию), но и (если не пожелает оставить свою семью и жить в каком-нибудь отдаленном монастыре на покаянии) совершенно выкидывается из церковной жизни.

Хотя дореволюционная практика (объявляемая большинством нынешних канонистов неправомерной), начиная с петровских времен, была совершенно иной — человеку, добровольно (но бывали случаи и насильственного расстрижения) слагающему с себя монашеский сан, дозволялось вступать в брак, — совершавшийся соответственно духу того времени посредством таинства венчания. А Духовный Регламент, несмотря на налагаемые для расстриг ограничения по месту жительства и государственной службы, предписывал предоставлять им возможность

устроиться на церковную (в качестве мирских служащих) или военную службу.

В настоящее же время обычно тот, кто решается порвать со своим священническим прошлым, лишается не только духовной, но и элементарной материальной поддержки. Монашествующая братия в основной своей массе — за исключением высокопоставленных и «своих» — не имеют ни трудовых книжек, ни отчислений в Пенсионный фонд (т. е. не могут рассчитывать на нормальную пенсию), и не имеют права надеяться (невзирая на многолетнее самоотверженное служение в священном сане) на помощь со стороны матери-Церкви.

Мы можем по-разному относиться к римо-католикам и спорить с ними о степени чистоты веры, но относительно обсуждаемого вопроса не может не вызывать восхищение отношение нынешнего понтифика к духовенству, оставившему служение ради создания семьи. Он не только ищет общения с ними, но и выказывает им свою поддержку: «Если священник влюбляется, — заявил он, — это ведет к пересмотру его призвания и к изменению жизни. Он должен найти епископа и сказать ему, что он любит, и оставить священство. И что тогда? — А я помогу найти ему занятие».

Из уст папы Франциска в адрес бывших священников звучат не слова упрека, а пастырское ободрение:

«Если ты ошибся — поднимайся! Нет ничего более человеческого, чем ошибки».

«Каждый человек должен смотреть на другого человека сверху вниз только тогда, когда нужно помочь подняться».

«Ни одного человека нельзя осудить навсегда за то, что он оступился; нет такой ненависти, которую нельзя было бы победить любовью!»

«Исправлять брата — это служение, и оно становится возможным и действенным лишь когда каждый признает себя грешником и нуждающимся в прощении Господа. Сама совесть, которая помогает мне простить ошибку другого, еще раньше напоминает мне о том, что я сам ошибся и ошибался много раз».

«Только один Бог лишен слабости, человек же по своей сути нуждается в Божьей поддержке. Мы никого не можем отбрасывать, потому что все мы —

сокровище в глазах Бога. Пожалуйста, не забывайте молиться и обо мне, потому что я тоже слаб».

«Церковь — не организация, ни культурная, ни социальная, ни даже религиозная... Церковь — это семья Иисуса».

По утверждению римского первосвященника, Церковь призвана «лечить глубокие раны искренним диалогом» и «омывать ноги, а не промывать мозги».

И если уж и применять в отношении «оступившихся» священников наказания в рамках действующих канонических норм, то по логике вещей необходимо начать в первую очередь с тех, кто — фактически мошенническим образом — их рукополагал и постригал в нарушение этих же самых канонических норм. И вместе с их жертвами извергать из священнического сана и отправлять на покаяние в провинциальные обители.

Если же у нашего священноначалия нет воли и решимости к таким одинаково справедливым действиям в отношении тех и других, то тогда необходимо поменять хотя бы свое отношение. Отказавшись от лицемерия, положить преграду к дальнейшим злоупотреблениям со стороны внутрицерковных сектантов и шибко рьяных церковных функционеров. И проявить «милость к падшим», оказавшимся (даже не столько по своей вине, сколько по вине недобросовестных пастырей) в сложной жизненной ситуации, но, несмотря на это, не озлобившимся и продолжающим оставаться верными чадами матери-Церкви и ожидающим от нее в лице своих духовных наставников и руководителей не отвращения и жестокого по отношению к себе обращения, а если и не сострадания, то хотя бы человеческого участия и духовной поддержки.

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ МОНАХИ

Алексей Плужников

Глава из книги «Где-то в Тьматараканской епархии». Все имена изменены, все совпадения случайны, такой епархии на свете нет, только в туманной Тьматаракани, за неведомыми горами...

До революции в нашем городе был мужской монастырь. В советское время на этом месте находились казармы, но владыка Георгий сумел выбить для монастыря одно большое здание, где стал располагаться монастырь (буквально несколько келий на двух этажах), жил сам архиерей, была его приемная, крестилка, редакция епархиальной газеты, богословский факультет, актовый зал и, наконец, большой храм на месте спортзала. Храм сразу же стал приходским, открытым для всех. Позже владыка выбил еще здание под епархиальный склад, регентское отделение, общежитие для студентов. Там же стала располагаться его приемная, бухгалтерия и т.п.

Буквально года три-четыре назад военные отдали последние казармы, стоящие квадратом вокруг огромной площади. От казарм остались только стены, полы и потолки, все, что можно, военные отодрали и увезли, поэтому в эти здания стали собирать миллионы, для их восстановления. Правда, непонятно, для чего: монахов не становится больше, студентов православного института становится все меньше.

Одним из первых монахов, которых я узнал, был иеромонах Виктор. По сути, он был чуть ли не первым священнослужителем, которого я встретил в жизни и с которым пообщался, и на которого много лет равнялся.

Отец Виктор имел высшее гуманитарное образование, был разносторонне одаренным: играл на гитаре, сочинял духовные песни и даже детские (у нас было несколько кассет с его записями). Он обладал хорошим слогом – епархиальная газета однажды несколько номеров посвятила дневникам отца Виктора, в которых рассказывалось о первых годах жизни епархии, о людях, которые были вокруг архиепископа Георгия. Отец Виктор довольно смело описывал, как рукополагали в то время людей, научившихся лишь держать кадило и читать 50-й псалом. По сути, эти записки за много лет существования газеты были самым интересным, что в ней когда-либо было. Жаль, но вряд ли эти записки существуют в электронном виде.

Отец Виктор руководил воскресной школой при монастыре, которая с годами разрослась до педагогического сообщества, там вокруг него собралось много духовных чад. Но главным его делом в течение нескольких лет было проведение огласительных бесед при монастыре. В то время (конец девяностых) монастырь был чуть ли не единственным местом в городе, где проводились оглашения на регулярной основе.

Каждый желающий креститься в монастыре должен был прийти минимум на три беседы, которые проводила пожилая женщина Наталья – поистине светлый, добрый человек (я дружил с ней все годы священства, очень любил ее и люблю до сих пор). Огласительные беседы в ее исполнении не представляли собой что-то сверхумное, она не сыпала цитатами, не блистала ораторским вдохновением, но когда она что-то говорила тихим голосом, сидя рядом с тобой на стуле, бок о бок, сложив руки на коленях, то чувствовалось, что каждое сказанное слово она продумывает, пропускает через сердце и относится к этому серьезно и благоговейно. Интонации ее голоса убеждали куда сильнее, чем слова. Она давала книжки из библиотеки крестилки, никогда не требуя записи, веря на слово, позволяя держать книги столько, сколько нужно: «Мы же ради этого их и держим – чтобы польза была! Читайте, читайте!»

Но важны были не только проникновенные интонации ее голоса – главное, она любила каждого приходящего, была искренне ласкова, дружелюбна.

Через несколько лет она сама стала тещей священника: ее дочь несколько лет мечтала о монашестве, даже ездила в паломничество в Иерусалим, надеясь принять там решение. Обрато она возвращалась на самолете, вместе с ней летел и епископ Новосибирский Сергей (Соколов) (один из того знаменитого семейства). Девушка подошла к нему благословиться на монашество. Он удивился:

— Какое монашество?! Замуж выйдешь, детей нарожаешь, да еще матушкой станешь!

Она вернулась в недоумении, но через некоторое время встретила будущего мужа, который стал священником, родила двух деток. Муж у нее настоятель большого городского храма – хороший парень, образованный, честный, порядочный.

Кроме бесед с Натальей, будущий христианин должен был посетить две беседы с отцом Виктором – тот приходил два раза в неделю. Беседы (вернее, это был монолог, размышления вслух) отца Виктора были глубокими, умными и настоящими. Он садился на стул посреди крестилки, смотрел куда-то в пространство близорукими глазами (зрение у него было очень плохое, но очков он не носил, отшучивался, что монаху полезно не видеть соблазнов мира) и начинал рассуждать, в чем же смысл крещения. Доказывая какую-то

мысль, он ребром одной ладони рубил по раскрытой ладони другой руки, как бы отсекая все лишнее и суетное. Часто добродушно шутил, рассказывал случаи из практики. Все приходящие слушали его, затаив дыхание.

Когда человек проходил все положенные беседы, его спрашивали: не передумал ли он креститься, все ли осознал. Нередко люди отказывались принимать крещение, говоря, что поняли, как это серьезно, что они еще не готовы жить христианской жизнью. Те же, кто крестились у отца Виктора, часто становились прихожанами монастырского храма.

Да, разумеется, крещение ничего не стоило – был в уголочке ящичек для пожертвований на нужды крестилки, куда можно было бросить по желанию что-то.

Параллельно отец Виктор был и епархиальным духовником – наверное, одним из лучших. Это он направил меня к отцу Петру, он осторожно благословил на рукоположение, высказав опасение, что мои взаимоотношения с начальниками меня могут не довести до добра. Но впоследствии я бросил ходить к нему на исповедь: с годами я растерял духовность, веру в духовников да и вообще покаянный и моральный настрой.

Однажды я встретил Наталью, которая ушла из крестилки, стала работать в монастырской лавке, — она была печальна. Что-то произошло с отцом Виктором: он стал обижать своих преданных духовных чад, которые заботились о нем многие годы, стал разгонять всех. Наталью он тоже обидел, а надо было очень постараться, чтобы обидеть такую кроткую душу. Она плакала:

— Как же так, я столько лет была рядом, помогала, а он так жестоко поступил со мной, так обидел...

В последние несколько лет игумен Виктор получил настоятельство в городском храме, в тот приход перебрались и его чада из воскресной школы. Что именно в нем изменилось – я не знаю. Возможно, то был монашеский подвиг избавления от зависимостей, к которым приводили тесные взаимоотношения с духовными чадами и помощниками, возможно, что-то иное. Но если и был человек, которого бы я уважал по-настоящему, то это был он.

Кстати, когда делили епархию, и владыка перебирал всех игуменов с целью предложить им епископский сан, отец Виктор отказался, хотя по хиротонии и образованию, а также по уважению и статусу епархиального духовника, он был бы первым кандидатом.

Самым колоритным монахом в монастыре был игумен Варлаам. У него был подходящий вид грозного старца (хотя он был средних лет), который он тщательно разыгрывал, явно в душе прикалываясь над людьми, верящими в это: длинная седящая борода, темные густые брови, пронзительные глаза, взглядом которых он любил пугать людей, худоба и импозантная сильная хромота, тоже добавляющая ему ореол терпеливо страдающего подвижника.

Он был благочинным монастыря, но многие прихожане были уверены, что он настоятель, самый главный тут, судя по его поведению, хотя настоятелем считался сам владыка. На исповеди к Варлааму всегда выстраивались очереди – духовника он тоже играл очень строгого, резко отчитывал людей, попавших к нему на исповедь, давал почувствовать себя маленьким засранцем, который вечно шкодит и которого надо в угол на горюх.

Но в жизни, где не было прихожан, игумен вел себя по-другому: любил шутить, часто приходил на регентское отделение поболтать с девчонками, хотя по возрасту годился им в отцы.

Он был довольно деловой, организовал при монастыре студию видео и звукозаписи, там записывали кучу дисков на православную тематику, даже кое-что снимали сами. Много из выпускаемого было довольно-таки правой тематики, с уклоном в особое почитание царя Николая, фильмы Юрия Воробьевского и подобное. Впрочем, Кураева и профессора Осипова они копировали и распространяли тоже.

Много лет Варлаам командовал в монастыре, но потом чем-то провинился перед владыкой и был сослан рулить в скит монастыря.

Особенностью монастыря было то, что за годы там постригалось и рукополагалось немало монахов, но мало кто задерживался надолго. В середине девяностых нередко были целибатные рукоположения молоденьких мальчиков, в возрасте около 20 лет. Через несколько лет им всем было велено принять монашеский постриг. Часть из этих иеродьяконов

и иеромонахов растворилась в неизвестности: кто-то уехал из епархии, кто-то женился, кто-то ушел за штат по болезни. Вообще, среди служащих монахов нередки случаи ухода за штат по болезни – домой, к маме, что показывает малую привлекательность монастыря для больного монаха, а по облегчении болезни многие из них стремились на приход, но не обратно в монастырь.

Одно время в монастыре был известен иеромонах Филипп, который ездил в Чечню во время конфликта, фотографировался там с солдатами, был легко ранен, за что получил медаль, а один скульптор даже слепил из иеромонаха статую. Но после подвигов иеромонах заскучал и исчез из монастыря навсегда.

Самым знаменитым монахом монастыря в конце девяностых был иеродиакон Флор. Знаменит он был своим великолепным голосом и тем, что создал потрясающий мужской хор, в котором пели и студенты-богословы, и монахи, и иеромонахи. С их богослужений не хотелось уходить: византийское пение, соло Флора и глубокий басовитый исон хора – это было нечто.

Но вскоре отец Флор куда-то пропал, много лет я о нем не слышал. Не так давно узнал, что он живет в другом городе с женой, ребенком, занимается спортом, небольшим бизнесом и продолжает петь в храме вместе со своим братом Лавром, разведенным священником. Судя по фото Вконтакте, братья по-прежнему поддерживают дружбу с иеромонахами монастыря, встречаются на байкерских тусовках, в общем, живут счастливо.

Самым знаменитым счастливым иеромонахом в епархии был некий Митрофан, который организовал в большом областном городе самый крупный приход, всех держал в кулаке, все у него жили по благословению, вставали в пять утра на послушания, трудились за гроши, а он над всеми властвовал и учил духовности.

Правда, потом одна из послушниц, монашка, забеременела. У иеромонаха случилась лейкемия, в которой ревностные прихожане увидели Божию кару за его грехи. Он вышел за штат, женился на своей монашке, еще родились дети. Как рассказывали отцы, он не слишком парился насчет своего статуса – приходил на службы и хотел сослужить вместе с отцами. Когда ему не разрешил настоятель, отец Митрофан обиделся:

— Ты что – меня не знаешь?

— Тебя знаю. И тещу твою тоже знаю.

Про одного игумена тоже ходили (по всей видимости, небезосновательные слухи), что у него была тайная жена и ребенок. Владыка даже вызывал его к себе на прием и требовал положить крест, но игумен открестился, мол, никакой жены, никакого ребенка – все наговор. Но его все равно сняли с настоятельства крупного городского прихода и отправили настоятелем в далекий монастырь в области. Потом этому же игумену владыка предлагал стать епископом, но в Патриархии почему-то его кандидатура не прошла.

Большинство иеромонахов всеми правдами и неправдами стремились попасть на приход, причем почти все они становились настоятелями приходов: кто-то – кладбищенского, кто-то – крупного городского. Все они жили на квартирах (про одного рассказывали, как он купил белый кожаный диван и очень беспокоился, когда кто-то на него садился).

Еще один молодой игумен тоже славился в нашем городе. Закончив православный институт, он ходил по всем девушкам, студенткам регентского, и предлагал им руку, сердце и крест – хотел рукоположения. Но когда никто не согласился, пошел и попросил постриг.

Он быстро продвинулся, стал настоятелем крупного храма, который был переделан из Дома Культуры. Раньше там был настоятелем упоминаемый мною в повести «Третье лицо епархии» ревизор епархии, отец Леонид, которого сняли за наглое воровство.

ДК как раз реставрировал известный у нас православный бизнесмен, одно время бывший и.о. главы города. Молодой игумен развернулся там, на руководящие посты поставил своих родственников. Стал устраивать всякие модные нововведения старины: служить Преждеосвященную литургию по вечерам, литургию апостола Иакова, регулярно выступать на епсобраниях, чем быстро привлек внимание архиерея, получив назначение в руководители одного из епархиальных отделов.

Когда началось разделение епархии, ему тоже владыка предлагал стать епископом, но тот наотрез отказался: толстый голубь в руке (приход) был ему слаще, чем орел под ногами. Митрополит рассердился и снял его с настоятельства, отправив в строящийся монастырь, но вскоре секретарша Оля зашла к владыке и накатила на него:

— Владыка, верните отца обратно на приход и в руководители отдела! Он приносил деньги всегда, отдел существовал на деньги его спонсоров – а сейчас денег нет! Верните обратно!

И владыка вернул.

В области было три мужских монастыря, но монахов там было – пальцев одной руки достаточно. Основным контингентом таких монастырей были послушники, трудники да тетеньки: в кухне, на уборке и т.д. Но если бы всех иеромонахов собрать с приходов, то монастыри были бы забиты под завязку, но таким аэромонахам легче снять сан и жениться, чем вернуться обратно в монастырь. И дело, думаю, не в том, что их там гнобят, унижают или заставляют трудиться с утра до ночи – скорее, им просто скучно там, нет свободной жизни, со свободными деньгами, временем и разными невинными удовольствиями.

Хотя, разумеется, есть и иной тип монахов в священном сане. Например, на одном городском приходе много лет служил архимандрит, который, как мне кажется (но могу и ошибаться), был воплощением скромности и нормального монашеского духа. Несмотря на то, что в городе он был единственный архимандрит (плюс духовник епархии), он ходил в бедном подряснике, ездил по городу на общественном транспорте, бегал по требам и жил в келье на приходе. Никаких забубонов, старчества или высокомерия от него не было видно или слышно. Служил тщательно, спокойно, к людям был доброжелателен, говорил тихо, приветливо.

Впрочем, еще одного иеромонаха я знал лично, классный парень, учился со мной в одном вузе и на одном факультете, только немного раньше. Он очень сильно похож на настоящего монаха. Наверно, именно поэтому он уехал из нашего города и спасается теперь в маленьком греческом монастыре. Уверен, он счастливый человек.

О таком же существе, как просто монах, без сана, мы практически не знали, не встречались они в природе. Если на всю епархию и было три-пять монахов, то их было не видно. Но одного, как мне кажется, настоящего монаха я все же встречал – в том же самом городском монастыре.

Много лет прихожанином храма при монастыре был один старичок, тихий, благоговейный, приветливый. Потом он стал помогать при храме, а потом его постригли. И с тех пор на воротах монастыря сидел счастливый сияющий

монах: маленький, сухонький, в самом затрапезном подрясничке, но радость и доброта были постоянным выражением его лица. Он всегда быстренько семенил на помощь, пытался всем услужить, низко кланялся, смотрел нежно на каждого приходящего и уходящего. Он постоянно перебирал четки, но не прикидывался молитвенником, а зорко посматривал: где он нужен, кому бы еще помочь да и просто кого бы поприветствовать и сказать что-то хорошее. Надеюсь, он навсегда таким и остался. Если уже не помер.

УНЫНИЕ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАХ, ЧУВСТВО ОДИНОЧЕСТВА И НЕНУЖНОСТИ — ВОТ ЧТО ДАЛ МНЕ МОНАСТЫРЬ

Исповедь анонимного иеромонаха.

Читая исповеди бывших священников и черноризцев, можно соглашаться с некоторыми высказываниями, можно отвергать. Можно смаковать гниль, которая, как оказалось, есть в Церкви. Можно осуждать «богомерзких отступников», а можно просто — «понять и простить».

Моя история не уникальна.

В детстве, начитавшись житий, мне захотелось стать великим подвижником благочестия — монахом. Мечтал о жизни в идеальном «Ольшанском монастыре»... Моя дура мать (каюсь, я так думал), не видя моего пламенеющего сердца и тяги к постническому житию, заставила меня окончить среднюю школу. И вот я, вчерашний школьник, подзаработав денег с отцом на стройке, поехал за советом к духовнику известного столичного монастыря. Но волей неба (а я так это и воспринял) остался в том самом столичном монастыре.

В первый же вечер иеромонах, который был старшим над послушниками, схватил меня за писюн. Через месяц, под предлогом забрать зимние вещи, я уехал домой. Навсегда. Казалось. Из-за нежелания порочить святейшее имя Матери-Церкви никому не рассказывал о домогательствах. Но жажда спасти мир и сделать его лучше победила. Я вернулся в обитель. Ради пацанов, таких же, как и я сам. Горящих, живых, настоящих. Которые жили в полуподвальном помещении, терпели бытовые нужды, только ради грядущего Царства небесного...

В 19 — постриг в рясофор. В том же возрасте мне один брат признался в любви. Что с этим делать, я не знал. И поделиться не было с кем. Вот тогда я понял — я сам и все свои проблемы я должен буду решать тоже сам. Одиночество вошло в мою жизнь.

В 20 меня рукоположили в диакона. Во время сорокоуста, после литургии, я вернулся в свою келью, лег, подорвался, сел. Думаю: может, диакону не подобает так вот лежать. Подумал — понял, что особо-то ничего и не поменялось. Я остался прежним, только что-то добавилось. И с этим нужно будет жить дальше.

Жил, страдал. Нереализованные желания, идеи и творческие порывы порядочно портили мою карму. Хотелось рисовать, преподавать... Занялся золотошвейством. В мастерскую пришли еще пару братьев. Но отношение священноначалия убило весь наш энтузиазм...

Еще до пострига в мантию, диссонанс, который появился из-за несоответствия того, о чем пишут святые книжки, и того, что видел, ввел меня в депрессию. Депрессия с годами только хуже становилась, превращая меня в циничного пессимиста. Я просыпался и спрашивал: «Господи, почему я не умер этой ночью?» Он молчал. На период депрессивной пятилетки выпал мой постриг в мантию.

Незадолго до пострига из монастыря ушел один мой друг. До этого события я с другом часто ездил в гости к монахиням ордена C.S.F.N. Да, к католичкам. В их маленькой общине была сестра, которая тоже решила выйти из ордена (у нее были временные обеты). На волне ухода из монашества товарищ с этой сестрой сблизилась. Как-то друг рассказал мне: когда эта монахиня объявила настоятельнице, что уходит из монастыря, настоятельница несколько часов кряду пролежала крестом, молясь в домовой церквушке об уходящей. «Если бы я узнал, что наместник так молится обо мне — я бы только ради этого не уходил из монастыря», — этими словами друг закончил рассказ. Через год я стал крестным отцом его сынишки.

То, что братья оставляли сан (у нас почти все монахи в священном сане), не было событием для обители. Монахи покидали священные стены с упорным постоянством — ежегодно оставляли монашество 1-5 человек. На это никто не обращал внимания. Наместник ставил однозначный диагноз: бабу нашел. Братья, перешептываясь, осуждали тех, кто за бортом.

Со временем я утвердился в мысли, что особо-то здесь никто никому не нужен. Или, как написал наш наместник резолюцию на прошении об уходе одного иеродиакона: любовь была без радости, разлука — без печали.

Уныние, отчаяние, страх, чувство одиночества и ненужности — вот что мне дал монастырь (нахожусь в другой епархии, а до сих пор боюсь наместника).

Ближе к 26 годам я начал заново учиться жить. Радоваться каждому дню. Любить себя и ближних.

Прожив в столице ровно десять лет, я уехал на малую родину. Благо, подвернулся случай — в одно забытое село нужен был священник. Наместник, как всегда, поставил и мне однозначный диагноз: бабу нашел!

Розовые очки бьются стеклом внутрь, так говорят. Мои не разбились. Так, немного выгорели на солнце.

На первом приходе начинал не что с нуля — с минуса. Не было ни где служить, ни на чем, ни с кем... Начал курить. По дороге в село брал литр пива и пачку сигарет. И уже на поповне, сидя в саду, пил пиво и курил. Курил и рыдал... Однажды, сидя на пороге баньки, куря, пия и плача, взглянул на небо. По всему небу тянулись четыре параллельные полосы. Так, словно Кто-то оставил след, проведя рукой. С той стороны. Так, словно Кто-то показал, что Он рядом. На расстоянии вытянутой руки. Разрыдался как баба.

Погодя, мне накинули еще один приход, чтобы не дать умереть первому. Второй приход хоть и бедный, но не нищий, как первый. Во втором приходе служу в роскошном старинном храме. Правда, денег на содержание нет. Крыша затекает, роспись портится. Зимой служба при минусовой температуре. Благо, хоть в доме, зимой, уже не +7 на термометре.

Пытаюсь вести активный образ жизни. Пою в местном Доме культуры, вышиваю, занялся художественной фотографией. За последние четыре года отработал воспитателем семь смен в детском оздоровительном лагере. Вроде как и все хорошо, но временами, бывает, проснешься утром, а жить не хочется. Монастырская «закалка» дает о себе знать.

Вот, мне сорок лет. В прошлом году сбылась моя давняя мечта — Боженька послал мне сына! Нет, я не женился — взял под опеку сироту. Меньше, чем

через год, Боженька дал мне еще одного сына. Вот так и осуществило небо мои желания и идеи — и семья, и, почти, монастырь.

Хвалиться счастьем не буду — оно любит тишину.

ИСПОВЕДЬ БЛУДНИЦЫ, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ ИГУМЕНА-ДОБРОХОТА

Анонимная исповедь прихожанки.

Героев моей истории (а их несколько) объединяет одно: такие, как они — цвет и гордость РПЦ. Ох уж это завораживающее благонравие, доброта глаз, смирение во взгляде, искрометное разбиение высокой моралью чужих грехов, словно вавилонских младенцев о камень...

Когда-то жизненные обстоятельства привели к тому, что я решилась на разговор со священником. Священник, что мне попался, имел кристально чистую репутацию, это меня и подкупило.

Я только и успела произнести, что я не замужем, в отчаянии и нет жизненных сил, как одним из первых вопросов (голосом непререкаемого авторитета) был: «Мужчин как женщин неестественно услаждали? С женщинами в контакты вступали?»

Моя душа воспротивилась такому натиску и вопросам, не относящимся к сути дела. Но я ответила — на этот и на дальнейшие вопросы в подобном ключе. Священник, выяснив, что все же я «блудница» (так как была инициатором развода и имела когда-то внебрачные отношения), душевно, по-отечески похвалил меня за очищение души и спасительный стыд и отпустил до следующего раза.

Как ни странно, даже такая исповедь психологически мне помогла, главное, я получила разрешение на причащение Святых Тайн, которого не имела с детства.

На следующих исповедях вновь бывали вопросы на интимные темы, после чего священник исходил справедливым гневом и, вылив немного помоев, успокаивался, проявлял добросердечность.

Кстати, любовь, все самое светлое, что может объединять мужчину и женщину, вызывали в нем огромное противостояние. Мне было неудобно

замечать, что поступки и семейная жизнь этого священника порой противоречат его проповедям и элементарным понятиям о порядочности. Я списывала это на обстоятельства, недопонимание и т.д. Самое главное: я довольно долго предполагала, что в душе он очень и очень хороший, справедливый, настоящий мужчина.

Начало зимы N-года.

По просьбе общих церковных знакомых нашего прихода я приобрела кое-какие предметы околорелигиозного характера для одного игумена из соседней области, часто заезжающего в наш город. Вследствие этого с игуменом мы познакомились еще по интернету, и он обещал заскочить на чашечку чая, когда будет проездом в наших краях.

Передачу с его участием мне довелось посмотреть в интернете еще до нашей встречи. Это было сочетание пустоты и высокопарности, в целом поверхностно, плоско, тривиально и даже не по-мужски елейно, наивно. Однако говорил он уверенно, назидательно и благонаравно.

«Что надеть?» — думала я, ведь это не просто священник, а монах, и традиции диктовали надеть одежду попроще. Еле отыскала бесцветную юбку и бесформенный свитер, накинула курточку, так и встретила его около дома, и мы зашли в подъезд.

Он оказался не так молод, но чувствовалась непосредственность, некий юношеский задор. Он доброжелательно и властно посмотрел на меня сверху.

Первое, что сделал ангельский чин — прижал меня к стенке и поцеловал. «O Lucidus!» — «O свет очей моих!» Чай оказался не востребован, как и те самые вещи, которые я купила для него. Случилось то, что случилось.

На его запястье были намотаны молитвенные четки с крестом, это не смущало игумена творить все, что ему вздумается, а даже наоборот, казалось, разжигало его страсть. Для меня значимость всего этого тоже рухнула в один момент, ведь моя вера возрастала без влияния церкви и предрассудков. Можно было и влюбиться, чем не мужчина, один красивый тембр голоса сбил мой сердечный ритм.

Но романтика закончилась, и действия игумена стали более чем нестандартными. Никогда я не переживала ничего подобного и более отталкивающего. Передо мной был незнакомый человек, развращенный и грубый. После всего, что произошло, он спросил, были ли у меня до него батюшки. Правда, когда он пришел в себя, то даже постарался утешить, явив всю силу обаяния.

На прощание он сказал, что будет приезжать ко мне время от времени. Все, о чем я думала, как бы поскорее закрыть за ним дверь.

Я знала, что «благочестивый» игумен — уважаемый друг священника из нашего прихода, того, у которого я исповедовалась. У меня витали мысли: как же он рискнул перед носом у авторитетного коллеги такое творить и каковы же на самом деле эти два хлопца.

И все же наши отношения на этом не закончились. Игумен говорил вполне открыто о том, что это его работа, что ему важно хранить созданный образ. «Как он не сходит с ума?» — думала я.

Он познакомил меня со своей матерью, скромной приятной женщиной и, видимо, очень одинокой. Это расположило меня к нему всем сердцем, несмотря на все несовпадения. Его мама запросто пригласила меня навестить ее дом, намекнув, что и сын часто у нее гостит. При маме он вел себя иначе, мне это очень понравилось — видеть его без лицедейства. Помню, с ужасом думала о сломленной сексуальности вполне интересного мужчины. Чей же преступный ум толкнул когда-то здорового юношу в эту жизнь, полную лицемерия? Хотя на тот момент он уже был не жертвой, а человеком с мироощущением преступника, который боится разоблачения.

Сама прекратить отношения, которые зашли так далеко, я сразу психологически не смогла бы, учитывая, как нарушалось мое личное пространство в церкви и как тренировалась покорность, а критическое мышление пресекалось. Я не знала, что мне делать.

Буквально через день после одной встречи, гостивший в городе игумен и мой знакомый священник служили в храме вместе. Там же, в храме, этот священник застал нас в момент невинного общения. Он дал мне понять, что ему все известно и секрета никакого нет, даже игриво, без осуждения, прокомментировал ситуацию.

Вскоре после этого мы с игуменом встретились в центре города и зашли в кафе. Он сказал мне, что для того, чтобы ко мне имели интерес такие люди, как он, я должна что-то из себя представлять и иметь положение в обществе. Что он имел в виду — удавшуюся карьеру? Деньги? Состоять в удачном замужестве? Потом я узнала от знакомых, что светские дамы посещают его монастырь, как и он навещает их, возможно, для совместной молитвы.

Вероятно, по его мнению, это был просто добрый совет, но ничего более неприятного мне еще никто не говорил. После второго вопроса в смс, он меня заблокировал.

Я продолжила ходить в храм, игумен был забыт, а приходской священник вел себя достойно и сдержанно. Разузнав подробности встреч, почти гладил меня по голове за некие духовные успехи, пока тема казалась ему живой и опасной. А я просто не понимала, что происходит, и принимала эти сомнительные утешения, уходя, разумеется, с пустым сердцем.

В тот период из-за собственных сомнений я перестала причащаться. Хотя формально я каялась, но тяготили меня другие мысли. Везде виделось ханжество, слушать благочестивые проповеди было просто невозможно. Все ответы на все незаданные вопросы я уже получила как бы вперед. Я бы покинула церковь навсегда, если бы не мое глубокое желание молиться в церкви и причащаться Святых Тайн.

Когда я попросила вернуть причастие, мне было отказано. Прошло еще довольно много времени, я оставалась одинока, потом снова обратилась с самой сердечной просьбой. Но снова увидела усмешку и услышала отказ.

Священник, друг игумена, упоминал строгость канонов. С особым ехидством и даже злобой заявил, что в нашем храме читается чин анафематствования, что на него я могу прийти — это, по сути, для меня. Странно было слышать это от него, человека абсолютно прагматичного, поддерживающего близкую дружбу с разными подозрительными личностями, лишь бы была от них ощутимая польза.

Возможно, я уже задавала неудобные вопросы, и вместо ответов мне выдали брошюрку, которая называлась: «Немощи пастыря и благодать Божия». Ее содержание вызвало у меня улыбку, но все же я приняла главную мысль: «...благодать... не может утратить своей силы и значения, какими бы пороками и беззакониями не отяготил пастырь своей души». Ну, допустим,

Дух дышит, где хочет. Но все же так и всплывали в памяти строки о порождениях ехидниных.

Тогда я ушла, но на этом история моего падения в пропасть не закончилась...

P.S. В соцсетях я порой с печалью вижу фотографии игумена с отеком, опойным лицом: вот батюшка с Чашей, тут он исповедует подростков, а тут благочестивый монах преподает молодым девицам урок религиоведения или нравственности...

ЧАДА И ПАСЫНКИ: ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ МОНАШЕСКОЙ

Евстафий Корнер

Глава из текста «Спасибо, что не гомик!».

Как поговаривали эмигранты всех волн и поколений, только первые пять лет тяжело, затем привыкаешь. От тихой дремучей провинции к переполненной и бурлящей житейскими морями-океанами столице тоже перейти было непросто, перекроить себя во всем: новая работа, новые связи, и головокружительный ритм повсюду. Слава Богу, нашлась вакансия по специальности, более-менее повезло с жильем, вот и о продолжении служения церковного приспело время подумать. Поначалу пришлось смиряться: в близлежащих храмах псаломщики и алтарники на зарплату не требовались, только за «спаси Господи». А у нас с супругой уже подрастали дети вместе с их запросами, поэтому даже скромный приработок пришелся бы весьма кстати...

Однажды мне улыбнулась удача — получил скромно оплачиваемое, но благодатное послушание в столичном епархиальном управлении. Долго там, увы, не задержался: искушенные в интригах епархиальные «матроны» скушали меня довольно быстро, представив перед начальством в самом невыгодном свете. Без всяких разбирательств мне указали на дверь. Перед этим в приемной секретаря некий добрый пастырь остановил меня, сказав: «Слушай, братец, наш друг и благодетель N.N. храм будет восстанавливать в области, священника нашли, теперь причт собираем — поедешь?»

Забегая вперед, скажу, что епархия оказалась вовсе не столичной, а соседней. Состоятельный московский бизнесмен решил возродить храм

на родине своих предков. Место оказалось живописнейшим: лес, речка, цветущие луга, приветливые и радушные жители, необычайная тишина и покой повсюду — словно находишься не в нескольких часах езды от Первопрестольной, а где-нибудь в вятской глуши. Но ради поездок на воскресные и праздничные службы в этот дивный уголок русской природы вовсе было не жалко вначале давиться в переполненной дачниками электричке, а затем трястись по ухабам на выдавшем виды «пазике». Я назвал обретенное место служения «мечтою поэта», думая рано или поздно окончательно перебраться сюда вместе с семейством.

Единственным препятствием виделось одно: как прожить здесь на скромное дьячковское жалование — даже если питаться с собственного огорода, детей все равно нужно в столице учить, да одевать-обувать...

Этими мыслями и поделился с настоятелем, который, как и я, согласился на служение в этом чудесном «заповеднике». Иеромонах Никон (Дауров), ранее исправлявший в крупном возрождавшемся монастыре должность эконома, был приглашен сюда упомянутым благодетелем, с неофитской горячностью и поспешностью жаждавшим воскресить из руин каменную церковь, от которой остались только стены, да чудом уцелел алтарь с остатками иконостаса. Рядом располагалось кладбище, где еще с допетровских времен находили последнее пристанище пращуры нашего мецената. С выбором настоятеля он явно не прогадал: о. Никон оказался с коммерческой жилкой: «Вот восстановим храм, а дальше поставим заводи — свечной, масляный и сырный, чтоб людям работу хорошую дать, чтобы не уезжали из села, а наоборот — к нам стремились». Мне же в грядущем хозяйстве была предложена должность директора по персоналу с окладом (подумать страшно!) в десять тысяч «зеленых». Даже первая любовь когда-то так не вскружила голову, как это настоятельское предложение...

Но пока нужно было вложить немалые средства в реставрацию церкви и дома причта, облагородить кладбищенскую ограду, засыпать гравием все ямы и колдобины на подступах и подъездах к нашим святыням. Меценат исправно выделял деньги, работа кипела. И вдруг он внезапно исчез: «лихие девяностые» все еще давали о себе знать. Поговаривали, что его похитили и убили рэкетиры, а тело закопали неизвестно где. По другим слухам, бизнесмен, предвидев расправу от конкурентов, перевел капиталы за границу, сменил фамилию и внешность, и до сих пор благополучно

здравствует где-то за океаном. Мы же остались предоставленными самим себе. Спонсорские деньги вскоре утекли, словно вода в песок, реставрацию и стройку пришлось заморозить, кое-как рассчитавшись с рабочими и специалистами. Подступала осень, дул недобрый и насквозь пронизывающий северный ветер с мелким и колким ледяным дождем. Мы приуныли, сознавая, что времена для нашей общины настали нерадостные. Хотя подлинные скорби были еще впереди, во всяком случае для автора этих строчек...

После одной из воскресных литургий, когда мы с настоятелем и прихожанами сидели за чаем в церковной сторожке, обогреваясь теплом хрестоматийной «буржуйки», к о. Никону нагрянули солидные мужчины на дорогих иномарках. Он принял их радушно, представив как своих давних приятелей и однокурсников по экономическому факультету, где когда-то окончил два или три курса, а затем, претерпев горе-злочастие от неразделенной любви, удалился от мира в монастырь. Несложно было догадаться, что наш пастырь готовился к их приезду, ради чего были припасены несколько бутылок прекрасного массандровского кагора и небольшое количество изысканной снеди. Гости же не стали утруждать себя трапезой, говоря, что заехали к нам по пути на охоту, а о. Никона с нетерпением ждут в столице такого-то числа там-то и во столько-то.

...Следующим воскресным днем мы немало удивились, когда сам о. Никон вышел из престижного авто, за рулем которого добрался до нашей глуши, и направился к храму. Вид его был немного растерянным, он словно извинялся за свалившееся на него счастье: «Не я сам, мне однокурсники подарили...» Мы же возрадовались: наконец-то настоятель сменил выдавшую виды «Ладу» — теперь можно на батюшкиной машине добраться к храму с комфортом! Правда, по очереди — иномарка хоть и была просторной, да не вмещала весь причт и столичных прихожан. На трапезе после литургии открылось, что новые благодетели подарили ему не только автомобиль, но и небольшой бизнес по производству упаковки. «Вот поднимусь теперь немного, заработаю — тогда вновь будет чем с реставраторами расплачиваться, храм восстановим, а затем и заводики поставим: свечной, масляный и сырный», — делился с нами о. Никон своими далеко идущими чаяниями. Мы не возражали: значит, промыслом Божиим так было определено вдохнуть новое дыхание в возрождение разрушенной

святыни — пусть наш пастырь займется бизнесом, если богатых жертвователей больше нигде не сыскать...

Если в прежние времена о. Никон проводил в деревне целые недели — благо, было, где ему устроить келью, — то отныне он появлялся только на праздничных и воскресных литургиях, да на всенощных, которые служились лишь накануне двенадесятих праздников. Мы воспринимали это как должное — бизнес есть бизнес, нерасторопных он не любит, разоряет и выталкивает на обочину. Постепенно заметили и перемены в облике настоятеля. С какого-то времени он стал мало чем отличаться от мирского человека — лишь клиновидная восточная бородка выдавала в нем клирика, да и то, когда был при рясе и наперсном кресте. Потянулись месяцы, годы... Иной раз о. Никон спешно покидал приход сразу по окончании службы, если не было треб, и даже не оставался на трапезу. Мы ему лишь сердечно сопереживали: дай Господь тебе, отче, заработать необходимые деньги, а затем мы вновь, единой общиной, будем совершать дело Божие в наших благословенных местах!..

И о. Никон старался. Понемногу продвигалась реставрация, и даже появились небольшие средства на профессиональных певчих. Всем нам настоятель платил по «стошке» — раз в месяц вручал стодолларовую купюру, а к Рождеству и Пасхе — целых две. Мы несказанно радовались и этому дару — конечно, деньги для столицы не ахти какие, но по тогдашним ценам их вполне хватало для закрытия небольших брешей в семейном бюджете. Тем более, все мы имели основную «мирскую» работу. Никто и не претендовал на большее: вот восстановим храм, затем поставим заводики — свечной, масляный и сырный, — тут-то наше житье-бытье наконец в гору пойдет. Но, как известно, человек предполагает, а Господь располагает. Хотя некоторые из нас предчувствовали что-то нехорошее, но все были уверены в пути, намеченном о. Никоном. Никаких отступлений и поправок не возникало даже в мыслях.

...Однажды, Великим постом, нам сообщили из епархиального управления, что такого-то числа владыка приедет к нам для совершения литургии Преждеосвященных даров. До назначенной даты оставалось всего два дня, и мы были в полной растерянности: как-никак, это рабочий день среди седмицы, придется отпрашиваться у начальства. Но не это обстоятельство так нас смутило, а то, что неожиданная новость пришла к нам не от настоятеля,

а от секретаря епархии. Тщетно мы пытались дозвониться до о. Никона, но его сотовый телефон был постоянно выключен. Наконец, наш пастырь позвонил сам: в трубке был слышен его не на шутку встревоженный голос, с благословением: «Срочно готовьте храм к владычной службе!» Что нужно готовиться, мы это и так прекрасно понимали, но вряд ли кто догадывался в тот момент, что слышим мы нашего дорогого о. Никона в последний раз...

Дорогая иномарка неслась из столицы к далекому приходу на полной скорости. Хотя в том году весна была поздняя, но за МКАДом кое-где еще лежал снег, а на дорогах нашей глуши оставалось достаточно наледи. Крутой поворот — и вот крутая машина, совершив несколько головокружительных кульбитов, безжизненно валяется в кювете кверху брюхом, словно гигантский жук, обессиливший в попытках встать на ноги. Ее водитель, хотя и пристегнут по всем правилам, истекает кровью. Травмы не смертельные — если бы мимо проезжал хоть кто-нибудь, вытащил несчастного из кабины и отвез в больницу — можно было бы спасти. Но Господь, видимо, судил иначе...

Хоронила о. Никона вся деревня. Плакали все — и бабы, и мужики. И даже районное начальство не смогло сдержать слез. Все любили пастыря, и, даже несмотря на долгие его отлучки, надеялись на исполнение всего им задуманного. Храм был полон народу, отпевал погибшего пастыря лично владыка с целым сонмом епархиального духовенства. Наконец, пришло время дать усопшему последнее целование. Я особенно желал этого — в знак последнего настоятельского благословения. Но сконфузился — был без очков, не рассчитал расстояния, и вместо десницы покойного ощутил на своих губах пропитанное лаком дерево свежеструганной домовины. Поправить ошибку не вышло — оттеснила толпа. И, как скоро прояснилось, здесь тоже не обошлось без Промысла свыше: напрасно я стремился получить такое благословение...

Вскоре после похорон в храм наведались и ревизионная комиссия из епархии, и партнеры о. Никона по бизнесу, и правоохранители. Описывали имущество, искали какие-то документы. Среди проверяющих выделялся широкоплечий мужчина в форме майора милиции. Офицер оказался голосистым: на всю округу было слышно, как он кому-то сообщал в разговоре по мобильному: «Подожди немного, тут Коля ТетраПак убится, слышал? Протокольная работа, сам знаешь. К вечеру буду обязательно».

То, что усопшего в миру звали Николаем, всем было известно. Смысл прозвища ТетраПак тоже раскрывался быстро — да, занимался упаковочным бизнесом. Но что же здесь еще может быть сокрыто? Эти мысли не покидали меня всю обратную дорогу до столицы, пока я, немного придя в себя после всего случившегося, не добрался до интернета. Набрал в поисковике «Коля ТетраПак» — и поймал удачу с первого раза. Открылась ссылка на «Одноклассников» — единственной в то время крупной социальной сети. На странице некоего Бориса красовалась фотография: море, солнце, пальмы и группа отдыхающих. И комментарий: «Коля ТетраПак отдыхает, а мы вкалываем». Следом шел ответ пользователя, называвшего себя Николаем Добровым: «Не печалься, ты следующим полетишь в это райское местечко, обещаю». Видно, и комментатор, и изображенный на фото мужчина были хорошими друзьями.

И вот я с дрожью в коленках открываю профиль того самого Николая Доброва и... узнаю в нем нашего незабвенного о. Никона, имевшего аккаунт в «Одноклассниках» под именем Николая Доброва. Имя — его, мирское, фамилия — созвучная и красивая. Впрочем, лепота на этом не заканчивалась: во всех фотоальбомах Николай Добров (он же о. Никон) запечатлен не один, а в настоящей семейной идиллии, с милой дамой и очаровательными двойняшками — мальчиком и девочкой. В этих дивных ангелочках вполне проглядывались восточные черты отца семейства...

Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы, имея в распоряжении найденный виртуальный фотоальбом, выяснить остальные, ранее неведомые нам обстоятельства личной жизни горячо любимого настоятеля. Все было вполне прозаично: оказывается молодой иеромонах в Москве и, пока на собственное жилье не заработал, ночует в офисе фирмочки, подаренной предпринимателями — бывшими однокурсниками по университету. Как и полагается, в хорошем офисе должна иметься симпатичная секретарша. Она, исполнившись сострадания к новому шефу, приглашает его ночевать к себе домой, уговаривая: «Квартира у моих родителей большая, если стесняетесь меня — можете себе сделать келью на втором этаже, я даже подниматься туда не буду». Стеснение со временем прошло, переросло сначала в дружбу, а затем и чувства взыграли, родились дети... Тут и экономика от «лихих девяностых» оправляться начала, бизнес о. Никона-Николая расширялся, деньги потекли рекой, и постоянно находиться в офисе порядком наскучило. Все дела можно было поручить опытным «менеджерам»,

а самому лишь временами делать контрольные звонки. Да не из столицы, и даже не с нашего среднерусского раздолья, а с Канар, Мальдив или не очень далекой Швейцарии, где суточная аренда престижного автомобиля обходилась куда дороже, чем месячное жалование всего нашего причта. Наконец стало ясно, куда же с таким упорством стремился наш настоятель, иногда не оставаясь на трапезу по окончании литургии, — явно боялся опоздать на самолет...

Но и это оказалось не самым страшным, по моему убогому разумению, а то, что вовсе не я был в первооткрывателях. Постепенно выяснялось, что знали-то многие: и поверенная в финансовых делах о. Никона бухгалтер Анфиса Егоровна, и церковный сторож Илья Степаныч, однажды приглашенный надзирать за рабочими, перевозившими мебель в новую настоятельскую квартиру, и даже старая дева Наталья — регент церковного хора — и то знала, Бог весть какими судьбами. Знали и молчали. Только я оставался в блаженном неведении. И если бы не услышал спустя день после похорон нашего пастыря загадочных слов «Коля ТетраПак», так бы и продолжал числить о. Никона едва ли не преподобномучеником. Тем более, что иеромонашиха и монашата прощались с отцом семейства в ритуальном зале морга, туда же явились все партнеры по бизнесу, а на отпевании в храме были только люди церковные, за исключением разве что нескольких чиновников районной администрации...

Но ведь был же выход, был! Имя ему — Любовь, а наша община складывалась на любви и полном доверии друг ко другу, словно во времена раннего христианства. Община любила своего пастыря — и приняла бы его таким, каким он сделался при столь лукавом стечении обстоятельств. Сложил бы с себя сан и монашество — стал бы ктиторм, продолжая заниматься бизнесом и восстанавливать наши святыни. Да заводиики строить — свечной, масляный и сырный. Его супруге тоже бы нашлось подобающее место в приходе, а ребятишки росли бы в заповедном уголке русской природы, внимая сказкам последних русских бабушек. Плачут ли они теперь над могилой своего отца? Ведь новая семья для о. Никона стала куда ближе и роднее, чем наша приходская. Однако, лично я со времени похорон о. Никона не видел на нашем приходе никого постороннего...

Однажды горечь, накопившаяся в моей грешной душе из-за открытия страшной правды, из-за несбывшихся надежд, так одолела меня, что я,

возвращаясь с церковной службы, мысленно обратился к усопшему настоятелю: «Эх, отец-отец, что же ты наделал? Какие проникновенные проповеди ты говорил — о смирении, послушании, а наипаче — о целомудрии. И вот что оказалось... Да знал бы я раньше — прямо с амвона тебя бы стащил за твою козлиную бородку да к архиерею отвел. Пусть ты и возненавидел бы меня, зато жив остался...» С этой скорбью и появился домой к своему доброму приятелю — молодому московскому клирику, которого братия и сослужебники шутя называли будущим старцем. И неспроста: в храме он с утра до позднего вечера, требы совершает да духовные беседы ведет, некогда болезному даже на трапезу отлучиться. Поведал я «будущему старцу» трагическую историю о. Никона, ожидая услышать слова поддержки, сочувствия, ободрения. А он возьми да и влепи мне с ходу: «Скажи спасибо, что не гомик!..»

Да что же это с вами, отцы-братья? Выходит, страшнее мужеложца зверя нет, а остальные грехи и беззакония Господь простит, и затем благословит? Не хуже ли в сто крат ваше молчание, когда вы видите погибающего брата своего, но ничего не делаете — и отношения боитесь испортить, и в доносчиках оказаться, даже тогда, когда превозносимые вами церковные каноны прямо предписывают сообщать своему архиерею о тех или иных нестроениях в клире? Хотя кое-где доносить у нас любят: не правды ради Христовой, а совсем по иным соображениям. Но это уже совсем другая история...

СЕСТРЫ

ИНВАЛИДЫ ДУХОВНОЙ ВОЙНЫ

Ольга Прядкина/монахиня L.

От редакции:

Сначала автор писала под псевдонимом «монахиня L.», после выхода в мир стала писать под своим именем.

Пояснение автора:

Этот текст был написан осенью 2016 года в рамках полемики вокруг «Исповеди бывшей послушницы» Марии Кикоть на портале «Православие и

мир» — как реакция на удручавшие и возмущавшие меня отзывы разных лиц, в основном, в сани. Правмир его не напечатал, конечно. Я пыталась его посылать на какие-то «церковно-оппозиционные» ресурсы, но он не умещался по размеру, а решить эту проблему я не умела. Сейчас этот прошлогодний отзыв случайно прочла одна равнодушная к церковной тематике знакомая и убедила меня опубликовать этот текст как полезный для многих, подобных мне, инвалидов духовной войны.

Увы, спасение утопающих все решительнее объявляется заботой только самих утопающих, и откачивать уже утопших должны только они сами, под возмущенные крики свидетелей и зевак: «она сама дура туда полезла, так ей и надо!» и «кто ей виноват, что не задержала дыхания, пока волной прибьет к другому берегу!». Инвалиды духовной войны нужны кому-либо еще меньше, чем физические инвалиды.

Захотелось не просто отозваться, а написать свою исповедь, не меньшего объема, сразу по прочтении Марииной. Чем больше читаю отзывов, тем печальнее становится. Люди берутся судить, и весьма строго, о вещах, которых не знают, не видели, не слышали, не испытывали на себе, по принципу «этого не может быть, потому что быть этого не может никогда!». Из того факта, что какой-то священник, или игумен, или епископ сам лично ни с чем подобным (описанному в «Исповеди») не сталкивался, следует вовсе не то, что этого нет в природе, и даже не то, что это единичный случай, не характерно, а только то, что он лично такого до сих пор не знал, и ему надо день и ночь Бога благодарить за это!

Я на личном опыте 23-х лет в двух (других, чем Мария) монастырях могу сказать: там все правда, она нисколько не преувеличила. Для достоверности мне бы очень хотелось и свое имя, и многие другие имена привести, но... Я, в отличие от автора «Исповеди», не бывшая, а пребывающая, так сказать, действующая, да еще и монахиня, и если приведу ряд имен, то мне придется стать *бывшей*, а идти мне некуда...

Дело вовсе не в одном только Малоярославце. Подобные, и даже похлеще, только в другом роде, вещи происходят в большинстве (скажу мягко, надеюсь все же, что где-то иначе) русских женских монастырей. И культ личности Матушки, и тоталитаризм в руководстве, и страх, подлость, и

стукачество в отношениях, и непомерная забота о пресловутом пиаре при полном равнодушии к сестрам и их повседневной жизни, и безумные «благословения» старцев и *духовников*, борющихся с кодами и ждущих конца света, и крайняя необеспеченность (мягко говоря) сестер самым необходимым, плохое питание, болезни и *неблагословение* лечиться, при откровенной роскоши игуменской жизни, и хронические недосыпание и нервное перенапряжение, приводящие к неврозам и депрессиям; а еще — превращение монастыря в доходную фазенду семьи (т. е. детей и внуков) игумении, а сестер — в бесплатную рабсилу наравне с бомжами, и чудовищные вмешательства мирских людей в управление монастырем в своих интересах, а после — чудовищные последствия таких вмешательств, из-за некомпетентности, духовной несостоятельности и равнодушия *Матушки*... Не обязательно полный комплект проблем везде, «проблемное меню» от обители к обители отличается. Все перечисленное (и еще многое другое) я испытала на собственной шкуре всего в двух монастырях, а еще во многих бывала, и со многими сестрами общалась.

Одна моя знакомая, желая монашеской жизни, лет пятнадцать ездила по всем женским монастырям бывшего Советского Союза, искала себе подходящее место (после того, как о. Иоанн Крестьянкин не благословил ей идти в наш), во многих обителях имела друзей и хорошо знала их жизнь. И вывод она сделала такой: везде сплошное уныние, «я монахиня — плачьте со мной». Ее *уязвил* один монастырь в Греции, по ее выражению, «заточенный на любовь к ближнему во всех проявлениях». Уже четвертый год она подвизается там...

Хочу ответить на некоторые посылы писавших и дававших интервью по поводу «Исповеди». Семейным священникам, даже не служившим в женских монастырях, странно по такой теме выступать, тем более делать категоричные выводы. Вообще, те, кто даже много раз бывал в монастырях, даже часто приезжающие трудники, регулярные паломники, или наемные работники монастыря, или даже служащие там священники, — не могут знать тех вещей, о которых написано в «Исповеди». Их могут знать только те, кто оказался в роли насельника. Это положение (т. е. быть уже насельником, а не мирянином) принципиально отличается и внутренне, и наружно. Еще менее могут знать архиереи, т. к. они судят по формальной отчетности и общаются только с игуменией. Я помню единственный пример архиерейского внимания к сестрам: когда-то в моем первом монастыре

владыка Евлогий (Смирнов) спросил матушку: а почему у сестер такие подряски (очень разные по качеству)? Владыки всегда поддерживают игумению и никогда не станут реагировать на жалобы, например. Почему, это отдельная история.

Монахи не верят автору «Исповеди» потому, что общие по причинам, по истокам проблемы в мужских монастырях проявляются по-другому, в силу разной психологии (подробнее об этом ниже). Не стоит обольщаться, и в мужских монастырях хватает безобразий, я много видела сама и слышала из первых уст, но сейчас это не является предметом обсуждения. Все же мне кажется, в мужских монастырях «процент нормальности» выше.

Еще один посыл, на что особенно упирал владыка Панкратий: «если монастырь не подошел — уходи». Хочу, чтобы читателям стало понятно, насколько это реально. Послушница приходит в обитель неподготовленная, только недавно воцерковилась, по разным монастырям не ездила, книжек прочла еще мало, жизненного опыта не имеет. (Далекие от монастырской жизни люди авторитетно утверждают, что так быть *не должно*. А реально так бывает *очень* часто. Если Божественный огонь коснулся твоего сердца — не медли, беги! — так согласно призывают все наставники монашества. Имеющая *жизненный* опыт — это по факту разведенная женщина. В одной популярной книжке из церковных лавок говорится: «Святой Серафим Саровский основал женский монастырь, в который принимал или молодых девочек от папы с мамой, или вдов от недавно умершего мужа. Женщин, поживших на своей воле, великий святой воспитывать не брался». Сейчас берут любых, но предпочитают все равно молодых, *без опыта*.)

У всех поступающих в монастырь очень большой энтузиазм (а если она подготовленная, читала св. отцов, имеет опыт монастырских послушаний, то тем более). Этот энтузиазм, огонь благодати, заставляет все встречающиеся неприятности, ненормальности, странности и явные клинические отклонения воспринимать как искушения, попускаемые Богом на великом и спасительном пути, что доказывает только богоугодность намерения и необходимость все претерпеть ради Царствия Небесного. В этом состоянии любой человек, особенно молодая девушка, менее всего способен к критическому анализу окружающей действительности. Крепкое у нее здоровье или слабое, она полна решимости *умереть на послушании*. К тому же, размышлять о чем-либо ей просто не оставляют времени, 25 часов в

сутки не хватит, чтоб переделать все возложенные послушания в режиме «стой там иди сюда», где уж тут думать, твое ли это место, особенно, если старец благословил, а духовник поддерживает пыл.

Это состояние обычно продолжается до пострига, сам постриг — это мощный стимул подкачать усердие к подвигам. К этому моменту проходит уже несколько лет, бывает, и много, некоторых сестер из моего первого монастыря через 10–13 лет послушничества постригли только в рясофор. Но время идет, человек становится старше, молодежный задор (который долго принимался за благодать) все уменьшается, здоровье все сильнее оборачивается нездоровьем, разочарование своей духовной жизнью (которой просто нет и быть не может в данных условиях) растет, так как *нет плодов*, а матушка вдобавок кричит то и дело: если бы вы жили по-монашески, то через пять лет достигли бы прозорливости! То есть растет, накачивается извне чувство вины, что живу плохо и неправильно. Да еще вопрос: а ты, матушка, достигла прозорливости? Или что-то не так? В общем, к моменту, когда несостоявшаяся подвижница осознает свою несостоятельность, или свою ошибку, проходит не меньше десяти лет. (И Мария Кикоть, если бы ее не выгнали, была бы пострижена в рясофор и неизвестно, сколько еще бы там мучилась.) Сколько-то еще пройдет времени, пока положение станет нестерпимым.

А теперь подумайте, реально ли вернуться в мир через 15–20 лет. Сейчас как раз по теме пример — фильм «Гражданин никто». С начала 90-х годов (когда я и многие знакомые мне сестры пришли в монастырь) мир настолько изменился! Куда возвращаться? Жить негде, на работу по специальности бывшей монашке (=упавшей с луны, проснувшейся) не устроиться, если и успела эту специальность получить, а на физическую неквалифицированную — здоровье и возраст не те. Бывшие друзья давно построили свою жизнь без нее. Родственники не спешат радоваться ее возвращению в *их* жизнь, ведь она может начать претендовать на часть наследства, от которого она, как монахиня, отказалась, а они присвоили и освоили.

В моем первом монастыре была послушница, сменившая 18 (!) монастырей, хлебнувшая всякого безумия и издевательств, уже без всяких иллюзий, но терпеливо тянувшая тяжелое послушание, потому что *в миру ты никому не нужен*.

Есть еще один момент. Хорошо, если родственники верующие и были согласны на ее уход в монастырь. Если же неверующие и считавшие ее много лет сумасшедшей, то вернуться в мир будет означать поражение в битве мировоззрений, злорадство и торжество осуждающих вообще все монашество и всю Церковь. Если у нее еще не потеряна вера в монашеский идеал, или хотя бы только в Бога, этого нельзя допустить.

Еще нюанс. Родственники могут быть не в России, особенно у тех, кто пришел в монастырь вскоре после распада СССР, и к ним теперь даже не съездишь без загранпаспорта. Оформлением гражданства таких сестер и даже внутреннего паспорта монастырь не очень озабочен, я лично встречала два варианта: или их постригают и оставляют жить в монастыре нелегально, особенно если оформление сложное — Молдавия, Прибалтика, или предоставляют самим заботиться о своих документах: где хотите берите на это деньги, ищите себе замену на послушании, чтобы ездить в присутственные места. Это к вопросу о *галерных рабах*.

Рассмотрим вариант перехода в другой монастырь. Чтобы выбирать, в каком будет лучше, надо сначала уйти из первого и где-то хоть временно поселиться, и оттуда ездить на разведку. Это очень сложно, см. выше.

Если еще не потеряно доверие к *духовникам и старцам*, можно их спросить. Я сама так сделала. Мой первый монастырь, помимо строгой дисциплины и претензии на повышенное подвижничество, был наумовский. Как и большинство других монастырей епархии. Строгую дисциплину, строгие наказания и строгие подвиги я считала монастырской нормой, на роскошную жизнь игуменского дома, на что роптали некоторые сестры, по молодости старалась не обращать внимания, а *внимать себе*, но вот ультиматума *перейти под руководство о. Наума* не понесла, пришлось уйти. Как мне это удалось. Буквально за несколько дней до моего побега у меня на глазах в скит, где мы жили, приехала «Волга» с двумя крепкими мужчинами-водителями и двумя крепкими молодыми сестрами: благочинной и игуменской келейницей, с приказанием одну провинившуюся монахиню м. Е. (на которую, по мнению Матушки, уже не действовали другие наказания) схватить и — *больную или здоровую, живую или мертвую* — посадить в машину и отвезти на дачу к одному богатому спонсору, километров за 250 от монастыря, в крохотной деревушке среди леса, без почты, без телефона, без паспорта и без денег, под надзор другой сестры (чтоб изолировать от

паломников, которым она *по благословению своего духовника* проповедовала против ИНН). И бедная м. Е. на глазах у всех рванула в лес и пряталась там под кустом, пока четыре ищейки прочесывали лес, а потом в сумерках пробралась в поселок. Я поняла, что уйти открыто мне не то что не дадут, а если только заикнусь — запрячут так, что я сама себя не найду во веки.

У нас если послушницы, случалось, и хотели уйти и просили отдать паспорт (все паспорта хранились, естественно, в игуменском), их очень долго не отпускали, занимали неотложными делами, ставили читать Псалтирь ночью и днем, промывали мозги неделями. А я была инокиня, да еще старшая в крупном скиту. Уйти *по-хорошему* (официально, через архиерея) было совершенно нереально. Паспорт, благодаря начальственной должности и необходимости ездить по делам, у меня был на руках, а деньги на дорогу оказались благодаря незадолго перед тем приезжавшей маме. Новый монастырь я не выбирала, это тоже было нереально. Пошла, куда благословил батюшка, тот же, который благословил и в первый. Что в результате выиграла? Сменила не то чтобы шило на мыло, скорее — электрический стул на герметичный бокс со скорпионами и с наполовину откачанным воздухом.

Из всех сестер, каких я знаю за 23 года, примерно половина ушли, несмотря на то, что уйти **ОЧЕНЬ СЛОЖНО**. Большая часть из них — с категорическим нежеланием когда-либо в какой-либо монастырь. Две сошли с ума, клиническая шизофрения. Все они и, по моему мнению, все остающиеся в монастырях — это инвалиды духовной войны. Только ушедшие осознают свои травмы, а многие из оставшихся — нет.

Легче уйти тем, у кого было меньше энтузиазма, менее серьезные намерения, кто был меньше подготовлен. Они быстрее включают здравый смысл и критику, быстрее понимают, что ошиблись. Таким и адаптироваться в миру потом легче. Чем серьезнее и глубже были намерения, тем дольше время прозрения и сильнее катастрофа.

Так почему же все так плохо? Обращу внимание на две вещи.

1. Как в прежние времена возникали новые монастыри? Подвижник, пройдя подготовительную школу в общежитии и послушании, уходил в пустыню, на новое место. Когда Господь усматривал, что он своим многолетним

покаянием и подвигами достиг нужной меры, начинал посылать к нему учеников, и постепенно образовывался монастырь. Как возникают, то есть открываются, новые монастыри сейчас? Правящий архиерей епархии принимает волевое решение, что такой-то старинный разоренный монастырь следует возобновить и открыть его как мужской, или как женский.

Каждый архиерей по умолчанию молодец, если в его епархии много монастырей, особенно если открыты и восстановлены все исторически значимые. Поэтому и открывает. Ему надо найти кандидата в настоятели/настоятельницы, иногда срочно. Кого находят и ставят? Не буду рассматривать случай, когда кандидат сам пришел в монастырь не по призванию, а по каким-то внешним побуждениям, как-то устроиться в жизни, сделать карьеру на новом поприще, если в миру не светило, или не удалось. Так бывает нередко, такие кандидаты бывают очень деловыми, а именно деловые качества приветствуются. Такие кандидаты, естественно, очень хотят назначения (и иногда ради назначения пускаются на чудовищные подлости). Но то, что получается в результате таких назначений, это полный мрак. (Хотя этот мрак может быть совсем неочевидным для внешних, только внутри, а снаружи профессиональный PR, тот же Малоярославец яркий пример.)

Бывает, что кандидат все-таки сам пришел по *законным побуждениям*, из любви к Богу, или ради покаяния в грехах и спасения своей души. Сейчас все новоначальные. Причем то, что называется новоначальным у древних отцов, сейчас это уровень весьма преуспевших и редких. То есть кандидат в наставники, руководители и проводники на пути к Богу сам полон страстей, слеп и пути не ведает. Великое благо, если он это понимает и соответственно себя ведет. Ставят таких всегда за послушание, нормальный монах в начальство никогда сам не захочет. А дальше перед ним (ней) ставят нереальную задачу: восстановить/построить, желательно в кратчайший срок, храмы, корпуса, ограду и прочие постройки (для чего должен найти спонсоров где хочет), обеспечить ежедневное уставное богослужение-воскресную школу-приют-социальное-молодежное-миссионерское и т. д. служение, устроить подсобное хозяйство, чтоб отсылать продукты в епархию/семинарию, а для всего этого собрать где хочет сестер, желательно побольше и молодых-здоровых-способных. И вообще найти/создать источники дохода, чтоб как минимум платить взносы в епархию. И прощай, монашеская жизнь!

В условиях постоянного стресса и сильно возросших искушений возрастают страсти. А дальше зависит, какие страсти преобладают в новой игуменье, — такого направления монастырь у нее получится.

По моим наблюдениям, все многообразие монастырских ненормальностей делится на два основных направления:

а) *монастырь строгий*. Это когда в настоятельнице преобладает *гордость житейская*. Культ личности Матушки, полный тоталитаризм, откровение помыслов, строгая дисциплина, претензия на повышенное подвижничество, то есть большие правила, мало сна, скудное питание и в целом содержание, и корпоративное превозношение («мы — особый монастырь», или «в монастыре должно быть так, как у нас, а если не как у нас, то это вообще не монастырь»).

б) *Монастырь нестрогий*. Когда в настоятельнице преобладает *похоть плоти*, или иногда *похоть очей*. Дисциплина нестрогая, посещение служб, правил и общей трапезы слабое, послушания, отдых и содержание — кто как устроится, питание и условия проживания могут быть очень завидными, если есть богатые спонсоры, или средними, если их нет; сестры настоятельницу не интересуют и вообще никому не нужны, у нее своя жизнь с ее родственниками или спонсорами. Здесь могут вырастать очень крупные безобразия и со стороны сестер, и со стороны настоятельницы. Все друг друга ненавидят.

Бывает, что все страсти присутствуют вместе. Даже большей частью, когда начинает *матушка* со строгого устава и подвигов, со временем является и разрастается и *похоть плоти*, и тогда для сестер остается строгий режим со всеми ограничениями, а для *матушки*, может быть, с ее родственниками, друзьями, спонсорами — роскошная жизнь. При всех вариантах, она не может не ощущать свою неподготовленность, несостоятельность, и является *страх*. Что не справится, и будут ругать (сверху), что не станут слушаться и пренебрегут (снизу), и от страха начинает кричать. Чем больше страха и хуже внутри, тем сильнее крик.

Надо еще отметить роль *старцев* и *духовников*. Именно они, большей частью, наполняют женские монастыри, *благословляя* туда своих чад, или незнакомых обратившихся за советом, по взаимной договоренности со знакомыми игуменьями. Не сомневаюсь, что они понесут еще бóльшую

ответственность за сломанные судьбы и искалеченные души, чем сами игуменнии.

Вторая вещь, на которую надо обратить внимание. В книге «Плач третьей птицы» игуменьи Феофилы (Лепешинской) сказано, что проблемы современных монастырей нравственные (а не духовные пока). На мой взгляд, надо смотреть на уровень еще ниже, психологический (психотерапевтический). Насельники современных монастырей не с луны падают готовыми ангелами, а приходят из мира со всеми его болезнями. В те времена, когда писали свои книги наставники монашества и формировались патерики, общественная нравственность и нравы бывали разными, но никогда не было так много психологических проблем, ничто об этом не говорит. (Чтоб было понятно, о чем я: *страсти* были всегда. Но страсти — это проблемы духовные, а я о психологии.)

Психологи отмечают, что чуть ли не большинство современных людей страдают, например, зависимостью, сниженным самопринятием, от чего неадекватные самооценка и реакции, неумение строить взаимоотношения. Причины в недолюбленности и других ошибках родителей в раннем детстве. Дефицит любви, унаследованный из детства, человек затем всю жизнь пытается восполнить — эмоциональной зависимостью от другого человека, зависимостью от алкоголя-наркотиков-компьютера, силой и агрессией (деспотизмом, авторитарностью). Оттуда же из детства идут многообразные страхи и много других проблем.

А христианство — оно же именно об этом, о любви! Современный человек знакомится с православием, крестится, воцерковляется нередко именно потому, что надеется найти *любовь*. Когда Бог касается сердца, неопит счастлив! Он думает, что теперь так будет всегда, и жаждет уйти в эту новую жизнь с головой, погрузиться как можно глубже, но не умеет различать Божию любовь и человеческую, а человеческую любовь отличать от зависимых отношений и манипулирования. Первый же священник, проявивший к его душе минимум внимания, возможно, впервые в жизни, становится объектом привязанности и, нередко, зависимости. Особенно если это девушка. Если следует благословение в монастырь, она в восторге готова на все, лишь бы ее *любили*! И, думаю, очень многие из тех, кто считает, что идут в монастырь по призванию, *ради Иисуса, а не ради хлеба куса*, на самом деле надеются решить свои психологические проблемы, которых не

осознают. В итоге эти сестры становятся зависимыми или от *батьюшки*, или от *матушки*. К *любви Божией, христианским подвигам и спасению души* это не имеет никакого отношения. Для последствий имеет значение, на что человек готов с самого начала, что он готов терпеть и как *сильно меняться* ради «любви». Чем меньше родительской любви он получил в раннем детстве и, соответственно, чем ниже самопринятие, тем сильнее зависимость и готовность к манипулированию. Следует учесть, что женская душа от природы гораздо более податлива и терпелива, готова меняться и приспособливаться, чем мужская.

Здесь хочу напомнить главу из «Исповеди бывшей послушницы», которую Мария адресовала исключительно монахам, «чтоб знали, что же с вами делали», а всем прочим позволила пропустить. Видно, и правда все пропустили, никто в отзывах не упоминал. Глава, где пересказывается книга о методах тоталитарных деструктивных сект. Не буду здесь пересказывать, желающие пусть прочтут в тексте «Исповеди». Эта глава произвела на меня самое сильное впечатление из всей «Исповеди», я ее читала в шоке: все правда, все так именно и было! Почему это становится возможным? Вот как раз по причине глубокого психологического нездоровья как наставников-духовников-игумений («гуру»), так и наставляемых насельниц («адептов»).

Но ведь цели тоталитарных деструктивных сект и православных монастырей разные, как же так? А вот с целями стоит разобраться. В сектах какие цели у гуру? Материальные и моральные дивиденды, то есть деньги, слава и власть. В православных монастырях *декларируются* цели совсем другие, высокие и духовные. Но ведь и в сектах декларируются цели ровно такие же. А в реальной практике в монастырях что? Те же самые страсти требуют того же самого: удовлетворения честолюбия, власти над душами и получения материальной выгоды для «гуру» и для вышестоящих церковных структур, для чего и надо эти души *держат в послушании*. Не сомневаюсь, что это утверждение вызовет фонтан возмущений и протестов — от тех, кто в стане «гуру», и от тех, кто не в курсе, а в розовом тумане.

Возможно, психологические проблемы можно решить методами православной аскетики, в ходе борьбы со страстями, даже незаметно, по ходу, не акцентируя внимание. Но для этого нужен наставник с настоящей духовной любовью и духовным рассуждением. Когда такого нет (а где он

есть?!), надо не пренебрегать психологией. Вот в семинариях уже стали изучать психологию. А что, где и когда изучают будущие игумены?

А вообще я полагаю, что пока наши монастыри не вернуться к тому порядку своего основания (и продолжения жизни), который испокон веков был в православном монашестве, когда братство/сестричество собиралось не спеша, по воле Божией вокруг настоящего раба Божия, способного *сотворить и научить*, без каких-либо понуканий и вмешательств церковных чиновников, — ничего путного не выйдет. В Российской империи монашество пришло в крайний упадок тогда, когда Церковь стала частью структуры государства, а монастыри — частью структуры Церкви. Без нового Паисия Величковского и нынешняя бюрократическая структура обречена на бесплодие.

Р. S. Уже больше года я живу на послушании в миру. Думаю, Господь меня пожалел, дал время и возможность для *реабилитации* после всех травм монастырской жизни. Планируется мое возвращение в монастырь, но когда и в какой, неизвестно. По благословению владыки хожу в мирской одежде, живу под мирским именем. Понадобился год, чтобы среди обыкновенных людей я перестала чувствовать себя монстром и инопланетянином, стала чувствовать обыкновенным человеком. Самое сложное — не научиться пользоваться телефоном, компьютером, транспортными турникетами, банкоматами и т. п., а освоиться заново в обыкновенных человеческих отношениях после *аскетического зомбирования*.

Духовных книг пока читать не могу, не вмещаю. Смогла вместить материалы сайта православных психологов, где они пересказывают святоотеческое учение о борьбе со страстями современным светским языком, для любых неверующих клиентов. Это вариант перезагрузки, может быть, получится. Недавно ездила в недалекий отсюда женский монастырь, один из старейших во Владимирской области, просто на службу и посмотреть, раньше там не бывала. В храме со мной чуть не подралась пожилая схимница, не выпускала из дверей на улицу, требуя удалить с фотоаппарата снятые кадры иконостаса, потому что «на мобильный снимать можно, а на *фотоаппарат* — нельзя, нет *благословения*»! Попутно она громко проклинала «этих паломников», которые «неизвестно что себе позволяют!». Интересно, какой бы она выбрала метод воздействия, если бы я была в монашеской одежде?

«САМОЕ ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — ЭТО СВОБОДА», ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ЖЕНСКОМ МОНАШЕСТВЕ

Решила откликнуться на приглашение для «бывших» делиться опытом «новой» жизни. Хотя я свои мысли не могу ограничить сугубо личным опытом.

Я пессимистично смотрю на будущее русских монастырей, уже существующих и тех, что еще успеют открыться на тех же основаниях, а также на обозримое будущее РПЦ. И если мирским людям, разочаровавшимся в этой организации и уходящим из нее, непросто бывает, разочаровавшимся священникам в разы сложнее, то монахам, у которых больше просто вообще ничего нет, — сами понимаете. А ведь рано или поздно вопрос встанет ребром для многих. Немногие крупные монастыри полностью обеспечивают себя сами. То есть подсобное хозяйство — большинством продуктов, а какие-то еще мастерские, цеха, издательства и прочий мелкий бизнес — всем остальным. У меня нет статистики, но по впечатлению от известных более-менее близко монастырей, большинство живут на пожертвования. А когда, наконец, и спонсоры разочаруются в РПЦ и закроют свои карманы, — вот тогда придется неизбежно закрываться и этим учреждениям, особенно небольшим.

Боюсь, что раньше, чем наступят непреодолимые экономические трудности, до многих обитателей монастырей не успеет дойти, куда они все же попали, и зачем там находятся.

Несомненно, и с наступлением даже лютейшего голода останется предостаточно вопящих про последние времена, гонения на церковь и веру, и готовых играть мучеников. Но я не об этом.

Я о том, что рано или поздно может появиться буквально на улице большое количество сбитых с толку, замороченных, совершенно десоциализированных, психологически неблагополучных и немолодых людей. Готовы ли адекватно воспринимать таких людей, хотя бы небольшими порциями или поштучно, хотя бы верующие (церковные и нецерковные) сейчас?

Нет. Адекватно — значит понимать, почему они такие, в чем их трудности, в чем они сами виноваты, а в чем обманутые жертвы, и какая помощь

им нужна. Хотя я про это уже писала (см. предыдущий текст). Но впечатление такое, что большинство светской публики все равно продолжает думать в стиле «колхоз — дело добровольное, в чем проблема?».

Я по-прежнему думаю, что одной из главных причин похода в монастырь были/бывают неосознанные психологические проблемы и неосознанное желание их решить. Также думаю, что в каком бы монастыре ни оказался человек, он получает изрядное воздействие такого рода, какое принято считать сектантским. К идее и желанию уйти из монастыря приводит серьезный внутренний кризис.

Почему сложно уйти? О некоторых причинах повторяюсь.

Некуда уходить, нет никакого места, куда можно приехать хоть на время, социальные связи утрачены, никто нигде не ждет.

Нет денег, чтоб такое место организовать самому, нет денег на жизнь в первое время, может быть, даже на дорогу.

Иногда нет документов на руках, они где-то под замком.

Нет адекватного представления о жизни «за бортом» сейчас, спустя много времени (лет) после ухода. Мир очень сильно изменился и продолжает меняться все стремительнее.

Нет уверенности в себе, своих силах; в правильности своего решения.

Нередко нет образования, точно нет актуального образования, профессии, опыта работы, а также представления о современном рынке труда.

Нет нужных вещей, мирской одежды. Если для мужчин внешний вид при приеме на работу и т.п. не очень критичен, достаточно на первый случай снять подрясник и подстричь волосы и бороду, то для женщин тут все гораздо сложнее и дороже.

Есть страх неизвестности — огромный.

Страх, может быть, внушенный, метафизического свойства («оставишь монастырь — тебя ждут все беды»). «Страх Божий» как испуг и ужас.

Страх потерять смысл, картину мира, весь предшествующий опыт («не может быть, чтоб все было напрасно»).

Если стаж в монашестве уже большой — страх потерять свою идентичность («если я не монах — то кто я?»).

Если монастырь был жестким, «строгим», или было постоянное авторитарное руководство духовного отца/матери, — страх взять на себя ответственность за свою дальнейшую жизнь, за собственный выбор.

Страх неустроенности, бедности, бездомной старости.

Страх в солидном возрасте оказаться в положении начинающего, молодежи — и в заведомо конкурентно-проигрышном состоянии.

У женщин могут быть внутренние препятствия пользоваться косметикой, красить волосы, делать стрижку — вариант страха потерять свою идентичность.

Надо понять, что с уходом из монастыря кризис, его вызвавший, не заканчивается. Могут быть разные варианты дальнейшего развития кризиса. На одном полюсе — перейти в другой монастырь или пойти работать за деньги в такой монастырь, где их платят, с сохранением внешнего вида, стиля общения, специлексики и всего комплекта внутренних проблем. То есть выдуманный персонаж будет продолжать будто бы общаться с выдуманным богом.

На другом полюсе — заявить, что отныне никакая религия мне больше вообще не нужна, с настойчивостью двухлетки твердить «я сам!», в крайнем выражении — на годы зависнуть в непримиримой борьбе с Богом, религией и церковью, с той же страстью обвиняя во всех личных и мировых бедах того, в существование кого якобы не верит, с какой прежде предавался служению ему.

Повторяю, надо понять, что и то, и другое еще не конец, не разрешение, и хорошо бы поискать помощь, хотя бы полезную информацию по вопросу, чтобы выйти с наименьшими потерями.

Но чтобы смочь воспользоваться этим для помощи себе, надо, как это ни скучно, суметь признать а) неудовлетворительность прежней картины мира и б) свою собственную несостоятельность, происходящую, возможно, из неудовлетворительных отношений с родителями в детстве.

(Общеизвестно же, например, что на образ Бога влияет образ родителей, и если родители были авторитарны, то взрослый человек может, страстно

борясь против Бога, на самом деле бороться за свободу от родительской опеки). И вот что из этого человек не сможет признать — такой вариант развития кризиса у него и получится. Не знаю, какой хуже.

Не нужно думать, что буквально все монахи и монахини в российских монастырях спят и видят, как бы покинуть обитель, вернуться в мир. Для многих, я думаю, их жизнь привычна и вполне приемлема, они смогли приспособиться и внешне, и внутренне, достичь, так сказать, равновесия. Я не думаю, что какие-либо женские монастыри внутри России построены так, чтобы на самом деле в них спасались, получали духовную пользу — они, в основном, служат системе для другого. Но я думаю, что и в них есть, существуют те, кто с Божьей помощью сумел наличные условия использовать с пользой для души, кто живет с Богом не благодаря, а вопреки системе. Настоящую подвижницу за все свои годы монастырской жизни я видела только одну, в своем первом монастыре. Их точно не много. Оправдывает ли жизнь этих немногих существование большого количества колхозов, тюрем и сект? Видимо, да. Когда Господь не найдет в них больше ни одного праведника, то, наверно, поступит с ними решительно и без снисхождения, как в древности с известными городами.

Вкратце расскажу о своем опыте. Ради сестер, с которыми вместе я ушла из монастыря и которые сейчас вновь ведут «правильную» монашескую, то есть монастырскую, жизнь в другом месте, не пишу подробностей. Но для будущей статистики и социологии это, наверно, и не важно.

После 23 лет монастырской жизни я уже 4 года живу в миру. Первые 3 года жила в качестве сторожа и уборщицы подмосковного дома нашего митрополита — ну, пока владыка в провинции в трудах праведных, за домом ведь глаз нужен. Это был трамплин, начало социализации, реабилитации, поиск психологической помощи. Поскольку нужны были деньги на жизнь, хоть и при бесплатном жилье, нашла работу на клиросе ближайшего храма (я регент). Там же продолжаю петь и до сих пор.

Искала другие, светские работы, но выбор у меня невелик. Возраст почти полтинник, образование когда-то было филологическое, но диплома нет — с середины 4 курса университета духовник послал в монастырь, заявив, что «учеба заведет меня не туда». Это не было насилием, к тому моменту я сама

пришла к убеждению, что все, чем я занималась и жила до сих пор, и чем занималось мое окружение — это ни к чему не нужно и никуда не ведет, это игра в бисер, а настоящая жизнь только в монастыре. Это не было манипуляцией — в монастырь он меня стал посылать с первой встречи, но я упиралась и не собиралась слушаться — до тех пор, пока сама не захотела жуть как. (Правда, решить, стоит ли мне сразу уходить, или закончить учебу, я предоставила ему — послушание все-таки возобладало.) В процессе он посылал меня к о. Иоанну Крестьянкину за советом. И о чем я жалею — это что о. Иоанн не посоветовал мне (как советовал другим в письмах) сначала окончить университет. Сейчас при наличии даже давнишнего диплома мне было бы легче получить второе, более актуальное, образование, пройти переподготовку и т.п. Работать продавцом, или даже администратором какой-нибудь конторы я, будучи крайним интровертом, неспособна.

В общем, подходящая для меня работа нашлась на том же клиросе, только в Москве, в выходные дни от основного храма. Ездить далеко, но платят там больше.

Но ежедневные службы на приходском клиросе это совсем не про молитву и духовную жизнь. Как оказалось, это небезопасно даже психологически. Сначала относилась к службе как к богослужению, молитве, пыталась молиться (в первое время прихожане мне часто комплименты расточали, как клирос стал молитвенно петь, благодарили наперебой). А реально храм — это вовсе не место молитвы, это просто клуб местных тетенок и бабулек, которые приходят пообщаться; пообщаться между собой в алтаре и с кем-нибудь в храме приходят и отцы; пообщаться в алтаре приходят по выходным и целый отряд алтарников, — и от всего этого общения почти всегда стоит в храме гул и происходит масса дел, не имеющих прямого отношения к службе.

Прямо рядом с клиросом происходит исповедь, вслух с обеих сторон, так что часто не слышно не только возгласов из алтаря, но и саму себя. (Микрофонов нет, это вам не Москва.) Имеют место и другие странности современной церковно-приходской жизни. Поэтому со временем не только всякая молитва выветривается, но встает реальная угроза выгорания. Чтобы не выгореть дотла, пришлось включить цинизм и относиться к клиросу сугубо

как к работе ради денег, а от странностей внутренне отстраняться, то есть выключать чувства вообще.

Через три года владыка меня вместе с другими «не совсем ушедшими» сестрами послал в новый монастырь — очередные живописные руины восстанавливать. Я там прожила полтора месяца. Не увидела, зачем продолжать: если ради монашеской жизни, — монашескую жизнь я представляю иначе. Очередная дисфункциональная семья мне не нужна. Конечно, все из лучших побуждений. Но система та же, психологические проблемы на старте те же, осознанность этих проблем и собственных мотивов нулевая. Поэтому со временем вполне может получиться обычный небольшой адок, как везде. Возможно, не для всех, но для меня точно. По опыту знаю, что начальствующие лица рано или поздно начинают видеть во мне конкурента или еще какую-то угрозу для себя. Ну, и стараются держать на положении младенца на горшке.

В общем, я ушла насовсем, вернулась в Подмосковье, теперь уже не во владыкин дом, а на квартиру, где и живу уже год. Прохожу психотерапию, заканчиваю курс английского, занимаюсь еще на одном онлайн-курсе, не для профессии, а для восстановления своих мозгов, пардон, нейронных связей — деградация за время монастырской жизни и несколько лет тяжелой депрессии была такой, что и до сих пор не восстановилась. У меня пострадала скорость, это мешает не только по жизни, но и в плане профориентации. Конечно, я знаю о работе в интернете, в моем случае она просто напрашивается. Но к сожалению, я все делаю слишком медленно: думаю, говорю, сочиняю, печатаю. Скорость совсем не конкурентная.

О других ушедших в разное время сестрах знаю немного. Не могу сказать, кого больше: нашедших подходящий для себя другой монастырь, устроивших мирскую жизнь благополучно и семейно, или живущих в миру, но неблагополучно. Знаю, что из тех, кто пускался на поиски монастыря мечты, многие сменили очень много мест. Также знаю, что те, кто остался в миру и категорически не хотел больше ни в какой монастырь, с годами нередко возвращаются или в первый, где постригались, или в какой-нибудь наиболее подходящий по совокупности параметров.

Почему долго и упорно ищут «хороший», т.е. подходящий, терпимый монастырь? Почему после многих лет в миру возвращаются все-таки? Причина вовсе не в неврозах и психотравмах. Негде и не на что жить.

Благополучное устройство в миру зависит в первую очередь от возраста «возвращения». Если немного за 30, то перспективы совсем другие, чем если 45-50-60. Затем, зависит от монастырского стажа — на сколько лет человек оказался в замкнутом во всех смыслах пространстве, насколько он, соответственно, десоциализирован, потерял профессиональные навыки (если они были) или способность обучаться и адаптироваться, и, нередко, здоровье. И также от того, насколько всерьез для него монашество. Кроме того, я думаю, что мужчинам вообще легче, монахи в мужских монастырях не особо надрываются в трудах и здоровье, соответственно, лучше сохраняют. Если возвращаются в мир монахи начальственные, благочинные-экономы-казначей (кроме Юрия Гурова мне известны еще несколько таких), то у них за время начальственно-хозяйственных послушаний, во-первых, выветриваются все восторги, иллюзии и надежды на духовную тему, во-вторых, могут уже появиться немалые социальные связи и деловой опыт, которые помогают впоследствии. Также и психическое здоровье в мужских монастырях (если в среднем брать) легче сохранить, чем в женских. Мне приходилось читать истории про игумена-невротика, всякое бывает, конечно. Но женский монастырь в гораздо большей степени семья, чем мужской, и почти всегда семья дисфункциональная, и увернуться возможности нет. В этой бочке, каким бы ты ни был огурцом изначально, непременно просолишься.

Если для уходящего из монастыря монашество всерьез, а только наличная монастырская жизнь невыносима, то варианты мирской жизни всегда самые скромные, даже убогие, неблагоприятные, и что хуже всего — без перспектив на старость. Думаю, что мысль об этом больше всех других причин удерживает многих от ухода из монастыря. Для монахинь очень распространенный вариант — работа в крупных мужских монастырях, где платят хоть какие-то деньги. Еще, слышала, популярная профессия — сиделки с проживанием. Но вот одна сестра из моего первого монастыря, много лет таким образом ухаживавшая за «бабушками», в этом году вернулась в монастырь. Ей за 60, сама уже «бабушка», сил на такую работу и на бездомную жизнь уже нет.

Для меня самой этот вопрос открыт. Сколько я смогу еще так петь на клиросе и на это жить? Карьеру в новых областях в моем возрасте иногда начинают, но с другими условиями на старте, в первую очередь, внутренними. Потом, даже если было бы жилье, нам не светит такая пенсия, на которую можно было бы хоть как-то прожить в миру, и уже нет времени зарабатывать собственные капиталы на старость. Нет времени и брать и выплачивать кредиты на жилье.

Я думаю, что уход монаха/монахини из монастыря почти в любом случае трагедия для него самого. Это не будет трагедией только тогда, когда изначально не было или почти не было веры, когда был поход за приключениями, или выбор православнотой мамы. Даже в случае невротического страха нарушить принудительное «благословение» старца получается беда, которая может растянуться на долгие годы, — но с этим может помочь хороший психотерапевт. А в тех случаях, когда была вера и собственный выбор, получается в итоге трагедия, в античном смысле этого слова, когда сталкиваются две взаимоисключающие правды. С одной стороны — желание жить с Богом и в сообществе единомышленников ради Бога. С другой — из трех вариантов того, что у нас называют монастырями: колхоз, тюрьма и секта — все худшие. С одной стороны — на монашеском постриге обещают «претерпети всякую тесноту и скорбь иноческого жития Царствия ради Небесного», «алкати и жаждати, досаду же подъяти и укоризну, поношение же и гонение, и иными многими отяготитися скорбьми, имже сущий по Бозе живот начертавается». С другой стороны — в какой-то момент (и хотелось бы понять, в какой) послушание в его современной русской версии превращается в разрушение личных границ, а потом в разрушение личности, и приводит не к духовной пользе, а к тяжелым психологическим проблемам. С одной стороны — в том же чине пострига всячески подчеркивается свободный личный выбор и строгая ответственность за него (постригающий долго и неоднократно убеждает хорошо подумать, спрашивает, «вольною ли своею волею, не от некия ли нужды или насилия» приходит соискатель, так как Бог будет судить не по тому, что ты обещал, а по тому, как исполнил, и прямо сейчас и здесь Господь со всеми небожителями внимает твоим словам, о которых тебя спросит в Свое Второе пришествие), то есть снятие ответственности за данные обеты ни при каких обстоятельствах не предусмотрено. С другой

стороны — если личность оказалась разрушенной, то кто, какой субъект в итоге будет отвечать Богу?

Для полноты картины упомяну еще об одном мотиве похода в монастырь. Лично знаю сестер шесть, в разных местах, из таких, о которых обычно в миру говорят «мужик в юбке». По крайней мере, для некоторых из них (знаю из первых уст) главной причиной было желание обрести общественно-приемлемый статус, когда неумолимая ориентация не позволяет создать нормальную семью, а имеющиеся все же религиозные убеждения — «ненормальную». Оставаться в одиночестве кому «нестатусно», кому невыносимо. Такие сестры обычно никуда не уходят, если кто и ушел из одного монастыря, то почти сразу в другой. Как-то приспосабливаются и живут без трагедий, возможно, потому, что изначально не ударялись в посты, молитвы, смирение и послушание.

Впрочем, знаю одну такую, очень сильно «ударившуюся». Она мне лично говорила, например, что покойная старица Сепфора (из Клыково) ни много ни мало перед смертью передала ей свою молитву. Эта сестра в конце концов выбилась даже в игумении. Ничего, что после ее назначения из монастыря ушли все сестры, которые еще были способны ходить (в том числе и я), а потом она сама выгнала еще несколько старушек из оставшихся. Ничего, что анекдоты о ее новых пассиях из числа приближенных сестер и новых послушниц ходят по округе. Зато она со спонсоршей духовная сестра, стройка монастырского собора идет в нужном направлении, и дань в епархию платится исправно — а что еще начальству нужно?

Отчасти из-за тяжелых открытых вопросов о будущем, отчасти, как говорится, из любви к искусству, я задалась вопросами: а как там монастырская жизнь «у них», не в России? И вообще, каким должен бы быть монастырь современный, не по средневековой модели устроенный? Можно, конечно, ответить радикально, что время монастырей и монашества давно прошло, точка. Но это почти то же, что сказать «время христианства закончилось». Это слишком много раз уже говорили, не оригинально, и я в это не верю. Если Христос «во веки тот же» и Он имел в виду предложить спасение всем, кто пожелает, до конца времен, — то, значит, и для нашего времени. Наше время, то есть, не исключено из плана спасения. И не обязано притворяться другими, давно прошедшими, временами. Для жизни во Христе нет

необходимости воссоздавать исторические декорации и играть в этнографический театр. Я так разжевываю эту простую мысль, потому что, извините, слишком объелась за свою жизнь этнографии, передоз. И при этом для многих эта мысль не только не очевидна, но считается неизбежной необходимостью продолжать играть в историческую реконструкцию.

Однажды в БФ «Предание» был круглый стол, рассуждали как раз об истории, сегодняшнем дне и перспективах монашества. Я тогда не смогла прийти в студию, и мои вопросы озвучивала Наталия Скуратовская. На вопрос об игре в историческую реконструкцию отвечал о. Петр (Мещеринов). Этот вопрос с ответом стал чуть ли не хитом YouTube, его вырезали отдельным роликом, всех развеселило сравнение паломничества в монастырь с посещением контактного зоопарка. А суть была в том, что сейчас принято всеми железобетонно: чем древнее устав монастыря, тем святее в нем монахи, — и что с этим делать? Отец Петр ответил, что, мол, избежать этого никак нельзя, бесполезно и пытаться, надо смириться. Мне это не нравится, и не удовлетворяет.

У меня нет сейчас ответа, каким должен быть внешний вид, одежда сегодняшних монахов, ясно только, что не надо на этом заикливаться, а также изображать шелковую элегантность. Но есть мысль о природе отношений духовного наставника/наставницы и брата/сестры. Думаю, что по крайней мере на первом этапе (который у современных людей может продлиться много лет) гораздо больше пользы может принести не игумен-старец (особенно, современный «старец»), а игумен-коуч. По умолчанию, все ведь приходят в монастырь с запросом «у меня есть цель — Царство Небесное, но как достичь, не знаю». И прежде всего надо выяснить: а настоящая ли это твоя цель? А твоя ли вообще это цель? Если выяснится, что точно да, тогда идти дальше. Пока речь идет о преодолении психологических проблем, налаживании отношений с другими людьми (того самого «не делай другому того, чего не хочешь себе, и делай другому то, что хотел бы себе») — тут поле именно для коуча. Попутно замечу, что как цель у христиан, живущих в миру, та же, так и коучинговый подход в деле душепопечения, я думаю, был бы так же полезен. Возможно, он и есть та самая церковная педагогика для современных христиан, об отсутствии которой не раз сокрушался тот же о. Петр.

Когда/если психологические и нравственные задачи будут решены (рассуждаем сугубо теоретически), то следующий этап — это собственно духовная жизнь, духовные задачи. Пригоден ли в этом случае будет наставник-коуч, я не знаю, сомневаюсь. Во всяком случае, таким путем еще никто не ходил. Думаю, там начинается область любви, и в наставники нужен человек, имеющий безусловную любовь.

Пока я размышляла о сих высоких материях и еще до того, как уже сказала, решила посмотреть, какова же монастырская жизнь на других территориях.

На Святой Земле есть три русских женских монастыря в Иерусалиме: Елеонский (Вознесенский) и Гефсиманский (где храм Марии Магдалины и мощи Елизаветы Федоровны), принадлежащие РПЦЗ, и Горний, принадлежащий РПЦ, вместе с несколькими территориями и храмами, принадлежащими нашей миссии, где тоже горненские сестры.

Я жила несколько дней в Елеонском монастыре. От наших здешних, российских он заметно отличается спокойствием, сестры улыбчивые, никакой суеты и беготни «стой там иди сюда», никакой нервозности (эти элементарные вещи много говорят в целом о духе монастыря, в некоторых даже московских сестры смотрят угрюмо, или вовсе злобно). Никто не стремился меня припахать, позволили просто жить и ходить на службы куда я хочу, не обязательно даже у них. Игуменья не смотрела на меня оценивающе (как обычно смотрят здешние), только благостно улыбалась, и я не заметила, чтоб кто-то ее боялся. Я слышала там, что во всех трех монастырях (Горнем, Елеонском и Марии Магдалины) сестрам дают какие-то деньги на руки, и что в Елеонском дают меньше всего, а больше всего платят в Горнем.

Заметила очень красноречивую деталь: в воскресный день, поскольку от всех послушаний выходной, то и лавка была закрыта. Нигде в наших монастырях это нельзя представить, чтоб в самый посещаемый туристами день, когда можно ожидать самой большой выручки, вдруг бы от этого отказались.

Большое впечатление произвел местный владыка, начальник миссии РПЦЗ епископ Роман (он живет в этом монастыре и часто служит), его поучения и общение с сестрами на трапезе. Ничего сверхъестественного, но такой

«настоящий», каким, кажется, и должен быть епископ, по нашим временам, большая редкость.

У Марии Магдалины я побывала на одной службе, дальше храма не видела. Паломников там не принимают, негде, территория маленькая. Сестры, по первому впечатлению, понравились мне значительно меньше, смотрели на меня недружелюбно, но это может быть обманчиво.

Побывала на каком-то большом местном празднике и в Горнем. Монастырь в целом сияет благолепием, как и у нас здесь. Пока шла всенощная в небольшом храме, все паломники поместиться внутри не могли и слушали трансляцию на улице. Я тоже пристроилась в сторонке под деревом, рядом со мной стояли, приходили, уходили сестры, не занятые в службе. Они, в основном, решали финансовые вопросы, кто-то кому-то передавал «бакшиш» из Иерихона, или Магалы. (Там много сестер работает экскурсоводами, за это они, помимо общих для всех сестер денег, получают зарплату, не помню точно, кажется, 100\$ в день (может быть, столько получают светские экскурсоводы, а монахини меньше), и еще «бакшиш», то есть долю прибыли, процентов 20, из арабских лавок, куда экскурсовод приводит группу.) В общем, жизнь этой обители произвела впечатление перманентного распила паломнических денег. Но может, мне не повезло.

С Елеонским монастырем оказалось тоже не все так просто. Уже по возвращении домой прочла статью одной американской игумении РПЦЗ, о том, как она там жила, занималась с русскими сестрами английским языком, а с желающими арабками и румынками — русским. Оказалась, что в монастыре хроническая распря между русскими и арабками. Мне она была не видна. Румынки, которые в бытность той игумении вели себя наиболее непримиримо, ко времени моего приезда уже полностью покинули русский монастырь. (Вообще в Иерусалиме на службах в разных храмах я их видела постоянно, возможно, там открылся румынский монастырь.) Но вообще, такие межэтнические трения обычное дело.

В целом, можно сказать, этот монастырь хорошее место, спокойное. Главное его достоинство — удобное расположение, храм Гроба Господня в 15 минутах пешком, Гефсимания — в 5 минутах. И сестры, когда свободны от обязанностей в монастыре, туда ходят — это реальность, я это видела.

Особенно меня интересовал монастырь в Греции, в котором уже больше 7 лет живет моя давняя московская знакомая. По ее словам, он «заточен на любовь к ближнему во всех проявлениях». Я хотела увидеть, как это выглядит. В нынешнем году я смогла побывать там дважды.

Этот монастырь, прежде всего, уникален своим интернациональным составом, там живут сестры из 12 стран. Игуменья гречанка, но среди сестер гречанки в меньшинстве. Игуменья, кроме греческого, свободно говорит на немецком и английском, по-английски свободно говорят и почти все сестры — на английском общаются с приезжими иностранцами, гостями и волонтерами. Монастырь избегает спонсоров (потому что резонно считают, кто платит, тот и заказывает музыку), сами зарабатывают на жизнь себе и еще двум или трем «подшефным» маленьким монастырям. Зарабатывают производством органических продуктов: монастырь является органической фермой, ведет большую социальную активность на тему органического земледелия, в том числе принимает волонтеров, интересующихся этим.

(Кстати, волонтеры для них — не бесплатная рабсила, как в наших монастырях, а тоже объект приложения деятельной любви. Волонтеры помогают в работах, каких сами хотят, какие их интересуют. Живут они совсем отдельно, кормят их очень хорошо. Они могут носить любую одежду. Никто не обязывает их интересоваться религией, они могут иметь любые свои убеждения. Только если они начинают задавать вопросы, им отвечают. Лучшая проповедь — пример жизни сестер, их отношения.)

Монастырь на этом месте (это горная Фессалия) существовал, кажется, с XVI века, но современный монастырь существует всего с 2000 года, так что не только можно сравнить с нашими «возрожденными», но он и моложе большинства наших. Тем больше впечатляет разница.

Прежде всего, меня озадачило, даже трудность вызывало в первый приезд то, что меня все время спрашивали: что я хочу делать? Варианты при этом могли быть любые: отдыхать, работать активно, сидя, outside или inside. Вот где бы в наших монастырях так спрашивали? Только во второй приезд случайно узнала, что монастырские работы у них называются διακονία — «служение» — в отличие от наших «послушаний». Как говорится, почувствуйте разницу. Труд — это служение ближним, такое, какое ты хочешь и можешь дать, поэтому желание не просто имеет право быть, но даже важно. А не «умри, забудь все, что ты знал и умел раньше, и тупо

делай, что приказано»! На собственном опыте убедилась, что такой подход работает куда лучше.

После многих лет почти рабского, совсем безрадостного «послушания» на полях, огородах и скотном дворе сама по себе сельскохозяйственная работа у меня не вызывала, как понимаете, никакого энтузиазма.

Да и вообще, мне казалось, что «хотеть» делать какую угодно работу я уже никогда в жизни не смогу. Рабство приучает хотеть только отдыха, свободного времени для себя. Рабство вообще не способствует развитию совести и в целом, нравственности, не говоря о любви. (И этого, увы, не понимают все организаторы монастырской жизни у нас, даже самые благонамеренные.)

Но даже это поддается изменению. Во второй приезд начала чувствовать: когда сестры меня каждый раз, раз за разом, встречали улыбкой, словами приветствия, не выражали ни малейшего раздражения тогда, когда я его ожидала, я начала успокаиваться. (То есть даже после двух лет психотерапии снова попав в монастырь, даже из любопытства, я опять чувствовала привычную тревогу и ожидала чего-то плохого.) Когда принимают как есть и ничего не требуют и отпадает необходимость защищаться, тогда возвращаются давно исчезнувшие позитивные мотивы поступков. Мне начало хотеться иногда самой что-то сделать для них, когда это было не обязательно. Это может выглядеть до странности глупо, такая элементарная вещь. Но это был опыт испытания на себе их любви в действии, причем в таком запущенном случае, как мой.

Но еще до этого меня поразила «теория». В первой же нашей беседе с игуменьей она на какой-то мой вопрос сказала: «Самое главное в жизни — это свобода. Монастырь — это преддверие рая. А в раю Бог создал людей свободными. Сказал — делайте, что хотите, только одно правило дал, а в остальном — свобода. И человек должен иметь свободу и ответственность, руководствоваться своей совестью». Тут у меня начался не то что когнитивный диссонанс, а полный слом, взрыв мозга. После того, как 25 лет слышишь только про «отсечение воли», про «поврежденность» и «пагубность» ее, про «своя воля заведет в неволю» — и вдруг услышать из уст игуменьи, что самое главное это свобода — это сильно!

Эта матушка рассказывала мне о тех, кто приезжал в их монастырь из России, и интересно, что вызвало ее удивление. Вот приехали две или три монахини

со священником. А как это монахини путешествуют вместе со священником?! (Что бы она сказала, узнав о наших «трудниках» в женских монастырях и «трудницах» в мужских!) Тут была принесена толстая книга, в которой она мне показывала пальцем и переводила с греческого на английский.

По правилам Василия Великого (по которым они и живут) священник в женский монастырь может приходить только для совершения литургии. Пришел, отслужил и ушел. Ни с кем не общаясь. Духовник (это другой священник, не любой) приезжает раз в 2 месяца примерно, для исповеди, и сестра беседует с ним в присутствии игумении. Я ей говорю: у нас в России есть такие женские монастыри, которые по таким правилам живут (например, Малоярославец). Но игумении там не готовы быть по-настоящему игуменьями, поэтому получается не монастырь, а секта: игуменья — гуру, сестры — адепты. И сестры не могут получить помощь ни от кого, ни от священника, ниоткуда больше... «...because they are closed», — закончила она фразу за меня. Да, она знает об этом. Это проблема. И о других неправильных вещах в монастырской жизни в России. Например, что монастыри открываются по решению епископа.

(Чтобы не показалось, что у них хоть сколько-нибудь похоже на ужасы Малоярославца с вездесущей авторитарной «Матушкой». Литургия у них бывает обычно раз в неделю, все причащаются, исповедь перед этим, как везде у греков, не нужна. Ежедневные службы суточного круга они совершают сами, и очень красиво; и я слышала, что вообще у греков службы «беспоповским» чином распространены. Игуменья — настоящая мать, сестры ее не только не боятся, а очень любят, и абсолютно любые вопросы решают с ней, я это видела каждый день. Видела, что сама она очень много сил, времени, терпения и любви тратит на воспитание своих сестер. Монастырь — настоящая семья, только очень хорошая, счастливая, это видно.)

Понятно, что такая идеальная жизнь возможна, главным образом, благодаря такой игуменье. В Греции вовсе не все монастыри такие идеальные. В нашем интернет-пространстве появлялись даже скандальные истории о греческих «старцах» и монастырях-сектах, эта проблема им тоже знакома. Но также легко представить, что могло бы случиться с такой матушкой у нас — система ее сожрала бы. Они могут жить такой жизнью, какой хотят, потому, что никакое начальство не вмешивается, не выносит мозг, не ставит условий, не требует дани.

После первого визита мне даже захотелось в этот монастырь насовсем — такого со мной давно не случалось.

Однако во время второго посещения стали заметны неожиданные и нерадостные вещи. Нет, с ними все хорошо, никаких подвохов и скелетов в шкафу. Но вот со мной...

Большая часть сестер там из неправославных или даже нехристианских стран. Каким-то образом они узнали о православии, обратились в него, нашли в нем Бога. Причем, православие именно в греческом варианте, из-за чего они обожают Грецию и все греческое, от языка до кухни. Все они более или менее похожи на неофитов — в своем рвении, усердии, порой, даже восторге — только без невротических перекосов того, что у нас подразумевают под «синдромом неофита».

Я уже не могу заново почувствовать такое рвение и восторг. Нельзя дважды войти в одну реку. Поучение на тему «взять свой крест и идти за Христом» (говоренное матушкой как-то раз в трапезной; она часто после трапезы с сестрами беседует или говорит поучения) или другие подобные в лучшем случае не вызывают у меня ничего. Если девушка потеряла невинность по собственной вине, обрести вновь чистоту души ей может помочь покаяние. А если она была изнасилована, в чем ей каяться? Тем более это верно в случае «душевно»: когда энтузиазм сменился иронией, а то и цинизмом, обратно вернуться уже кажется невозможным.

Кроме того, европейцам (а также японке), с детства приученным жить по законам и правилам, наверно, послушание вообще легче дается. Нам, с советского детства приученным, что закон — это описание того, где не надо попадаться, искренно слушаться трудно, кажется, это бывает только в невротическом варианте.

Правда, были эпизоды, вселяющие надежду даже в душу циника. В одно время со мной жила в монастыре паломница-арабка из Ливана. Однажды мы оказались вместе на одном «служении», нас поставили собирать зеленую фасоль с двух сторон широкой грядки. Она стала смотреть, кажется, только на мою сторону, следить, какие стручки нужной величины я не сорвала, какие я сорвала зря, преждевременно, то и дело показывать мне, какого размера стручки правильные, в общем, беспокоилась о моей работе гораздо больше, чем о своей. Я подумала: узнаю брата Федю! В наших монастырях

так делает каждая первая паломница, да и сестра. На этом фоне еще заметнее стало воспитание этой матушки: местные сестры так себя не ведут никогда. Я не стала препираться с арабкой по-английски, воспользовалась своим преимуществом: она была давно на огороде, и у нее явно болела спина, я после другой работы была свежее, поэтому я просто обогнала ее и ушла на другую грядку. А про себя думала: если так себя ведут даже ливанские арабки, а не только русские тетки, значит, наверно, дело таки не в больном русском православии, а в больной человеческой природе!

Этот греческий монастырь — монастырь, я бы сказала, классический, вполне традиционный, только очень хороший, настоящий. В нем традиционная игуменья-старица, вполне традиционная жизнь. Для их реальности нет нужды изобретать какой-то новый вариант монастырской и вообще духовной жизни. Им не нужен никакой коуч — уже есть духовная наставница, имеющая безусловную (то есть не ставящую условий, даваемую даром) любовь. Она не с луны такая прилетела: сама смолоду жила в монастыре, под руководством духовного отца. У них просто сохранилась живая традиция монашеской жизни. Кроме того, все сестры (а принимают там с большим разбором, далеко не всех желающих) производят впечатление вполне взрослых, психологически зрелых, самодостаточных людей.

В нашей реальности отсутствия живой традиции монашеской и вообще нормальной церковной жизни, массовой психологической незрелости и неблагополучности (то и другое во многом по объективным историческим причинам) — просто пересадить, «перенять» внешние формы чужого опыта нельзя. Попытки в большом количестве мы видели, объелись и тошнит. Я думаю, что бессмысленно пытаться воссоздавать внешние формы чего угодно, если планируется не музей, а жизнь. Если же пробовать строить монашескую жизнь в нашей реальности, то надо исходить из реальных исходных условий. Прежде чем стать монахом, надо быть христианином, а не язычником. Прежде чем стать христианином, надо быть человеком, а не зверем, скотом или гадом. Прежде чем задумываться о том, как своей молитвой спасти весь мир, надо покрепче затвердить, что такое хорошо и что такое плохо. То есть начинать с того места, где стоим, с решения психологических проблем и развития личности.

МОЛИТВЕННЫЙ МАРКЕТИНГ

Не собираюсь открывать Америку. Также не имею цели кого-либо уличать и разоблачать. Изучая в настоящее время коммерческий копирайтинг и азы маркетинга, я обнаружила, насколько одни и те же законы — рыночные — лежат в основе устройства монастырской жизни, как и того мира, от которого, вроде бы, люди в монастырь ушли.

Просты и понятны рыночные механизмы в монастырских мелких бизнесах. Изготовление сувениров, шитье облачений, производство экопродуктов питания, издание книг — на мой взгляд, совершенно нормальное и законное для монахов дело. Таким же микробизнесом было плетение корзин, циновок и прочего хендмейда древними пустынниками. Особенно если работают сами сестры-братья, а не «крепостная деревня» (вот тут есть различие: в большинстве женских монастырей пашут сами сестры, а в мужских, где есть товарный бизнес, — «крепостные» трудники или наемные работники).

Но вот что странно — те же маркетинговые инструменты применимы и к тому, что должно бы считаться «духовной жизнью». Вот прямо по пунктам.

1. Позиционирование. Мы — монахи, молимся за весь мир/за Россию/за православие/за РПЦ/за свой город, регион/за конкретных людей, которые принесли денежку.
2. Целевая аудитория. Основной сегмент (особенно в сельских монастырях) — женщины 50+ невысокого достатка и статуса. Для них основной месседж — мы помолимся, чтоб решились ваши проблемы. Если монастырь только начинает восстанавливаться, то — мы бедные, негде главу подклонить, помогите, а мы уж как сможем помолимся.

Другой сегмент ЦА — люди обоего пола от 40 лет с достатком выше среднего, или статусные персоны местного масштаба. Для них то же самое плюс дополнительно: мы восстанавливаем порушенные святыни/духовные традиции/развиваем духовность и сами уже не простые люди, а особые, духовные, и вы с нами имеете возможность к этому приобщиться, стать выше других.

Тут надо сказать, что с помощью только этих двух пунктов, грамотного позиционирования и правильного подбора ЦА, без продажи чего-либо,

кроме образа самих себя и туманных обещаний неопределенных молитв, монастыри получают очень немало денег путем прямого сбора пожертвований и путем государственных грантов и программ реставрации.

3. Уникальное торговое предложение. Молитва сегодня «услуга» распространенная, «молитвенный рынок» широк, поэтому есть необходимость выделиться, создать УТП. Его создают несколькими способами.

а) Самый действенный — наличие живого старца в монастыре. Как вариант — могилки старца/старицы/блаженной юшки. Они помолятся за всех и все.

б) Наличие мощей святых. Это менее доходно, чем п. а) (кроме Матроны). Рекламируются обычно молебны и акафисты у этих мощей.

в) Наличие чудотворных или хотя бы эксклюзивных, чем-то особенных икон (например, афонских), также икон с частицами мощей и мощевиков. Имеют преимущество обладатели редких и необычных святынь: икона с обручем, чугунок на голову, вериги и посохи, которыми можно себя побить по больным местам и др. Рекламируются тоже требы у этих святынь.

г) Необычное расписание служб (ночные вне конкуренции) и треб (соборование каждый день, молебны каждый час).

д) Эксклюзивные требы (исповедь за всю жизнь (на которую записываются и приезжают автобусами), 40 литургий (не сорокоуст, а в разы дороже из-за придуманного бонуса), поминовения на длительные сроки «с частицей» и «без частицы»). Неусыпаемая Псалтирь — это распространенная монастырская треба, а бывает еще «неусыпаемый» акафист.

Надо заметить, что пункты б) и в) широко применяют и приходские храмы — они тоже участвуют в формировании «молитвенного рынка».

4. Конкуренты. Если игумен/игуменья мобильны, много ездят по чужим монастырям, то перенимают, внедряют у себя «молитвенно-маркетинговые» изобретения и прочие лайфхаки друг друга. Если они имеют особенные бизнес-таланты (как моя первая игуменья), то дополняют чужие изобретения собственными фишками для уникальности. Возможно, сейчас за этим не только ездят, но и следят онлайн.

5. Интернет-продвижение. Сейчас почти все монастыри имеют сайты. Мало кто заморачивается с их оптимизацией, настройкой рекламы, они в основном служат для информационных целей по конкретному запросу в поиске. Качество их сильно разное, зависит от того, как понимает необходимость этого начальство, и от человека, которому это поручено.

Но бывают исключения. Наверно, не только мне в последнее время постоянно попадаете рекламный баннер «Женский монастырь просит помощи». Настроили себе рекламную кампанию в Яндексе. Попадают рекламные баннеры про разные требы и поездки к святыням и старцам. И очень многие сайты предлагают возможность заказать и оплатить требы онлайн.

Те монастыри, в которых начальство понимает необходимость интернет-продвижения, имеют не только приличные сайты, но и страницы в соцсетях. И эти страницы служат ровно тому же, что и бизнес-страницы людей и компаний — продвижению себя на рынке с помощью контента: полезная информация, создание имиджа, взаимодействие и вовлечение аудитории, то есть «утепление» ее. Конечная цель этих усилий — привлечение «клиентов»: паломников, трудников и денег.

Я ни разу не встречала в монастырской жизни, чтоб кто-то вот так по-маркетинговому на эти вещи смотрел, осознавал. Но интуитивно получается не хуже. Хотя озвучиваются и даже про себя думаются совсем другие цели и мотивы той же интернет-активности: просвещение, миссионерство, служение Богу и людям, и прочий пафос.

Весь этот «молитвенный маркетинг» особенно бросается в глаза при сравнении с тем единственным монастырем в Греции (см. предыдущий текст), с которым я познакомилась достаточно близко. Зарабатывают производством и продажей органических продуктов, пашут сами.

К паломникам и даже волонтерам относятся как к гостям, а не крепостным. Там нет ни мощей, ни чудотворных икон, ни других известных святынь. Игуменья хотя и называется по-гречески «герондисса», то есть «старица», но это даже отдаленно не похоже на «старцев» у нас. Попросить молитв, заказать поминовение можно, но цен никаких нет, и об этом не сообщается на каждом шагу. Сайт есть, но только с историей и красивыми картинками монастыря, контактами и адресом для визита, без фото сестер и текущей

монастырской жизни. Еще есть куча восторженных отзывов паломников из многих стран в гугл-картах.

Не хочу делать никаких обобщений, просто видела: так бывает, может быть.

Когда-то мне один вполне себе старец сказал, что это очень плохо и неправильно, если в монастыре магазин, и в нем торгуют пирожками, хлебом, ремнями и прочей бижутерией. Что продуктом монастыря должна быть только молитва. Сейчас я думаю ровно наоборот. Нормально, если в монастыре есть магазин, в котором стационарно продают, и даже вывозят на ярмарки, — то, что сами производят, не купленное оптом и реализуемое в розницу с наценкой. Если производят товар сами насельники и даже наемные работники — но не «крепостные» трудники, паломники и «чада». Если продают не товар, а какие-то интеллектуальные услуги (могу такое представить, хотя не видела). Но вот если товаром или услугой на рынке делают молитву — вот это ненормально.

Как вообще получилось, что молитва стала предметом рынка?

Предложение родил спрос, как всегда. Спрос на молитву, как мне кажется, — это запрос на общение, связь с Богом. А потребность в настоящей, подлинной связи с Богом у людей огромна. Это потребность в настоящей, принимающей любви, которая нужна абсолютно всем и больше всего. Все камни, которые сейчас летят в РПЦ, — психологически это разочарование и обида на того, кто обещал дать самое важное и нужное, но оказался отчасти мошенником, отчасти дилетантом. Но потребность-то никуда не делась. Если разочаровались в своей приходской духовной жизни или во всех семейных попах, то идут искать «настоящего» к монахам, пока не разочаруются и в них. За «оригинальный» товар не жалко и большие деньги заплатить, лишь бы качество не подвело.

Проблема для покупателя в том, что чем более качественный и настоящий у кого-то «товар», тем меньше он склонен его рекламировать и выставять на продажу. Так же в общей современной тенденции: натурального и качественного вообще мало, поэтому его не найти в море искусственных подделок. Возможно, кризис сделает более очевидным нерентабельность самого рыночного подхода. В нише связи с Богом, может быть, более эффективно работает натуральное хозяйство.

КАКОЙ ЛЮБВИ ТЫ ХОЧЕШЬ? ДАЖЕ НЕ МЕЧТАЙ: ИНТЕРВЬЮ С БЫВШЕЙ ПОСЛУШНИЦЕЙ

Интервью Ольги Прядкиной с бывшей послушницей женского монастыря Зоей Р. По просьбе героини все имена и топонимы изменены.

Ольга Прядкина:

— Расскажите, когда и как вы пришли в монастырь.

Зоя Р.:

— Мне было 38 лет, у меня был уже большой опыт церковной жизни. О монастыре я давно думала. Я всю жизнь жила и работала в W. Когда мне было лет 29, Господь мне этот путь показал, монастырский. Был сон — я увидела, как меня постригают. До этого я ни постригов не видела, ни в монастыре никогда не была. Рассказала про это батюшке и решила никогда замуж не выходить. Да у меня и не получалось: молодые люди отношения разрывали, и мама тоже мешала. Батюшка меня еще с семинаристом знакомил — тоже не сложилось.

Я работала, в деньгах не нуждалась. Я логопед по образованию. Потом у меня возникли проблемы на работе. Батюшка в S. мне нашел работу в садике логопедом, и я переехала туда. Работала не в самом S., а в поселке. Мои родные купили мне квартиру в S., она у меня и сейчас есть. Через год я сдала на права, бабушка купила мне машину, и я ездила на работу на машине. То есть у меня все было. Я была очень рада, что у меня началась самостоятельная жизнь, потому что я всю жизнь жила с мамой, устала от ее опеки, может быть, даже личная жизнь не сложилась из-за этого. Потом случилась еще одна история неудачных личных отношений с алтарником-семинаристом на приходе в S.

После этого я решила — буду жить так, дала обет замуж не выходить. Говорила с батюшкой про монастырь, раз сон такой про постриг. Он сказал — нет, пока твои родные живы, ты одна у них — я тебя в монастырь не благословляю. У меня никто из родных церковную жизнь не вел. Потребность в храме у меня со школьных лет была, а исповедоваться и причащаться с 19 лет стала.

В 2015 году в Сенцах открыли архиерейское подворье, там в прошлом был монастырь. Сначала был просто приход, потом его сделали монастырем, назначили туда настоятельницу. Как-то подруга предложила сходить

на службу на это подворье, помочь, матушка там одна, ей тяжело. Мы пришли, матушка ко всем старалась показать свою любовь и расположение, она и сейчас ко внешним так себя преподносит. Мне она сразу благословила читать часы, хотя раньше я не читала. Потом я стала туда приезжать на службы, исповедоваться, причащаться, познакомилась с батюшкой. Матушка меня учила читать правильно, ошибки исправляла.

Потом она дала мне послушание по субботам дежурить в храме вместе с батюшкой, за ящиком, помогать читать на требах и кормить его. Это продолжалось месяца три. Потом она стала заводить разговор: может, в монастыре останешься, может, не сейчас, через год. Потом более конкретно стала говорить, что скоро Великий пост, ей нужны сестры на службы, надо много читать.

На Рождество мы приехали, на собранные деньги купили и привезли водосвятную чашу, этим подруга больше занималась. Матушка сказала мне: решайся и оставайся в монастыре. Я молилась и поняла, что да, воля Божья мне идти в монастырь...

— *Вы сама это решили, к старцам никаким не обращались?*

— Нет, сама, я видела сны. Со старцами я никаких контактов не имела.

— *Не было желания?*

— Желание, может, и было, но найти трудно. Я и до сих пор себе по душе не нашла батюшку.

На работе стала подготавливать всех, что я ухажу. Дома тоже было сложно, мама кричала сначала, не пускала. А потом Господь так все устроил, что она сама меня проводила.

Я приехала на машине. Конечно, матушке была нужна моя машина. Она меня и раньше иногда просила ее возить куда-то. До этого у нее были нанятые водители, ей это было очень дорого. А тут сама приехала, да на машине, да две квартиры... У нее были виды на мое имущество.

Мы стали жить втроем в одной квартире: матушка, я и инокиня из Иркутска. Она приехала сюда ухаживать за матерью, осталась в миру с родственниками, но хотела все же в какой-нибудь монастырь. Мы с ней вместе оформлялись.

— *Вы говорили, что вы постоянно находились при матушке, ухаживали за ней и лечили ее. В чем это выражалось?*

— Мы жили с ней вместе. Инокля скоро переехала в храм, там была келья, а она любила свободу и попросилась жить там одной. Потом к нам приехала еще одна, девочка после регентской школы, она не знала, останется в монастыре или нет, ей надо было отработать год. Мы с ней жили в одной комнате, а матушка в другой. Я была водителем с первого дня, возила матушку по делам и по магазинам, по благотетелям, куда мы только ни ездили. Она любила ездить по благотетелям, по праздникам, чтоб ей стол устраивали, угощали. Была неравнодушна к выпивке.

— *А часто это происходило?*

— Довольно часто. Мне было непривычно, у нас дома такого не было. Даже пьяной ее видела. И у нас бывали застолья, когда приезжали гости, монахини ее знакомые, с которыми она раньше жила.

— *А что вы делали как келейница?*

— Она сначала обучила меня гладить облачения: подрясники, рясу, апостольники, все это научила делать профессионально и быстро. Потом сказала: кто-то должен за мной ухаживать — ты будешь это выполнять, ты исполняющая обязанности келейницы. Я за обувью ее ухаживала...

— *То есть еще не было монастыря, было всего три сестры, и из этих троих одна должна быть келейницей. Вам это не показалось странным?*

— У меня опыта монастырского не было, сравнивать мне было не с чем, поэтому я все воспринимала как должное. Она мне говорила: я тебя буду учить, слушай меня, тебе это полезно, это полезно...

— *А что именно?*

— Она сразу начала меня ругать. Сказала: тебе полезно, когда тебя ругают. В машине она постоянно делала мне замечания, даже посторонние люди говорили, как ты это терпишь. Указывала, как мне ехать, вплоть до каких-то маневров, ты не по той полосе едешь, не с той скоростью едешь. Она доводила меня, терпение заканчивалось, я набирала скорость — она орать начинала. Сама она не водитель, но говорила: я много ездила с другими водителями, я все понимаю, все знаю. Заставляла меня и на красный свет проезжать, и правила нарушать, у меня аварии были из-за нее. Заставила

меня ехать на левый поворот, а встречному еще был зеленый, я не видела — рядом стояла машина. Я встала, жду, когда проедут, она говорит: езжай. Я: не могу, я боюсь, пока нельзя. Она: езжай! Я поехала, в результате там встреча, боковое столкновение — в ее сторону. Она не пристегивалась до этого момента, получила сотрясение мозга. То есть до этого она считала, что может ездить как угодно. После этого уже стала пристегиваться. Мне вообще ничего, ни царапинки. Это просто чудо, как Господь меня берег.

Потом у меня еще была авария. Привезла ее в клинику и оставила там. Она любила ездить в клиники, подолгу там разговаривать с медиками, вообще была заиклена на своем здоровье. Я должна была ехать одна по другому делу, и она настояла, как мне ехать, где поворачивать. А там вообще поворот был запрещен. Я стала, мне сзади сигналият, что делать? Стала поворачивать — сразу удар, я летела в дом метров 15-20, по двери мне процарапало светофорным столбом. Машину потом восстанавливали очень долго, много повреждений. Мне опять ни царапинки, только испуг.

Потом садиться за руль было тяжело, травма психологическая была. Причем разница между двумя авариями три недели. Машину только сделали — и опять, вторая авария. Но она заставляла все равно: садись, езжай! Говорю, мне тяжело, я боюсь. — Все равно, езжай!

А машину нам благодетель восстанавливал, и первый, и второй раз, мы ни копейки не заплатили. Но она особо его не благодарила, считала, что ей все должны. Она приближала тех, от кого могла какую-то пользу извлечь, а кто ей не нужен, с теми она не общалась.

До этого у меня была еще авария. На скользкой дороге перед светофором не удержалась и въехала в переднюю машину. Разбила сильно свою. У меня тогда еще были свои деньги, а в монастыре тогда не было средств совсем. Я сама ей предложила, она не знала, что у меня есть деньги, хотя намекала, что в свое проживание мы должны деньги вкладывать. Когда я только пришла в монастырь, она забрала у меня тридцать тысяч, которые были, а про книжку она не знала. Потом, когда уходила, у меня вообще ничего не было, хорошо еще, что было куда уйти. И вот я за свои деньги запчасти покупала и ремонтом занималась сама.

Я гладила ее белье, стирала на руках. Стригла ее, да, периодически подрезала сантиметров пять.

Я тогда еще не была послушницей даже. Она меня через девять месяцев одела, на Введение. Я была первой сестрой, первой послушницей этого монастыря. Этот день, конечно, я никогда не забуду, в этом году уже три года будет. Сейчас уже потихонечку эта боль уходит. Может, даже и прощу.

До рясофора я не дожила, но генеральную исповедь она успела провести. Что она планировала, я не поняла, батюшка говорил, наверно, постриг должен был быть. Я написала целую тетрадку, за всю жизнь, недели две писала, и отдала ей. Сначала она читала, потом дала нашему духовнику игумену К., это духовник всех женских монастырей.

Я ждала, когда он меня вызовет на исповедь, но так и не получилось. Когда я уже ушла, поехала к нему, чтоб он рекомендации мне дал о духовной жизни. Поняла, что она какую-то клевету ему про меня говорила, он даже не хотел меня на исповедь брать. Я тогда не знала, как мне жить дальше — к монастырскому образу жизни уже успела привыкнуть, и опять возвращаться в мир было тяжело. У меня было желание вернуться, остаться, но она сказала — нет.

— Вы говорили, что за ней ухаживали, а она в ответ издевалась — что она делала?

— Сначала она хорошо относилась, только в машине были инциденты. Я ей полностью доверяла, считала ее духовной матерью. Она была старше, ей было 52 года, у нее был большой опыт, она с 27 лет в монастыре. Потом она стала намекать, что продай квартиру в С., купи мне в С. Потому что у нас с жильем были проблемы, жилье съемное, а ей уже хотелось иметь что-то свое личное.

— А дом она не строила для сестер?

— Там дом был старый монастырский, мы его восстанавливали. В нем была полная разруха, а к моему уходу внизу уже полностью восстановили и наверху делали кельи. И я там прожила последние четыре месяца, после того, как она меня выгнала из квартиры.

Как все началось. Я не могла свою квартиру просто взять и продать, потому что покупала ее не я, а родные, хотя оформлена она была на меня.

Я сказала ей: нет, без родных не могу ничего продавать. Мы туда ездили, ей очень понравилась мебель, там вся новая была куплена. Она сказала: вот это, это и это заберем. Мама моя воспротивилась, мол, никакой мебели

не отдадим, сама кое-что оттуда вывезла, боялась, что мы приедем и заберем.

Когда матушка поняла, что с квартирой ничего не получится, у нее началась злоба. Она рассчитывала приобрести за счет меня, а я не даю ей.

Я уже полгода была послушницей. Сестра после регентской школы отработала год и решала, останется она в монастыре или нет. И матушка отпустила ее в отпуск на месяц. Она была у нас келарем и чтецом, и пели они вдвоем с матушкой.

Когда она уехала, я осталась на месяц с матушкой вдвоем. Мне пришлось делать все: водить машину, готовить и все-все делать, я очень уставала. В отпуск за все время она меня не отпускала ни разу. Отдохнуть я могла только, когда она ездила в Москву. Она сама из Москвы и навещает там родственников, без благословения владыки, ее никто особо не контролирует. И тогда я могла к родным съездить. А так чтоб недели на две — не отпускала, хоть я просилась, ей водитель нужен.

И вот за месяц я очень устала. В то время в собственность архиерейского подворья передали дом с участком, надо было землю разрабатывать, там глина, очень тяжело было, нам много помогали мирские. Один раз я рыхлила землю, у меня плохо получалось, она подошла и руку мне сжала очень сильно, и говорит: вот, ты не так делаешь. При мирских женщинах. У меня даже слезы выступили, такого никогда не было. Они стали говорить: не обращайтесь внимания. Прихожане уже стали замечать, что отношение не христианское, до любви далеко.

Когда вернулась сестра из отпуска, она ее официально оформила как послушницу, и я поняла, что я ей уже не так нужна.

Сенцы относятся к Китежградскому району. Мы часто ездили в Китежград, в администрацию и другие места. Очень много дел было по восстановлению, по ремонтным работам, и средства нужны были, мои родные тоже несколько раз крупные суммы вкладывали. Мама из своей пенсии дважды по пятьдесят тысяч вкладывала, потом очень жалела, что ей дала. Вначале в корпусе была полная разруха, там вода стояла, и после зимы лед мы руками откалывали.

— *Что матушка еще с вами делала, кроме того, что хотела вашу квартиру?*

— Она начала меня бить. Когда появилась эта вторая сестра, ко мне матушка начала относиться хуже. Первый раз вообще ни за что. Мы вставали утром в шесть, в полседьмого шли к ней в келью читать правило. В тот день я очень плохо себя чувствовала, голова болела, слабость. Я еле-еле отстояла, даже пыталась присесть. Потом за завтраком ей, видимо, не понравилось такое мое понурое настроение, она молча подошла и без слов дала подзатыльник и ударила по спине. Меня дома никогда не били, это что-то из ряда вон выходящее. У меня следы были на спине, она била со всей силы. Не извинилась, сказала: плохо себя чувствуешь — терпи, что ты сидишь с таким видом. Я тогда промолчала. В другой день высказала ей все, что накопилось, сказала: я пойду к владыке. Как потом оказалось, она очень злопамятная, подозрительная, ей казалось, что я что-то замышляю за ее спиной. Обвиняла меня, что я лгу, лицемерю. Внушала, что я ненормальная, больная, что меня надо лечить. Просто добавила меня уже до такой степени, что я считала, что я никому не нужна, зачем меня Господь, такую грешную, здесь терпит.

Когда я сказала, что пойду к владыке, она меня из квартиры выселила. Еще я сказала, что уйду, что такое отношение мне не подходит.

Я стала жить в корпусе. Он был еще не готов, там нигде не было ни дверей, ни мебели, было не освящено, и владыка не благословлял жить в одиночку. Только через месяц по моей просьбе батюшка освятил корпус, стало не так страшно.

В отпуск она меня так и не отпустила.

Из корпуса она меня вызывала, я к ней приезжала и везла ее, куда ей нужно. Еще я делала ей массаж. У нее спина и ноги болели, она постоянно жаловалась, что такая больная. Покупали разные мази. Я раньше такого никогда не делала, но у меня родные медики. Ей очень нравилось, говорила: так, как ты, никто не сделает. Спину ей растирала, ноги, коленки. Это вечером, во время правила. То есть она ложилась, я растирала, а другая сестра читала правило. Вот так даже, да. А потом я уже специально приходила. Я хотела общения, одной было очень тяжело.

Инокня, которая жила в храме, общаться особо не желала. У нее там было свое общение с мирянами, с батюшкой. Она тоже на меня нападала, однажды чуть граблями меня не побила. Мы периодически ездили

за питьевой водой на ключ. В тот день я взяла, по ее мнению, мало бутылок, боялась перегруза в машине. Она стала угрожать мне граблями, замахивалась. Я спряталась от нее в корпусе, закрылась. Она ломилась в дверь с полчаса, а когда ушла, я убежала к матушке и рассказала об этом. Но она не защищала меня. Зависть была со стороны инокини, мол, ты все время с матушкой, ты ничего не рассказываешь. Я многое не могла рассказывать, куда мы ездим, мне матушка не благословляла. Инокиня наговаривала матушке на меня. Потом, когда я ушла, они, вроде, осознали, что были неправы, ну, дай Бог. Любви там никакой не было, просто кто как выживет. Кто кого выживет, кто сильнее. А я старалась прощать, делать добро, помогать. Многому я там научилась. Я вообще была очень эгоистичной, избалованной...

— *Почему вы так считаете? То, что матушка вам говорила, чтобы смирять вас, — вы этому верили? Что вы на самом деле такая плохая?*

— Да, сначала верила. Сейчас нет. Постепенно глаза у меня стали открываться, когда уже я жила на горе. Я там натерпелась, жила совершенно одна в пустом корпусе. До меня никому не было дела, как я там живу, чем питаюсь.

— *И чем вы питались?*

— Инокиня готовила для батюшки, иногда давала готовую еду, иногда давала мне часть продуктов, чтоб я сама готовила. Но я часто уезжала на целый день, и некогда было готовить, даже пообедать некогда, питания нормального не было. Пока не было поста, можно было еще прожить на молочном, а когда начался пост, стало очень тяжело. Меня еще заставили расчищать от снега всю территорию возле храма, она огромная. Я просила помощи, один раз вызвала на помощь мирскую знакомую. Была сильная ругань, что я должна все сама делать. Потом у меня уже сил не было и от недоедания.

Когда я вернулась домой, была, как скелет, три месяца наесться не могла. Когда видела, например, кашу, так радовалась, что вижу нормальную еду.

Матушка продолжала меня периодически бить, в машине, прямо за рулем. Била по плечу, а оно у меня и так было травмированное, я ей говорила. Один раз она так его отбила, что у меня рука не поднималась, синяк месяц был.

Конечно, я никуда не ходила свидетельствоваться, лечилась своими средствами. Своим я ничего не говорила, терпела.

Отношение становилось все хуже. Однажды она меня с трапезы перед всеми прихожанами выгнала. Был праздник, после службы. Она меня послала отвезти ее подругу, поэтому с начала трапезы меня не было. А когда я пришла, она не позволила мне войти и сесть, несколько раз я возвращалась, а она выгоняла меня. После этого даже некоторые прихожане перестали туда ездить.

У меня было такое отчаяние, я хотела уйти куда глаза глядят, ушла на кладбище. На обратном пути встретила прихожан. Во многих глазах увидела сочувствие. Вообще, прихожане много помогали и много сочувствовали. От них я научилась понимать, что такое любовь, милосердие, сострадание. До этого успела привыкнуть к скотскому отношению, уже считала его нормальным. А человеческое отношение мне казалось дикостью. Я после монастыря долго к этому привыкала. Поняла, что есть любовь, много людей хороших.

— Вы говорили, что пока были ее водителем, то поездили много где и повидали, и многое поняли о современном монашестве. Можете об этом рассказать?

— Мы с ней много ездили по монастырям. Часто в Китежград, в три монастыря. Там жил благодетель, она к нему домой в гости ездила, а меня на это время отправляла по музею гулять. В Зябликово часто ездили. Везде не все просто, проблемы каждого монастыря обсуждались, матушка о них говорила с сестрой-регентшей, они были из одного монастыря и раньше знакомы. Меня в это не посвящали, я просто эти разговоры слышала. В их прежнем монастыре N было много проблем. У матушки были проблемы с тогдашней N-ской игуменьей Зинаидой. От Зинаиды очень много сестер ушло, потому что она образовала свой круг приближенных к ней сестер, а старых и несогласных с ней выживала. И при мне уходили сестры, даже убегали. А у матушки там были любимцы, с которыми она близко общалась, подолгу по телефону разговаривала.

Еще она очень много времени проводила в интернете — в смартфоне. Подолгу общалась в ватсапе и в вайбере. У нее был ноутбук, она иногда приглашала что-то интересное показать, что она нашла. Показывала

православные мультфильмы и разные фильмы, которые она находила методом тыка. Велела никому об этом не говорить. Уж не знаю, благословлялось это или нет.

В первый год, еще на квартире, матушка начинала проводить «Школу инока», по воскресеньям после вечерней службы. Включала нам лекции Осипова, сама рассказывала кое-что про всенощное бдение. Но это было не системно, отрывками, часто пропускали. Потом она совсем это прекратила, хотя это было очень нужно, чтоб нам вместе собираться. Мы были разъединены, кто где, а очень важно было вместе собираться.

Мы очень часто ездили в Боженково — на архиерейские и простые службы, на именины игуменьи, к портнихе — там ей шили новые облачения. Во всех монастырях, куда мы ездили, я бывала и на трапезе.

В результате этих поездок я поняла, что в современных монастырях любви нет, отношения строятся так: кто может — тот выживает, кто послабее — тех выживают, кто сильнее — те командуют. Я слышала историю, что в Зябликово игуменью сестры довели до смерти, и нынешней тоже очень тяжело. Там много сестер из Боженково, а боженовские сестры очень тяжелые — агрессивные, властные. И наша очень боялась, чтобы ей тоже боженовских не прислали. Когда в Боженково игуменью поменяли, их расформировывали, сестер по разным монастырям раскидали, они там маленькие общинки стали создавать. Это случилось после истории с приютом, которая прогремела на всю страну — когда девочка из приюта написала письмо патриарху, как ее насильно удерживали в приюте, наказывали, избивали, как она убегала. Тогда игуменью сменили. И сестер расформировали по разным монастырям, чтобы не было такого скопления, — самых агрессивных и властных. У Боженовского монастыря есть несколько подворий, туда их отправили, в Зябликово тоже, и нам предлагали сестру. Наша отказывалась.

Вообще много сестер ей предлагали, многие сами приходили, просились из других монастырей — она никого не брала, искала тех, кто ей нужен, кто ей выгоден. А больных и с проблемами ей не надо было, нужно было здоровых, молодых, которые бы работали. Молодая сестра у нас за троих работала, она была очень ловкая, быстрая, у нее все быстро получалось. Я не такая, довольно медлительная — и то научилась намного быстрее все делать.

— Я слышала, что боженевские сестры сильно пахали, сами бетон месили, сами строили и др. И такую сильную и умелую сестру она не хотела взять? Или боялась моральных проблем?

— Скорее, моральных — непослушания, неподчинения.

— Чего можно было от них ожидать?

— Она сама по себе человек слабый, говорила, что руководить ей сложно, организовать монастырь ей тоже сложно, поэтому она старалась подавить волю, чтобы человек полностью ей подчинялся, а того, кто посильнее, кто не будет слушаться, ей не нужно было. Меня вот она забила до такой степени, что своей воли у меня уже не было.

У нее бывали истерики периодически, она орала дурным голосом, из машины выпрыгивала на ходу, во время движения — «останови, я выхожу, езжай, куда хочешь».

Я хотела уйти. Терпела, она не раз меня уже била. Последний раз это было в ноябре 2018-го, за месяц до ухода. Мы поехали с ней по делам в администрацию. Я поняла, что у нее проблемы, или настроение плохое — начала придираться, что дворники грязные, ты не следишь, доводила меня. Приехали, я уже в слезах, вышла, протерла дворники и стекло. На обратном пути она стала громко орать, прямо в ухо, по плечу опять бить. Кричала: убирайся вон со своей проклятой машиной (то есть машина уже была ей не нужна) — ты не сестра, а наемник! Для меня это вообще было шоком. Я ее считала духовной матерью — она сказала, что она мне уже не мать, никто. Заставила меня остановить машину, вышла, пошла назад, истерика, она, видимо, уже не справлялась. Сейчас бы я уехала, а тогда осталась, дождалась ее, она вернулась. Она мне сказала: не проси благословения уйти, а то я тебя благословлю.

Когда мы вернулись, я сказала: благословите, я ухожу, не вижу, как я могу больше здесь находиться, раз я не сестра. Она ушла и не стала со мной говорить, на стук и звонки не отвечала. Я заехала в корпус, забрала сумки и поехала в W. к маме. Мама была в шоке, хотя уже давно подозревала неладное. Говорила: она к тебе плохо относится, а я не верила. Матушка психологически меня так давила, у меня не было ни своих мыслей, ни желаний, я делала только то, что она скажет.

— И вас устраивало такое положение вещей?

— Сначала да. Опыта у меня никакого не было. Я вообще была о монастырях другого мнения, книг начиталась, как должно быть, и прозрение происходило постепенно.

Я думала, что не вернусь. Позвонила нашему батюшке из подворья, он дал телефон духовника. Я рассказала тому, что ушла из монастыря, меня бьют, я и готова бы вернуться, но не знаю, возьмут ли меня, и весь разговор. Он пообещал подумать и найти мне место, может, в другом монастыре. Видимо, он вышел на владыку, а тот позвонил матушке, вызвал для объяснений. Мне владыка благословил так: если родные меня отпустят, то вернуться опять на подворье. Родные меня не отпускали. Матушка стала говорить со мной очень хорошо. Я тайком уехала в монастырь, меня все равно туда тянуло, я еще не была готова полностью домой уйти. Тогда родные силой отобрали у меня ключи от машины, мне пришлось ее потом перегонять дяде и переписывать машину на дядю, а квартиру на маму. И после этого они меня выгнали, мол, теперь иди в свой монастырь.

Матушка сначала меня приняла, когда еще не знала, что у меня теперь ничего нет. А когда узнала, что машина у дяди, стала очень возмущаться, почему не в семье останется. Она надеялась, что родные мне машину все-таки отдадут. Говорила по телефону с мамой и бабушкой, бабушка ей высказала все. Она краснела, извинялась, говорила, что больше не будет.

Я осталась без всего, готова была все оставить ради Господа. Но поняла, что без всего я там уже не нужна. Возить я ее больше не могла. Они остались без машины, либо вызывали такси, либо кого-то просили. Это было очень неудобно. Добирались они на службу пешком в любую погоду, конечно, для нее это был дискомфорт.

Периодически я ходила к ней на послушание. Если у нее был банный день, я после нее убирала в ванной, когда накапливалось белье, приходила гладить, ухаживала за обувью. И процедуры делала ей каждый день: массаж и своим лечебным аппаратом коленки ей лечила. Инокиня ей уколы ставила, так что здоровьем своим она постоянно занималась.

— *А здоровьем сестер?*

— Сначала она очень заботилась, пыталась и нас лечить, покупала мне таблетки, даже уколы сама делала. А под конец ей стало все равно, что

с нашим здоровьем, заставляла на послушание выходить при любом самочувствии.

Однажды я случайно подслушала ее телефонный разговор с ее близкой подругой, обо мне. Она говорила, что по какому-то духовному закону я должна быть в ее монастыре, потому что без меня у сестер страсти усилились. А вообще она хочет от меня избавиться, толку от меня никакого. Потом я ей сказала, что слышала это. Был жуткий скандал, она заставила меня каяться, я на коленях просила прощения. Но сказала, что после такого я должна уйти, это уже не любовь, а ненависть. Но тогда она меня еще удержала.

Владыка был в курсе истории со мной, она потом все старалась загладить, что я вернулась, и все хорошо. Он вообще много благословлял по монастырю — и правило удлинить, и службы увеличить — но она его не слушала, делала по-своему. Он приезжал к нам, делал свои замечания, но ничего, к сожалению, не менялось.

Он проводил монашеские совещания, читались лекции о том, как относиться к послушникам. Как я поняла, это было связано с нашим монастырем. Выступала матушка Анна из Колосово, говорила, что игуменья должна быть матерью, не требовать много, должно быть полное доверие, послушница не должна чувствовать себя ненужной. А я как раз чувствовала себя ненужной, доверия никакого уже не было, любви тоже. У меня открылись глаза, что должно быть не так, как у нас, а наоборот. Ее это тоже очень задело, потому что она не права, и она это поняла, и стала злиться.

На праздник святителя Николая после трапезы она с нашим прорабом поехала к нему в коттедж. У него свой коттедж в W., он человек небедный. Мы периодически к нему ездили отдыхать, он пикник устраивал, шашлык из рыбы, стол, вино. Она уехала с ним, на его машине. А вечером я должна была, как обычно, к ней прийти массаж делать. Днем я позвонила, когда приходить. Для меня это была возможность просто выйти и пообщаться, одной было очень тяжело оставаться в пустом корпусе. Отчаяние находило, хотелось общения, а общаться было не с кем. Она мне все не звонила вечером, я случайно дозвонилась той сестре, что с ней жила. Ответила, что приходить не нужно и говорить она со мной не будет, принципиально. Я думаю, что она просто была выпившая. А мне очень нужно было хотя бы поговорить, пообщаться. Я сгоряча написала ей много смсок, она

их игнорировала. Через других людей пыталась ей дозвониться, тоже безуспешно. Решила поговорить лично, пошла к ней на квартиру — мне не открыли, забаррикадировались.

Ночью я приняла решение уходить совсем. Утром собрала все вещи. Матушке дозвониться не могла, она через инокиню благословила, да, уезжай. Отобрала у меня всю монашескую одежду. Вещи мне помог перевезти батюшка. Домой приехала как в рай, приняли меня очень хорошо. Я была очень рада, что наконец дома, но при этом в панике и растерянности — как мне дальше жить, что делать.

Я не знаю, мирская я теперь или нет. По ощущению — нет, Господь меня на мирскую работу не допускает, не получается устроиться. Или обстоятельства так складываются, или не берут, или душа не лежит. Пыталась. Слава Богу, попала в сестричество сестер милосердия.

Три месяца я вообще не могла определиться, сидела дома, каждый день это все рассказывала, мне нужно было выговориться, я спать не могла, пила успокоительные. Ела тоже — я никогда столько не ела. Ожила.

Матушка меня окончательно отказалась брать, наговорила и духовнику, и нашему батюшке про меня, что я такая-сякая, ненормальная, чуть не сумасшедшая. Ей очень не нравилось, что я устроилась в жизни, что меня взяли в сестричество. Когда она первый раз меня увидела в соборе в белом платке сестры милосердия, то взяла за руку и стала говорить ласковым голосом: вот ты ушла, значит, тебе не место было в монастыре, но ты и из другого места можешь уйти, и тут не останешься. Когда батюшка ей рассказывал, что меня видел, и какая я красивая в этом платке, говорит, ее прямо передернуло от этих слов. Она ожидала, что я пропаду, что у меня все будет плохо. Мне подруга помогла устроиться в сестричество, сейчас это для меня важная моральная поддержка. Я работаю в часовнях свечницей.

В сестричестве тоже не все просто, там поменялось руководство. У прошлой начальницы был свой частный магазин, она меня туда привлекла, хотя я не хотела. Но она заставила, говорила, что я должна. В магазине было очень тяжело, сильный контроль, деспотизм, она как к рабам к нам относилась. Там еще финансовые махинации были, налоги не платились, она как предприниматель на этом много наживалась. В итоге владыка ее снял. Сейчас у нас очень хорошая старшая сестра, она мне как духовная мать.

По специальности я уже не могла работать, у меня пропала категория. Я 15 лет проработала логопедом, у меня была высшая категория. Я очень любила свою работу, а матушка мне внушала, что ты логопед никакой, ты ничего не можешь, ничего не умеешь, у тебя друзей быть не может, ты ни с кем общаться не умеешь. Она такой ужас мне внушала, просто одно давление.

Новая старшая сестра очень близка мне по духу, если бы она была в монастыре, она была бы идеальной игуменьей. Она помогла мне устроиться на работу в собор. Я сейчас работаю церковницей в соборе, кроме сестричества.

— *Ваша матушка распространяла про вас клевету, как по-вашему, зачем?*

— Она человек очень мстительный, подозрительный и она почему-то считала, что я ее предала, что я бы сделала ей что-то ужасное. Первое мое «предательство» было, когда я сказала, что пойду к владыке, а второе — когда я подслушала ее разговор. И то, что я маме рассказала, это тоже «предательство», я должна была терпеть, молчать, никому не говорить. Я думаю, тут было много накручено, у меня и мысли не было что-то плохое ей делать. Я хотела ей добра, помочь, я к ней всей душой. А с ее стороны неприязнь, потом даже агрессия.

После моего ухода матушку перевели настоятельницей в N, а игуменью Зинаиду вместо нее в Сенцы, их поменяли. От Зинаиды ушло очень много сестер, там мало оставалось. И матушка попросила всех мирских, кого можно, приходить читать Псалтирь, потому что сестры неусыпаемую Псалтирь читать не справляются.

Матушка пыталась со мной наладить контакт. Один раз прислала мне сообщение в ватсапе, я не стала его читать, удалила ее и заблокировала. Потом несколько раз встречала ее в соборе, потому что N-ский монастырь находится рядом с собором. Первый раз она на вид очень приветливо меня встретила, стала обниматься, говорить, как она рада меня видеть. Я уже ей не верила, знала, что за этим стоит. Пыталась мне «подарить» деньги три тысячи. Как я поняла, она просто боялась, что я буду про нее рассказывать в соборе, что может дойти до владыки — естественно, ее бы сразу сняли. Ее уже назначили тогда, но в игуменнии еще не возвели.

Когда она еще была в Сенцах, завела во Вконтакте страничку подворья. И я там написала все, что о ней думаю. Многие люди это прочитали и перестали туда ходить. Она пыталась на меня повлиять через других людей, чтоб я это все удалила, говорила: тебе это может повредить, тебе хуже будет. На другой день я все удалила.

— *Она угрожала?*

— Нет, она имела в виду, что если на моей новой работе, в соборе, узнают об этом, то подумают, что я против церкви иду, репутация моя испортится. Когда я узнала, что она распространяет против меня клевету, то, чтобы противостоять, я все написала о ней. Это увидело много людей, 800 человек прочитало, видимо, слухи пошли. Она испугалась — владыка новый, она перед ним представлялась почти святой, а за спиной совсем другое было.

— *Как вы сейчас относитесь к монашеской жизни и какие планы?*

— Стараюсь жить по-монашески, только правило свое послушническое не читаю, бросила. Теперь я сама вольна решать, что мне читать, поэтому какое-то правило себе поставила, но прежнее обязательное — нет. Работаю в церкви, послушание и так большое.

В монастырь больше не собираюсь. Были мысли, но когда я ушла, то стала в интернете много читать про монастыри, пыталась понять, что есть что. Нашла столько информации правдивой, с анализом, что происходит. Прочитала «Исповедь бывшей послушницы», которую матушка боялась, что мы прочитаем. Я знала, что такая существует, и прочла. Стала искать и нашла еще много историй, и вашу историю тоже. Читала много и поняла, что это общая беда, что идти сейчас некуда, духовников нет, либо спастись по святым отцам, либо найти батюшку, который как-то может тебя контролировать, подсказать... Вот сейчас сестры подсказывают... В соборе у нас каких-то духовных батюшек не вижу. Полностью душу уже не открываю, боюсь довериться, только грехи называю. Когда ушла оттуда, было так тяжело, чуть веру не потеряла.

— *Вам не приходила мысль обратиться за психологической помощью?*

— Нет, у меня мама была как психолог. Она меня еще раньше водила к психотерапевту, были проблемы — депрессии, потому что меня всю жизнь с детства обижали, подруг не было, очень много было предательств, и она меня от депрессии лечила. Скорей всего, вот эти разговоры с ней

и с бабушкой помогли. Мы вечером садились, и я начинала выговаривать все, что у меня наболело. Она понимала, что мне это надо, выговориться. Я отдыхала, три месяца вообще ни о чем не думала, только отдыхала, гуляла, ела, сидела в интернете.

До поступления на работу, еще из монастыря, я была оформлена по уходу за старушкой (которым больше 80 лет). Это оформляла прихожанка монастыря, которая работала в пенсионном фонде. Все сестры были оформлены по уходу за бабушками, мы денег не требовали, нам просто шел стаж, а деньги от государства шли бабушкам, и, может, какая-то выгода была этой прихожанке. Когда уже я устроилась на работу, обнаружилось, что меня еще три года назад поддельно, без моего участия оформили к еще одной неизвестной бабушке. Написали заявление от моего имени, подделали мою подпись. Не знаю, кому шли деньги за эту бабушку, сейчас я надеюсь объясниться по этому делу, что это все поддельно, я ни при чем.

— *Как вы оцениваете свой монастырский опыт в целом: жалеете ли? Это был травматичный или полезный опыт, который сделал вас сильнее?*

— Раз Господь провел через испытания, значит, это было нужно. Приобрела большую пользу для души, многое в себе поняла, изменила, увидела себя со стороны. Раньше у меня смирения не было, теперь я понимаю, что это такое. Травма психологическая, конечно, была, но духовно — считаю, что я выросла. Все, кто меня близко знал, говорят, что я стала другим человеком. Стараюсь относиться к людям с любовью, вижу, когда кому-то нужна помощь. Раньше я была избалованной, не обращала на такие вещи внимания. В сестричестве у нас взаимопомощь, мы горой друг за друга. В монастыре такого не было, там о любви никакой и речи не было. Когда я заговорила однажды, а где любовь, мне сказали, какой ты любви хочешь, даже не мечтай. Представления у людей нет, как должно быть. Тебя либо используют для чего-то, либо начинают гнать. Помочь, поговорить — нет. Такого одиночества я раньше не видела, даже когда одна жила. В миру можно с кем-то пообщаться, а там полное отчуждение.

О МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ ПОД НОВЫМИ УГЛАМИ

Эти мысли пришли мне по мотивам истории бывшей послушницы, с которой я делала интервью (см. предыдущий текст). Новые монастыри продолжают

открываться по сей день, несмотря на явный кризис и монастырской, и в целом церковной жизни — потому что их по-прежнему открывают волевым решением архиереи, потому что по-прежнему нуждаются в источниках постоянных доходов для корпорации.

Я хочу посмотреть на известные и не раз обсуждавшиеся проблемы монастырской жизни с новых точек зрения. Такой взгляд, как мне кажется, возможен на аналогичные проблемы и в общецерковном контексте.

Одна из распространенных причин психологического насилия в монастыре, и почему сложно уйти, даже когда понял, что плохо и не то, что ожидал — возникновение созависимых отношений с матушкой/батюшкой/кем-то еще в роли «хорошего родителя».

Предпринимаемые монастырским начальством шаги для привлечения трудников и насельников очень похожи на маркетинговую стратегию нескольких касаний с клиентом и создания воронки продаж.

Как из искренних молодых послушниц/послушников через 20-30 лет получают злые стяжатели и манипуляторы — с точки зрения нейрофизиологии.

Я не специалист в психологии, маркетинге и нейрофизиологии. Мой взгляд — это мысли дилетанта. Приглашаю специалистов в этих областях высказаться более профессионально. Но я хорошо знаю современную монастырскую жизнь и хотела бы разобраться в причинах ее проблем и в том, какие причины лежат в области монашеских традиций/преданий старцев/специфик духовных практик, а какие — общие для всех сегментов современного общества. Набрасываю мысли упрощенно и пунктиром.

Созависимые отношения и эмоциональное насилие в монастырях

Когда я раньше (см. текст «Самое главное — это свобода...») перечисляла причины, почему сложно уйти из монастыря, то не назвала еще одну важную и распространенную причину: развитие созависимых отношений с начальницей, духовником или кем-то еще в роли «хорошего родителя».

Думаю, очень значительная часть, или все 100% тех, кто приходят в монастыри и остаются там надолго, — это люди с травмами развития, недолюбленные в детстве невротики. Никто из них не осознает настоящих причин, толкающих их на поиски любви вообще или в чьем-то лице

конкретно. Но как только они интуитивно уловили возможность получения хоть какого-то суррогата любви — они на крючке.

Таким путем люди приходят не только в монастырь, часто и в брак. Сложно сказать, откуда легче уйти, но про семейное насилие и созависимые отношения в браке пишут давно и много. Я пишу об этом в монастырях.

Допустим, условная Маша от неофитского восторга, или неудачной личной жизни, или вещих снов задумывается, не пойти ли ей в монастырь. Она сомневается, пока речь идет об абстрактном монастыре «вообще». Потом она попадает в реальный монастырь, там реальная матушка дарит ей немного внимания, заботы, или доверяет выполнять задачи, гораздо более серьезные, чем контролирующая мама, то есть Маша чувствует, что она может что-то сама и имеет ценность. Или Маша впервые в жизни чувствует равнодушное внимание к себе, после родителей, которым не было до нее дела. Все, она на крючке.

Неважно, сама ли она это решила (нашла нужные «знамения свыше»), или кто-то авторитетный ей это благословил. Я не считаю, что любой духовник по определению прав, или любые благословения имеют магическую силу, а их нарушение магически влечет наказание. Условная Даша все эти суррогаты любви получает от духовника, который ее благословляет в монастырь — и судьба обеих может быть одинаково печальна.

Сегодня много пишут о насилии в разных сферах жизни, его разных формах, причинах и способах преодоления. Люди, становящиеся жертвами психологического или физического насилия в монастыре, принципиально не отличаются от жертв абьюза в светской жизни.

Напомню, жертвами чаще всего становятся выросшие дети, которые:

- выросли в условиях жестоких отношений в семье, воспринимают мир враждебно, привыкли быть жертвами насилия и готовы сами проявлять насилие к слабым;
- жили в условиях эмоционального отвержения или эмоциональной заброшенности, не получили достаточного тепла, в том числе и из-за того, что мамы физически не было рядом;
- легко внушаемы, не способны оценить степень опасности и уйти до того, как началось насилие;

- воспитаны в ежовых рукавицах и беспрекословном подчинении, не умеют говорить «нет», послушны, тревожны, с нечеткими внутренними границами.

Насильники и жертвы растут в одних условиях, именно поэтому они легко находят друг друга и образуют связь, как ключ и замок.

Авторы, пишущие на эту тему, видят путь решения в том, чтобы говорить о всех формах насилия открыто, много и без лишних эмоций, заниматься возвращением себе целостности, если она была разрушена пережитым в детстве, знать, как связано детство и воспроизводящееся насилие.

Я считаю созависимые отношения и связанное с ними эмоциональное насилие в монастырях не чем-то специфически монастырским, не следствием аскезы, духовных практик или древних традиций, даже дурно понятых. А частью психологических проблем всего современного соревновательного, быстро меняющегося и провоцирующего неврозы общества.

Воронка продаж как стратегия привлечения в монастырь

Самый широкий охват потенциальных «клиентов» дает просто информация о существовании, открытии нового монастыря. В церковной среде это чаще всего сарафанное радио (если новый монастырь не озаботился созданием сайтика и настройкой контекстной рекламы).

Какой-то процент от услышавших съездит хоть раз посмотреть/на службу/на праздник. Если новая матушка или батюшка — хороший «маркетолог» и «продажник», то есть неслабый манипулятор, пусть неосознанный, то из всех приехавших быстро выделит «своих клиентов» и начнет их обрабатывать: оказывать повышенное внимание, вести беседы, приглашать на трапезу, давать послушание и т.д. Чем меньше монастырь и количество приезжих, тем более индивидуальный подход: кому внимание, кому ласка, кому сразу строгость, кому послушание как для «своих», то есть допущение в условно внутренний круг.

Некая часть из однажды приехавших станет приезжать еще. Их будут продолжать окучивать. На этой ступени воронки «клиентов» разделяют на потенциальных помощников/благодетелей и потенциальных насельников. Нужны и те, и другие.

Благодетелей монастыря можно разделить на три категории:

- *спонсоры* — их ищут целенаправленно, к ним едут и их ублажают;
- *благодетели/друзья* — это жертвователи в мелком масштабе, могут купить хозяйственный инвентарь, утварь, небольшие партии нужной одежды, отдать в пользование монастыря свой огород, иногда возить на своей машине, сделать бесплатно квалифицированную работу вроде архитектурного проекта — их достаточно принять в круг условных «своих»;
- *трудники* — эти только приезжают бесплатно поработать и никакого уважения обычно не получают.

Со спонсорами отдельная история, с ними нужно много касаний, чтобы раскрутить их на крупные пожертвования. С «друзьями» и трудниками больше ничего особенного не надо, их воронка на этом заканчивается, они остаются в этом статусе.

Некоторые из трудников, реже из «друзей», проявляют готовность к более глубокому взаимодействию — тогда маркетинговая работа с ними продолжается. Чаще они не готовы прямо сразу прийти в монастырь насовсем, и через каждое новое касание их переводят на следующие ступени воронки, пока не «конвертируют в покупку». То есть сначала дают разовые послушания, потом более ответственные и продолжительные, потом настойчиво приглашают приехать в отпуск/каникулы/поработать, пока нет другой работы, потом убеждают, что «помни — твой дом здесь» и наконец дожимают, чтоб остался насовсем.

При этом «клиент», как и обычный покупатель товаров и услуг, продолжает думать, что он сам это все решает и выбирает. Как и в «большом» маркетинге, здесь точно так же ведущую роль играют эмоции — а когда эмоционально «клиент» склонился к «покупке», то дальше он сам себе придумает доказательства и резоны, почему ему это надо/это правильно/это лучший выбор.

Решающую роль во всем этом процессе играют степень осознанности и степень здоровья личных границ человека.

Можно не углубляться далеко в историю, сравнить способы привлечения насельников и помощников в монастырь сейчас и в советское время, и в дореволюционный период. В СССР действующих монастырей было мало

(женских в пределах РСФСР не было вообще, только на Украине и в Прибалтике), они были очень стеснены материально и юридически. В РИ монастырей было, наоборот, много, и большинство из них получали содержание из казны. Но в течение обоих периодов никто не занимался рекламой монастырей и монашеской жизни, не убеждал и не заставлял (в форме благословений) идти в монастырь. Наоборот, было много отказов (в советское время), по крайней мере, предостережений о трудностях и долгих отсрочек с целью самоиспытания и приготовления.

Понятно, что сегодня монастыри оказались частью ЗАО РПЦ, ее доходными предприятиями, заинтересованными в бесплатной или дешевой рабочей силе. Но и сам этот факт, и рекламные маркетинговые методы привлечения рабсилы и денег — это реалии современного рыночного соревновательного общества. Монастыри, что бы кто ни думал о них, уже не одну сотню лет являются частью общества (а не исходом из него) и подчинены его законам, сегодня — в том числе законам рынка.

Модель монастыря, сложившаяся в традиционную эпоху, — это община, отличающаяся от обычной мирской жизни, так сказать, количественно, а не качественно (меньше удовольствий и разнообразия). С началом «церковного возрождения» 30 лет назад заработала программа реконструкторства, в том числе монастырей, и реконструировали эту модель. Не удивительно, что и в новом обществе возник монастырь, живущий по законам этого общества, только «меньше». Чтобы монастырь отвечал своим христианским, духовным целям, он должен отличаться от мирской жизни качественно. Вопрос — как?

Нейрофизиология в монастырской жизни

Все аскетические требования в их современном понимании и практике негативно влияют на баланс нейрогормонов.

Нельзя хвалить и принимать похвалу (угроза тщеславия), нельзя самостоятельно ставить и достигать цели (послушание), нельзя интересоваться новым и искать приключения (потакание духу времени) — минус дофамин.

Надо полностью отсечь свою волю, считать себя хуже всех, постоянно себя укорять и терпеть унижения от других с благодарностью, просить позволения (благословения) на каждый шаг, не доверять своим мыслям и чувствам,

не иметь своего взгляда ни на что и вдобавок сильное ограничение животной пищи и сна — почти полное обрушение серотонина.

Борьба с блудной страстью во всех мыслимых и немыслимых формах, отсутствие близких и даже дружеских отношений, часто запрет на любой телесный контакт (объятия, рука или голова на чужом плече и т.п.) — почти обнуление окситоцина.

При этом регулярные выговоры, оскорбления и унижения, и постоянное ожидание их, помноженные на чувство бессилия что-то изменить и ощущение, что ничего не меняется и не изменится вечно, — непрерывный поток кортизола. В условиях своей тотальной никуданегодности и никому ненужности противостоять ему нечем.

В итоге даже самый искренний, мужественный и готовый к трудам и скорбям искатель духовной жизни через несколько лет превращается в депрессивного овоща или агрессивного невротика.

Теперь представим, что через 10-20 лет такой жизни выжившего назначают начальником нового, или не нового монастыря.

Он не понимает всей этой биологической истории, которая с ним произошла и происходит, в большинстве случаев он понятия не имеет даже об основах психологии и нейробиологии. Но он все равно подчинен их законам и нуждается в «гормонах счастья». Неизбежно он начинает использовать новые возможности своего положения, чтобы восполнить дефицит.

Чтобы сохранять свою идентичность, самоуважение или статус, он будет пользоваться теми способами, которые не оговорены в уставах, или менее порицаются. Скорее всего, он будет сохранять послушание кому положено (послушание — главная добродетель монаха), не будет интересоваться на виду новыми технологиями, открытиями и общественными дискурсами, дабы не обвинили в ереси и потворстве духу времени (главное — остаться православным идеологически). Дефицит будут восполнять:

- еда и подарки себе — источник *дофамина*;
- забота о своем здоровье (во многих монастырях визит к врачу — почти единственный легитимный путь за ворота, а также способ получить, почувствовать хоть какую-то заботу о себе), особенно

физиопроцедуры, связанные с телесным контактом — источник хоть небольшого *окситоцина*;

- для поднятия уверенности в себе, ощущения собственной значимости, контроля и спокойствия, то есть для получения *серотонина* — он будет унижать, контролировать и подчинять тех, кого начальство поручило «пасти».

Отвлекусь немного от монастырской темы. Современная церковная жизнь полна ложно понятой вульгарной аскетики с непрерывным самоукорением, печалью о гресех, самовнушениями «яко свиния лежит в калу, тако и аз греху служу» и т.п. Это крайне истощает серотонин. На мой взгляд, неизбежным следствием этого оказываются все способы любой ценой возвыситься над окружающими — чтоб его получить. При такой церковной педагогике неизбежны приходские тетеньки и бабушки, командующие «сюда не становитесь», «мужчины на причастие — вперед» и т.п. Или в монастыре: сестра, которую впоследствии назначат настоятельницей в новый монастырь, пока всего лишь старшая в швейной мастерской, педантично заставляет всех подчиненных говорить правильные слова — не «гладить», а «утюжить» и другие спецтермины швейного производства.

И такой способ получения необходимых для жизни нейромедиаторов, увы, характерен для всей церковной вертикали.

Мне представляется специфически монастырской именно эта причина проблем в современном монашестве. Аскетические правила и рекомендации, ложно понятые, выдернутые из контекста, примененные не по адресу (к людям другого образа жизни — все свв. отцы-монахи подчеркивали, что не полезно, или вредно даже читать книги, адресованные людям не твоего образа жизни), — вступили в противоречие с базовыми требованиями нейрофизиологии. Человеческий мозг и законы его работы за полторы тысячи лет не изменились, а условия жизни, в том числе источники получения нужных ресурсов, изменились радикально. Уровень стресса (и его гормон кортизол) у современного человека совсем другой, чем в традиционном обществе — пусть специалисты назовут порядок отличий. Для счастья нужен баланс, а чтобы его продумывать, пригодилось бы рассуждение — высшая из добродетелей.

ВМЕСТО БОГА — МОНАСТЫРЬ И МАТУШКА

Сестра Люк

Автор пишет под псевдонимом.

Прочитала книгу «Ахиллы» *«Христос или Кронос? Церковь или Система?»* (сборник лучших материалов проекта за первые два года существования — прим. ред.) и решилась написать. До этого момента останавливали два вопроса: «о чем писать» и «зачем». Пятнадцать лет в монастыре, а ощущения, что все тридцать или больше; вечность, лучшие годы проведены здесь. Кажется, можно так много рассказать и нужно, пусть люди знают, может, кому-то пригодится, кто-то задумается. Правда, на моей памяти редко кто прислушивается к советам «дедов», люди предпочитают наступать на свои и чужие грабли. Но вдруг... Мне же помогли статьи «Ахиллы», я почувствовала, что не одна, что еще кто-то мыслит и чувствует так же, как я, которая почти все годы в монастыре страдала от своей «нетаковости».

Можно сказать, что детство мое и юность были весьма безоблачными, обеспеченными, что, судя по рассказам друзей и прочитанным интернет-статьям, встречается не часто. Никто меня никогда дома не обижал, не ругал, меня окружала любовь, родители всегда и во всем поддерживали, уважали мое мнение, мою свободу. Семья была невоцерковленной, но верующей. В детстве каждое наше «гуляние» с одним из членов семьи заканчивалось посещением церкви и установкой неизменной свечки.

В одно из таких посещений ко мне обратилась какая-то бабушка, я не расслышала ее слов, и в то же мгновение с меня была сорвана шапочка, так как бабуля приняла меня за мальчика. Лет мне было тогда пять-шесть. С тех пор наши «гуляния» предварялись моим обязательным условием: «Гулять пойдем, а в церковь не пойдем».

Мысли о монастыре начали посещать меня лет с тринадцати, и связано это было с просмотром известного сериала «Санта-Барбара». Очень полюбилась мне героиня сериала сестра Мэри, которую сценаристы (по просьбе зрителей, которым надоела ее елейность) в одной из серий прихлопнули рекламным щитом.

Я стала мечтать о том, чтобы уехать за рубеж и стать католической монахиней. Мама была не против. Это были голодные девяностые, поэтому, по ее мнению, все равно кем, лишь бы в сытую за границу. Мысли эти приходили-уходили, я поступила в университет, началась другая жизнь. Я стала увлекаться рок-музыкой, фанатела от футбола, по примеру своих подруг занялась практикой медитации.

Несмотря на это, я продолжала оставаться домашним, послушным ребенком, не болталась ночами неизвестно где, а сидела дома, читала, рисовала или вышивала.

Надо сказать, что от восточных практик меня отвратил довольно страшный опыт, когда во время медитации я внутренним взором увидела длинную, красную трубу, которая была похожа на кишку, она двигалась, засасывала меня, и изнутри этой трубы веяло ужасом, там было зло.

Я до сих пор уверена, что Господь меня аккуратно вел к Себе, но не знаю, в монастырь ли? Как сказала одна из героинь фильма про католический монастырь: «Может быть, Господь просто призывал меня быть хорошей христианкой?» Не знаю, до недавнего времени я считала, что мое место в монастыре...

После университета я сменила два места работы. Во второй организации начальство и почти весь коллектив оказались верующими, они окормлялись у одного очень известного в городе батюшки. Надо отдать должное, на работе никто из них на меня не давил, не обращал, не делал замечаний по поводу моей модной, далеко не скромной одежды. Один лишь раз начальница пошутила про мое незнание молитвы «Отче наш», но мое тщеславие было уязвлено, и я решила найти и выучить эту молитву. Нашлась она в православном отрывном календаре на столе одной из сотрудниц.

С изучения этого календаря и началось мое воцерковление. Для меня открывался новый, огромный мир, в котором, как я поняла тогда, можно было найти ответы на все вопросы.

Год я активно воцерковлялась. Была типичным неофитом и почти сразу решила, что в скором времени уйду в монастырь, ну, а как же по-другому, ведь «только в монастыре можно по максимуму воплотить в жизнь Евангелие». Отпуск я решила провести в монастыре, о котором мне рассказывала начальница, но мой знакомый огорошил меня при очередной

встрече словами: «Ты хотела поехать в монастырь, я с Матушкой уже договорился». Так я оказалась в том монастыре, где и живу до сих пор...

Монастырь к тому времени только начал свое восстановление, это было начало 2000-х. Мои представления о монастыре расходились с тем, что я увидела. В моих розовых фантазиях рисовались кельи с белеными стенами, преклоненные перед иконами в молитве сестры, мягкий свет лампад и прочее «благорастворение воздушных». Монастырь предстал передо мной полуразрушенным, над ним нависало пасмурное, уже осеннее небо, на территории ни души, из будки, стоявшей рядом с покосившимся домишком, выскочила и залаяла облезлая собака. Мои огромные от страха глаза потом со смехом вспоминали сестры...

Часто я возвращаюсь мыслями в то время, в самое начало своего монашеского пути и пытаюсь понять, что же меня так привлекло и удержало в монастыре, который, кажется, был и есть далек от монашеского идеала, как я его себе представляла. Думаю, я нашла в монастыре то, что жаждала моя душа в период неопитства, а именно: деятельное, активное участие в церковной жизни, в стройке «светлого будущего». Храм, который я посещала в миру, предоставлял лишь возможность участия в богослужественной жизни, максимум можно было помочь почистить подсвечник или посадить цветы при входе. Мне было этого мало. Монастырь того времени походил на комсомольскую стройку. И сестры, и трудники горели желанием восстановить обитель, коллектив сложился дружный, с неформальными отношениями. До сих пор наш монастырь — это одна большая, непрерывная стройка, только глаза сестер уже давно не горят.

На «Ахилле» прочитала статью о системопоклонстве — это про нас, только в качестве бога выступает не МП, а Монастырь, с большой буквы. Ради него можно и нужно жертвовать человеческими душами, телами, Господними заповедями...

Через два месяца после моего первого визита в монастырь я спросила у старшей монахини (впоследствии игуменьи) возьмет ли она меня к себе. Получив согласие, я возвращалась домой с ощущением радости и страха, с пониманием, что обратной дороги нет (задаю себе сейчас вопрос «почему „нет“?»). Ощущение невозвратности данного слова и, как я считала, необходимость искупать свои грехи, не допускали долгие годы и мысли об уходе...

Через месяц я уволилась с работы и приехала в «обитель веры и любви» насовсем. Отвез меня папа, на прощание пообещав приехать за мной через год, когда дурость пройдет. Он ждет моего возвращения до сих пор. Начальница уговаривала остаться, обещала повышение, отвела меня к своему духовнику (у меня своего не было), который славился тем, что в монастыри никого не благословлял, но меня почему-то благословил, посмотрел и улыбнулся: «пусть попробует»...

В монастыре подвизалось всего несколько сестер во главе со старшей монахиней, назначенной восстанавливать руины. С самого начала мне было предложено оставить все свои молитвенные правила, правила поста и т.п. за порогом и выполнять только то, что установлено в обители.

Ок. В обители требовалось: вставать не очень рано, правило начиналось около семи утра, длилось около часа, после чего все отправлялись на послушания. В 12 дня по расписанию следовал обед, который почти каждый раз задерживался на час, два и более, по разным причинам, но в основном потому, что на трапезе должен был обязательно присутствовать матушкин кот, который, как мне всегда казалось, из какой-то кошачьей вредности, именно в это время исчезал из корпуса, так что приходилось его искать по всему монастырю.

Еда в монастыре всегда была вкусная и обильная, что не удивительно — при отсутствии духовной поддержки, большом количестве физической нагрузки, это было необходимо. После трапезы были опять послушания, которые заканчивались в 20.00. Затем был ужин и вечернее правило, на котором практически все от усталости не могли стоять и сидели на полу, в полусонном состоянии.

По просьбам приезжающих трудников, из снисхождения к их немощи (и к нашей радости) у нас появился завтрак. Обычно все начинающие жить в монастыре страдают от постоянного желания «есть и спать». Со временем необходимость в большом объеме пищи уходит, приходит желание вкусной еды, отсюда появляются «тайнопокупки» чипсов и Pepsi на «карманные» родительские деньги.

Еда в нашем монастыре возведена в ранг мини-божества, поэтому сестра-повар годами нещадно дрессировалась криками, поклонами, поеданием «невкусной» пищи кастрюлями. Ей напрямую было сказано Матушкой:

«Я тебя сломаю!!!» — это относилось как к приготовлению еды, так и образу мысли, и жизни вообще.

Одним из любимых занятий Матушки, особенно первые 5-6 лет, было устраивать «шмон», т.е. периодически навещать кельи сестер, склады и другие помещения и «наводить там порядок». Особенно часто «порядок» наводился на кухне. Несколько часов Матушка кричала на сестру-повара, с полок, шкафчиков вышвыривалось все на пол, билась посуда, после чего, выполнив миссию, Матушка удалялась, оставив сестер ползать по полу и устранять последствия «наведения порядка».

Вообще, насколько я помню, не проходило и дня, чтобы на всех сестер или по отдельности за что-нибудь не кричали, не ругали. Разменной монетой одно время служили «500 поклонов», которые давались направо и налево, за любую провинность, вплоть до разбитой тарелки. Поклоны можно было обменять на два часа чтения Псалтири ночью, но это было еще тяжелее — забирались драгоценные часы сна.

С появлением у сестер телефонов (чтобы не бегать в поисках друг друга, так как монастырь большой, и для упрощения контроля сестер Матушкой) ругать стали чаще, достаточно было нажать кнопку — и нужная сестра в доступе. Сестра-повар уговаривала меня терпеть эти «спасительные» крики, но однажды я сбросила звонок Матушки, вслед за чем мне было предложено собирать вещи и ехать домой.

Пораздумав, я попросила прощения. В наказание за дерзость я должна была читать весь день (с 12 дня до конца ужина) в храме Псалтирь, на каждой «Славе» делая по 100 земных поклонов. Всего за тот день у меня получилось сделать 1700 земных поклонов и еще остаться без обеда и ужина.

В другой раз я забыла закрыть дверь в парник и получила «разменные» 500 поклонов. Одна из сестер, ставшая мне близким другом и действительно сестрой, предложила разделить эти поклоны пополам. Когда об этом узнала Матушка, нам обеим дали еще по 500 поклонов. Нам пришлось делать их до 4 утра, правда, мы не торопились, а совмещали это неприятное занятие с приятным чтением книги «Дети против волшебников».

Это лишь несколько примеров практики «смирения».

Мы не всегда были послушны и не делали поклоны сразу, в итоге сестре N удалось накопить 7000 поклонов, которые она потихоньку все-таки сделала.

Сестре-повару давали поклоны тысячами, но она и была, и есть подвижница, следующая заветам святых отцов (без шуток), которая скорее не благодаря такому воспитанию, а вопреки, все еще сохранила и свою ревность к молитве, и веру в «светлое будущее». Ей даже удалось сохранить любовь к Матушке, которую она боготворила, когда пришла в монастырь, но в которой, как в духовной матери, разочаровалась довольно скоро.

Подобное разочарование настигало всех или почти всех остающихся жить в монастыре. Особенно болезненно это переживали сестры, которые были изначально обласканы Матушкой и сильно к ней привязались, вступили в близкие, доверительные отношения. Фаворитизм в нашем монастыре был всегда. Когда я пришла в монастырь, меня также пытались водрузить на пьедестал, ставили сестрам в пример, но личный контакт с Матушкой у нас не сложился.

В отличие от многих сестер, я шла именно в монастырь, к Богу, а не к Матушке, она всегда была для меня начальницей, которую я уважала и слушалась. Хотя разочарование настигло и меня, правда, это разочарование было скорее на уровне идеологии, а не на душевном уровне, как у сестер.

Может возникнуть вопрос, неужели я не видела жестокого отношения по отношению к сестрам с самого начала или этого не было. Было, и видела. В один из первых дней моего первого пребывания в обители я была свидетелем того, как Матушка сильно кричала на сестер, ругала их... даже трудно назвать за что, ведь ничего плохого они (мы, так как «косяк» был на самом деле и мой) не сделали. Дело в том, что сестрам было поручено нарисовать для детей детдома поздравительный плакат, и на нем я предложила нарисовать ангела, а внизу те самые подарки, которыми предполагалось одарить детей (верх щедрости, об отношении к внешним я скажу отдельно). Но мы оказались виноваты в том, что «не догнали» и изобразили ангела, а ведь дирекция и учителя школы относятся к вере негативно, поэтому на нас изрядно накричали и благословили ангела от подарков отрезать. Но на тот момент я посчитала этот крик нормальным (хотя совсем не привыкла к ругани, наоборот, с детства привыкла к уважительному обращению друг с другом), я объяснила это необходимостью: «Матушка учит, смиряет сестер», — все прямо по книгам, по-настоящему.

В «правильности» поведения, поступков Матушки, я, несмотря ни на какие издевательства, была уверена года три. Последней каплей был какой-то незначительный момент, самый обыкновенный громкий выговор братьям-трудникам, после которого что-то сломалось внутри меня, и мир стал другим, полностью поменялся взгляд на Матушку и на наш монастырь.

Я перестала доверять «линии партии», заняла сторону оппозиции, можно сказать, стала ее идейным оплотом и остаюсь им до сих пор, все годы совмещая это, как ни странно, с положением «правой руки, левой ноги» Матушки (наверное, в силу своего мягкого характера, мне говорили, что кроме меня нет никого, кто мог бы вынести это положение без вреда для психического здоровья).

Так как я пришла служить Богу, а не Матушке, и внутри меня была уверенность в правильности моего пути, в том, что я нахожусь на своем месте (хотя мне до сих пор не понятно, зачем Богу такой монастырь и такие мы?!), этот болезненный перелом не привел меня к уходу из обители, а вот сестры, которые боготворили Матушку, любили ее как мать, не смогли пережить разочарование и ушли.

Не могу сказать, что Матушка не любила этих сестер, но мне кажется, ее любовь требует всецелого себе подчинения, не оставляет права на какую-то свободу мысли, движения души. Как писал старец Иосиф Исихаст: душа послушника становится как бы одним целым со старцем, но... это слияние добровольно, свободно и, что важно, душа старца свята.

Я не согласна с позицией, что руководителем может быть кто угодно, лишь бы было послушание, опыт показывает обратное. Если руководитель страстен, если навязывает свою волю, то, как сейчас модно говорить, в душе послушника происходит когнитивный диссонанс, совесть начинает сначала тихо, потом все громче говорить, кричать, что что-то не в порядке, ведь заповедь Божия говорит одно, а руководитель — другое. Сначала сестра становится очень близка Матушке, начинает думать и говорить, как она, но это всегда заканчивается болью, разрывом, уходом.

Так ушла и моя дорогая сестра N. Она прожила в монастыре почти 13 лет. Объяснение тому, почему она не ушла раньше, почему не ушла до сих пор я и насколько вообще сложно уйти, можно найти в статье Монахини

L. «Инвалиды духовной войны» (великолепный, правдивый анализ современного монашеского жития).

Отдельное слово надо сказать о молитве в монастыре, о том, что вроде как считается основой монашеского жития — о духовной жизни. В первый же год моего пребывания в монастыре я заметила, что мне катастрофически не хватает и личной молитвы, и богослужений. В миру я привыкла читать утренние и вечерние молитвы, посещать воскресные всенощные и все праздничные литургии (с работы отпускали), привыкла читать много книг (и духовную литературу, и художественную классику), без которых я не представляла своего существования. В монастыре же богослужения ограничивались утренней и вечерней вычиткой правила, что в сумме составляло около двух часов (такой устав молитвы у нас все 15 лет, никакого развития).

Литургии раз в месяц служил приезжавший из центра священник, на которого Матушка однажды накатала бумагу священноначалию за излишний, по ее мнению, либерализм (потенциально опасный для нее, подстраховалась, так сказать), после чего этот священник к нам ездить перестал, что жаль, мы восхищались его свободой мысли, образованностью, умением выслушать и поддержать.

Через год литургии стали еженедельными, но служились без всенощных на протяжении лет десяти (штатного священника не было много лет, все приписные). Последние лет пять у нас две литургии в неделю, одна всенощная, и все те же два часа вычитки. Это голая математика. Что за всем этим скрывается? Можно привести слова одной из сестер-трудниц, много лет приезжавшей к нам в монастырь: «Меня всегда поражало и огорчало... отсутствие Бога в монастыре».

Бог всегда с нами, а вот мы далеко не всегда с Ним. Это трудно представить и понять. Но Бог никогда не был центром нашей жизни. С самого начала и до сих пор «нашим всем» является Монастырь. Все разговоры за трапезой (духовное чтение за трапезой у нас появлялось только пять лет назад, по благословению свыше) сводились к «разбору полетов», обсуждению насущных дел и иногда политике. Никогда Матушка не говорила с нами о духовном, о Боге.

У нас было не принято молиться перед началом дела, вообще молитва, обращение к Богу, к Богородице, к святым не ставились во главу угла. Сам по себе труд, пребывание в монастыре считались спасительными, самодостаточными. «Вы отрабатываете свои грехи», — часто говорила Матушка. А труд в монастыре всегда был тяжел. Такие «классические» монастырские послушания, как выпечка просфор, вышивание, шитье, иконопись и др., не привились в нашем монастыре. Любые творческие начинания рассматривались как хобби, которым надо было уделять вечернее, свободное от послушаний время.

Таскать тяжести, копать землю, раскидывать гравий, сбивать старую штукатурку, косить траву, убирать снег, разной степени тяжести физический труд — это было основное наше «делание».

Хорошо запомнились некоторые трудовые подвиги. Например, когда мы зимой более 6 часов разгружали шаланду, полную строительных материалов (кафельная плитка, штукатурная сетка, направляющие для гипрока и др), после чего мы поужинали около 23 часов, и на следующий день нам не дали ни часа лишнего на отдых.

Первые лет восемь у нас не было никаких выходных, даже по воскресеньям и двенадцатым праздникам мы работали. На сегодняшний день мы имеем полдня в неделю, но этого для восстановления сил реально мало, с учетом количества трудовых часов и уже слабого здоровья.

Сейчас, слава Богу, помогают братья-трудники, но умственный труд и творческий до сих пор отсутствуют. Согласно прп. Серафиму Саровскому (и другим отцам), такой труд должен способствовать очищению ума, что, в свою очередь, способствует водворению там молитвы. Но откуда возьмется в уме молитва? Если об этом не говорится, если не прививается навык к молитве через богослужение, через келейную, личную молитву, если мы не дышим, не живем общением с Богом, если наш ум не направляется к небу, а все время вынужден ползать по земле? Сам по себе труд никакой молитвы не рождает! К чему приводит труд (поначалу был 12-часовой, сейчас 10-часовой) — так это к отупению, к отсутствию сил и желания молитвы, к желанию физического расслабления, снятия напряжения, иногда посредством спиртного, сигарет, просто чего-нибудь вкусенького, но никак не к поиску Бога.

Женщину физический труд, как я могу наблюдать, делает более грубой и жестокой, а в сочетании с общим разочарованием в монашестве — еще и циничной. Если говорить о келейной молитве, то каждая сестра молилась как хотела и умела, или не молилась вообще, что было гораздо чаще. Это прозвучит грубо, но думаю, сестры подписались бы под моими словами: Матушке было наплевать на нашу жизнь, на то как, чем мы живем, как молимся, что читаем и молимся, читаем ли вообще. Она никогда не интересовалась, не спрашивала об этом.

Как-то она сказала, что сестры сами должны подходить и спрашивать, но для этого хотя бы надо знать, о чем спрашивать! Я пришла в монастырь через год после того, как воцерковилась, да сестры и в основном приходили духовно неграмотные, делали первые шаги.

Для меня примером жизни были сестры и сама Матушка (пока я не стала больше читать и узнавать), я считала, что вот так и надо жить в монастыре: трудиться, смиряться и НЕ молиться, хотя душа чувствовала голод, помню, как я плакала первое время от отсутствия духовной пищи... а потом привыкла.

За первый год в монастыре я не прочитала ни одной (!) книги. Библиотека была большая, но когда я спросила благословения почитать пару книг, мне было сказано «рано, незачем», и я отстала.

Через год я написала Матушке в записке, что, не молясь и не читая, я стала чувствовать свою деградацию как личности. Это вызвало... смех (правда, добродушный), никаких слов поддержки, объяснений моего состояния не последовало. Прав был о. Петр Мещеринов, когда писал, что в современном монастыре «спасение утопающего — дело рук самого утопающего».

Через пару лет меня и сестру N постригли в иночество, вот таких — неграмотных, немолитвенных, ничего толком о монашестве не знающих. Сестра N думала, что после пострига она изменится, но, конечно, никакого чуда не произошло. Да, благодать была (если это была благодать), мы «сияли», на душе было светло, радостно. Но все-таки к постригу надо подходить уже подготовленным, крепко стоящим на ногах, не ждать, что после пострига ты вдруг захочешь молиться, поститься и всячески

подвизаться, если никогда не хотел и не умел. Постриг не сделает тебя более кротким, послушным, если ты был горд, то таким и останешься, велика вероятность, что станешь еще хуже (о чем пишет и свт. Игнатий Брянчанинов).

Я же ничего такого не думала, никаких изменений не ждала, так как в то время еще считала, что все «правильно». И я, и сестра N были творческого склада, мы чувствовали необходимость самореализации. Сестра N нашла отдушину в писательской деятельности, она всегда носила с собой блокнот, где записывала свои стихи, прозу, писала сценарии к нашим спектаклям и фильмам, которые мы ставили вместе с девушками-трудницами.

Матушке с одной стороны нравились наши представления, мы всегда готовили что-нибудь к Рождеству, Пасхе, именинам Матушки (и это не было обычными «розовыми слюнями» на тему православия), а с другой — ее напрягало, что сестра N пользуется такой любовью девчонок, к дружбе внутри монастыря у Матушки было негативное отношение. Дружба высмеивалась, за нее ругали.

Если почитать святых отцов, то Матушка вроде как получается во многом права, а даже если не права, то мы, как монахи и христиане в целом, должны терпеть, смиряться и т.д. и т.п. — и духовный плод не заставит себя ждать, в любом случае нашими страданиями мы преумножаем наше богатство на Небесах. Я не знаю, что там на Небесах, но на земле я не вижу плодов. Скорее вопреки, а не благодаря, человеку в монастыре удастся сохранить... человечность.

И я не буду обвинять святых отцов и подвижников современности, мне кажется, что зачастую, как в нашем случае, от них взята только буква, но не дух, мы их просто не понимаем, извращаем, пропускаем через свою страстную природу и пожинаем гнилые плоды. Как писал К.С. Льюис в своем трактате «Любовь», главной составляющей любви является милосердие, а без этого любой вид любви (привязанность, дружба, влюбленность) будет неполноценным, любая «любовь» впадает в крайности без милосердия. Это мы и наблюдаем все эти годы.

Стоит вспомнить хотя бы отношение к бомжам, которые приходили просить поесть — нас учили их чуть ли не ненавидеть; или к трудникам, которые

по определению были нам всегда «должны» — к ним относились чуть ли не как к рабам, часто грубо, по-хамски обращались, а если трудники начинали ездить в другие монастыри — их считали предателями.

Предатель — это вообще любая сестра, трудник или трудница, которые что-то делают не для нашего Монастыря или уходят из него. «Не нам, так хоть нашим», как говорил знакомый батюшка — это не про нас...

Эту человечность очень трудно сохранить, не поддаваться влиянию Матушки, не давать себя натравливать на кого-либо, настраивать против сестры или трудников. Например, когда я болела около трех недель (лежала с высокой температурой, которая не снижалась), всем в монастыре внушалось, что я симулирую, так как просто не хочу работать. Мне не давали лекарств. Только когда я сама позвонила врачу, выдали нужные антибиотики, и мне стало легче на следующий же день.

Никому и в голову не пришло пригласить ко мне батюшку, чтобы причастить, а на службу не пускали. Вообще, в монастыре болеть — себе дороже. Уйти «болеть» можно только при повышенной температуре (около 38 и выше), при этом еще будет присутствовать комплекс вины, ведь болезнь в монастыре — чуть ли не преступление, предательство монастыря, ну и, наверное, самой Матушки лично, так как она очень негативно к этому относится. Чтобы выпросить нужные лекарства, надо набраться смелости — выдержать предстоящий выброс в твою сторону недовольства и обвинений.

По-настоящему болеет у нас только Матушка, остальные — симулянты. Надо сказать, что не только лекарства выпросить трудно. Иногда проще ходить в дырявой и мокрой обуви, чем попросить новую. Новой обуви и одежды, естественно, в монастыре мало, в основном жертвуют старое, в этом старом еще нужно найти нужный размер, что тоже не всегда получается. Однажды мне пришлось четыре раза (!) перемерять всю обувь на складе (стеллаж в несколько полок), один раз в присутствии Матушки, но так и не удалось доказать, что нужного размера нет, и что кроме как в резиновых сапогах мне ходить летом не в чем.

Обувь мне так и не приобрели, и закрыли глаза на новые туфли — пришлось попросить родственников купить, которые сами далеко не богаты. Другим сестрам приходилось бороться за прокладки, нижнее белье, поездки

к врачам и т.д., и часто все это в итоге также оплачивалось родственниками, обычно тайно, так как за «подарки» нам тоже влетало.

И такие истории случались очень часто, из-за чего появился страх, мы боимся подойти что-либо спросить у Матушки, попросить. И за этими отказами мы видим лишь жадность или зависть и все то же отсутствие любви. Как сказала одна из сестер: «у нас нет послушания, у нас есть страх».

Страх, чувство вины, а также недоверие друг другу, так как любая твоя неосторожная фраза или действие (вольно или невольно) могут стать известными Матушке и иметь последствия. Я как-то сравнила это с боксом, когда ты постоянно ожидаешь удара соперника, находишься в постоянном напряжении.

Сама Матушка не купается в роскоши, отказывает себе во многом, болеет «на ногах», но не отказывается от подарков, той же обуви, дорогих лекарств, косметики и своей пенсии. «Купила на свои деньги» (например, дачу), «у меня же есть пенсия» — как часто мы слышим эти слова. То есть она, будучи монахиней, может иметь личные деньги, а мы слышим — «вы же монахи».

Получать деньги за проделанную когда-то работу можно, а за ту, что мы делаем сейчас — почему-то нельзя. Со временем у меня поменялось отношение к понятию «нестяжания» — оно, как и понятие послушания, очень расплывчатое, установить его границы самому почти невозможно, а в свете наблюдаемого вокруг (роскошь архиереев-монахов, зарплаты священников-монахов, пенсии, от которых никто не собирается воздерживаться) я позволила себе пользоваться «карманными» деньгами, если мне их дают родственники или друзья. Правда, потратить я их могу только на что-то незначительное, незаметное для Матушки, например, чипсы-пепси — «велие утешение братии», или на предметы личной гигиены.

«Инвалиды духовной войны»... Только недавно я перестала внутренне осуждать Матушку за нашу «инвалидность». Я стараюсь трезво оценивать и реагировать на ее поступки. Она такой же «инвалид». Она также была восторженным неофитом, также попала в «рабочий» монастырь, под воспитание (хоть и недолгое) жесткой настоятельницы, ничего другого она не знала, не видела, плюс наложилось советское воспитание, почитание Сталина, детская и женская «недолюбленность», необходимость самой

заботиться о себе, скорое получение начальственной должности в Церкви, без должного духовного опыта, и на выходе мы имеем то, что имеем.

На обычной дороге тоже случаются аварии, несчастные случаи, когда водитель невольно становится виновником инвалидности пешехода или другого водителя. Но если не хватает знания правил дорожного движения или у человека проблемы со зрением или с головой, может, все-таки не стоит садиться за руль, как не стоит рваться и к власти над людьми?

Властолюбие и любовь не совместимы. К этому «неосуждению» (относительному, конечно) прийти было очень тяжело. Я прошла через ненависть, презрение, внутреннее отторжение. Не знаю, может быть, и сестра N пришла бы со временем к состоянию принятия Матушки, монастыря, но она ушла. Последний год ее пребывания был особенно насыщен конфликтами с Матушкой, в этот период слишком часто Матушка давала нам повод не уважать ее. Особенно тяжело мы переносили случаи злоупотребления алкоголем, и вдвойне тяжелее было, когда этому ее состоянию были свидетелями прихожане и трудники.

Ощущение полной своей беспомощности вызывало злость. Злило, когда приходилось долго выслушивать неразборчивые слова по телефону, отвечать на глупые вопросы, которые могли быть заданы посреди ночи. Трудно сохранить уважение к человеку, способному в пьяном виде пнуть сестру в пятую точку (когда та делала земные поклоны), и отправить ее, таким образом, носом в землю. Трудно видеть в таком человеке проводника Божьей воли, чего так требуют святые отцы и современные проповедники абсолютного послушания.

Правда, у меня была попытка следования святым отцам, попытка полностью довериться Матушке, в смысле полного оправдания ее поступков, и все это — в сочетании с усиленной молитвой (с чтением пятисотницы и т.п.), ранним подъемом, молчанием и т.д. Я очень болезненно переносила наше немонашеское житие с полным отсутствием Бога в нашей жизни, которая, как я считала, проходила впустую, бессмысленно, зашла в тупик. Посоветоваться мне было не с кем, духовника у нас не было (и нет до сих пор), поэтому я решила сделать из себя монаха, руководствуясь книгами. Не сложно догадаться, что такая моя ревность не по разуму привела к излишнему сближению с настоятельницей, принятию ее взгляда на мир,

доносительству, немилосердию, к разрыву с сестрой N и другими «нерадивыми» сестрами, а проще говоря, к прелести.

Конец моему безумию положил уход сестры N, а также некоторые поступки Матушки, предварявшие ее уход. Я словно протрезвела, особенно после того, как Матушка обвинила в уходе всех присутствующих и отсутствующих, и саму сестру N, а сама осталась ни при чем. Обвинения, естественно, носили весьма резкий характер.

Я очень тяжело переносила уход сестры N, жизнь в монастыре продолжала оставаться для меня бессмысленной, я перестала верить в то, что нахожусь на своем месте. Я оставалась самой собой, а это значило, что я была, может быть, вполне хорошим и милым человеком, но уже не чувствовала, что гожусь в монахи. И я решила уйти из монастыря. Так получилось, что в это же время я подружилась с одним из трудников обители, и мы решили пожениться.

Историю я эту подробно описывать не буду. О моем намерении узнал владыка. Я взяла тайм-аут на раздумья. Меня страшил мир. Уже много лет я жила в монастыре, пусть он и не соответствовал моему идеалу (который у меня все-таки был), но так страшно выйти из «зоны комфорта». У меня уже был какой-никакой статус, уважение, любовь сестер, в монастыре в смысле бытовом стало за последние пять лет вполне прилично. Но разве это повод оставаться, не честнее ли уйти, не строить из себя того, кем ты не являешься и вряд ли будешь? Я мучилась несколько месяцев. Точку поставили слова владыки, сказанные при встрече: «старец такой-то сказал, что воли Божией на твой уход нет». Как камень с души свалился.

Сейчас я не могу сказать, что это было? Действительно воля Божия или я просто была рада переложить ответственность на другого и остаться в своей привычной роли, ничего не меняя, не ломая свой мир? Я осталась. Под влиянием окружения, под влиянием новых сильнейших переломов в моей жизни уже через полгода я приняла монашеский постриг. Сейчас, спустя несколько лет, я понимаю, что это была ошибка, очередная ошибка. Еще бóльшая, чем иноческий постриг, который позволял мне быть иной, но не возлагал тех обязательств пред Богом и людьми, которые лежат на мне сейчас.

После монашеского пострига я пыталась (опять) сделать из себя монаха, так, как пишут об этом святые отцы, но, может, все же в силу своей негодности или в силу отсутствия какой-либо помощи внутри монастыря (как и сестра N, в этот раз я надеялась на перемены внутри себя и в монастыре, а это глупо) у меня опять не получилось. Я пережила сильнейший кризис веры, которая, казалось бы, покинула меня. Я винила Бога во всех своих проблемах, во всем.

Сейчас я стала другой. Наверное, можно сказать, я примирилась с собой, такой, какая я есть, с Богом, с тем, что Он дает или не дает мне. Недавно я прочитала на «Ахилле» слова одного автора, женщины: «я знаю людей, которые примирились с собой и с Богом вроде бы странным образом — просто перестали ждать от Него ответа. Проживая скорби без утешения словами молитв и обещания вечной награды. Они перестали искать везде Его Промысел, десницу, присутствие. И нашли мир и покой, потому что теперь Его не надо выслеживать повсюду, ломать голову над тем, что Ему угодно, а что нет — для решений они используют подсказки разума, силу воли, прислушиваются к своему сердцу и совести».

Да, я просто теперь живу. Сейчас я на многое смотрю проще, шире. Я могла бы уйти в мир, монашество бы не остановило меня. Но, к сожалению, в меня, прожившую столько лет в монастыре, слишком вбито восприятие всего мирского, как ненужного, не ценного. Ценным по определению считается только духовное, только молитва, а все остальное ей мешает, а все что мешает, надо отсекают. Плюс во мне все еще жив страх: нам часто внушалось, что если кто вздумает уйти, то обязательно с ним или его родственниками случится что-нибудь ужасное.

Переломить все это в себе довольно сложно, и получается, что духовной жизнью я заниматься не в состоянии, а все остальное для меня не имеет ценности и, занимаясь этим (будь то чтение недуховной литературы, любое творчество, работа вне Церкви), я чувствую внутренний дискомфорт, неудовлетворенность, плюс страх. Да и если здраво рассудить, то слишком сложно уже начинать новую жизнь, когда тебе почти 40. Да, есть жилье, но профессиональных навыков никаких, молодость и здоровье закопаны в монастыре, в миру мне грозит начинать с самых низов, с той же уборки снега, например, без реальной возможности роста. Все то же, что и в монастыре.

Когда уходила сестра N, ей было еще не так много лет, она хотела «послужить человечеству», думала, что ее силы больше пригодятся в миру, чем в монастыре. Тем более, что Матушка часто укоряла нас, говоря, что мы совсем не знаем жизни, у нас нет опыта, что мы никогда не работали (и это при нашей-то жизни в монастыре!). И это тоже послужило поводом к уходу сестры N. Она помыкалась в миру, долго приходила в себя, долго адаптировалась (ведь ушла в монастырь совсем юной девушкой), участвовала волонтером в спасательных операциях, недавно вышла замуж и спасать мир уже не рвется, счастлива жить спокойной жизнью. Некоторые другие ушедшие сестры также вышли замуж или перешли в другие монастыри.

Если спросить меня об отношении к Церкви (РПЦ) в целом, то мне высказаться будет сложно. Долгое время мы оставались изолированы от внешнего мира. Интернет (у сестер, конечно, нелегальный) появился относительно недавно, у Матушки — намного раньше (это тоже к разговору о том, кому что можно и нельзя; нас всегда укоряют за любые вылазки в сеть, а Матушке смотреть кино и сидеть, например, Вконтакте и на политических сайтах можно). Матушка почти ничего нам не говорила о том, что происходит с нашей Церковью, чем она живет, мы замкнулись внутри Монастыря и его проблем. Иногда Матушка говорила о том, что происходит в мире, о политике, этих разговоров я пыталась избегать. Годами я чувствовала нас брошенными, никому не нужными, будто отрезанными от общего Тела Церкви. За 10 лет архиерей у нас был три раза пробегом.

Тогда я еще не знала, что все посещения владыки оплачиваются, и немалыми деньгами, правда, монастырь у нас и был, и есть совсем небогатый, «спонсоров» никогда не было, денег только-только хватало на ремонт, оплату счетов и хоть какую-то новую стройку, может, поэтому архиерей нас и не жаловал.

Местная администрация в лучшем случае не мешала, а иногда активно ставила палки в колеса, так что говорить о конкретно нашей «симфонии» с властью я не могу. Государство восстановило несколько зданий, но не потому, что мы православные, а потому, что здания — памятники.

После деления епархии владыка стал бывать чаще, сначала мы воспринимали его визиты как праздник, хоть и изрядно уставали, готовясь к его приезду, но уже пару лет я воспринимаю его приезд как

«гастроли», для очередного сбора дани. Знакомые батюшки и Матушка стараются владыке на глаза не показываться, а если все-таки вынуждает необходимость вылезать из своего угла и участвовать в «праздничных» мероприятиях, то тяжело видеть выражения лиц, глаз клириков, в которых читается лишь напряжение и страх.

Но не такое ли выражение и у меня, ведь монастырь — это система в системе, и болезни одинаковые: в монастыре так же насаждается страх перед властью имущим, от которого ты зависишь; никакой диалог не возможен, ты должен мыслить только в одном «благословленном» направлении, твое мнение, предложения, проблемы не интересуют; начальник по определению всегда прав, а если ты с чем-то не согласен, то ты оппозиционер, не монах и вообще «болящий»; а писать письма священноначалию оказывается бесполезно, проблемы никому не нужны, они игнорируются и вообще, сказано же, «начальник всегда прав!».

Штатный священник в наши дела не вмешивается, но хотя бы выслушивает. Одно время я осуждала его за, казалось бы, полное безразличие и к нам, и, главное, к прихожанам (ладно мы, но ведь он же пастырь). У нас никогда не было полноценного прихода, люди просто собираются, причащаются и расходятся по домам, а так хотелось объединить людей не только в рамках богослужения, но и вне его. Потом я поняла, что это было бы тоже невозможно, потому что прихожане тоже НАШИ, и с батюшкой их делить не будут, ведь, не дай Бог, прихожане начнут помогать ему, а не Монастырю. Думаю, батюшка это просто понял, как и многое другое. Соответственно, никакой просветительской, социальной работы не было и нет.

Сейчас у сестер отношения с Матушкой и друг другом разной степени напряженности. Мы все меняемся, взрослеем, стареем, учимся сосуществовать друг с другом. Кто-то понял, что надеяться на какие-то перемены бессмысленно и лучше просто молчать, со всем соглашаться, смеяться, когда надо смеяться, сочувствовать Матушке, когда надо сочувствовать, независимо от того, весело тебе или грустно, интересно, о чем говорит Матушка или нет, все равно делать перед начальством «лихой и придурковатый вид», а про себя думать, что хочется.

Ко всему этому примешан зачастую страх, усталость, ощущение бессмысленности существования, а иногда и суицидальные помыслы. Кто-то еще надеется на диалог и понимание, обычно это недавно пришедшие

сестры, они пытаются высказываться, получают за это, конфликтуют с Матушкой, рано или поздно это заканчивается или уходом сестры, или она принимает правила игры. С годами «трэша» в монастыре стало поменьше, меньше крика и самодурства, может, это Матушка изменилась в лучшую сторону или постарела, а может, она частично достигла, чего хотела: мы ли где-то прогнулись в нужную сторону, или по-настоящему в чем-то смирились, Бог знает.

Несмотря на всю описываемую мрачность, могу сказать, что за все годы, прожитые здесь, помню достаточно радостных и ярких моментов, встреч с удивительными людьми, за которые я могла бы благодарить Бога. Если меня спрашивают, поступать ли в монастырь или нет, то я просто рассказываю о своей жизни и предоставляю человеку делать выводы, взвешивать свои силы, свое желание. Остаться человеком и даже быть монахом, по-настоящему отрекшимся от мира и от себя, в монастыре можно, но, думаю, это могут единицы — монахи от природы, с крепким стержнем и трезвым умом, остальных же просто ломают («смирят»), превратят в инфантильных, безынициативных, управляемых страхом рабов, или в апатичных циников, или просто живущих («работающих монахами»), со своими «утешениями» и т.д., — вариантов много, но все это будут монахи лишь по внешнему виду.

Сестра-повар говорит, что мы — монахи последних времен, для которых предназначен путь спасения скорбями (отсутствие руководства, обмирщение, душевные метания и т.д.), а не подвигами. Что ж, кто в это верит и готов — дерзайте.

СВОБОДА ВМЕСТО МОНАСТЫРЯ И МАТУШКИ

Как уходят из монастырей? Наверное, по-разному. Я ушла так же, как когда-то и пришла в него: быстро, спокойно, не оглядываясь, обрубив память и жалость. До сих пор не отпускает ощущение данного мне второго шанса, ведь однажды я уже пыталась уйти, но не смогла, была еще не готова идейно, психологически, не готова взять на себя ответственность за свои действия. И если сначала я была шокирована отказом знакомого священника (которому безмерно доверяла) помочь мне в решении одного важного вопроса, от которого, можно сказать, зависел мой уход, то теперь я благодарна Богу за то, что Он лишил меня этих и других костылей:

поддержки, советов, благословений, оставил один на один со своими совестью, разумом и сердцем. Как и героиня фильма «История монахини» — сестра Люк, я не захотела врать Богу. И не захотела, чтобы врал мне, отказалась жить в окружающей лжи, в иллюзии монастыря, в отношениях, как мне кажется, далеких от христианства. И пусть лучше поздно, спустя 15 лет сомнений и колебаний, чем никогда...

Новая жизнь, и будто не было старой. Все, что было, как сон... Конечно, поначалу бывала как маугли: в магазинах, в транспорте, не знала, куда жетон кидать в метро. Но мне повезло: родные и друзья меня поддерживали, помогли начать жизнь с чистого листа, устроиться на работу, поделились одеждой, на первое время помогли с деньгами. Найти работу самой оказалось невозможно, на мое резюме ни разу не откликнулись, хотя мне еще до ухода говорили, что с моим опытом и знаниями у меня не будет проблем с трудоустройством в миру. Оказалось, что даже по знакомству берут с трудом, опасаясь православности мозга и ожидая, что я скоро сбегу обратно в монастырь.

Сейчас я чувствую себя достаточно комфортно, гармонично с внешним миром. До сих пор кайфую от ощущения свободы, отсутствия постоянного контроля, ожидания выброса негатива. Я не слышу голоса Матушки, не вижу ее глаз, я больше не должна испытывать страх. Это круто, непередаваемо, хожу и радуюсь. Еду в метро, люди чем-то загружены, мрачные, а я улыбаюсь, как дурочка. Меня радует даже то, что у меня в кошельке пара тысяч на все, а до зарплаты еще далеко. Радует, что я ем без всякого режима и далеко не так вкусно и разнообразно, как в монастыре. Оливье и другие разносолы теперь у меня только по праздникам, а не каждый день, как раньше. Радует, что я младшая на работе и все вокруг опытнее и главнее меня. Мне не воздается уважение и почет, которого я не заслуживаю, как было раньше. Радуюсь, что могу реально заботиться о близких, дарить им свою любовь. Эта любовь и забота не аморфны и теоретичны, как в монастыре.

Если говорить о духовной жизни, молитве, то нельзя сказать, что ее не стало, так как, похоже, ее и не было раньше. Стоило убрать внешний антураж, условия, вроде принудительного посещения богослужений, режима, как стало понятно, что внутренне и не чувствуется необходимость во всем этом духовном, нет тяги к посещению храма (скорее наоборот), к причастию, хотя

понимаю, что надо бы. Я помню о Боге, кратко молюсь, почти всегда — то ли по инерции, то ли по необходимости сердца. Иногда бываю на службе, и не оставляет ощущение себя, как чужой, и всего происходящего, как чужого и какого-то дикого, несовременного, не отвечающего запросам человека, по крайней мере, того, который уже давно в церкви, мне этого всего то ли мало, то ли уже не надо.

Один раз «повезло» застать проповедь после Евангелия (обычно я уходила со службы раньше окончания и проповеди не слушала). Деваться было некуда и пришлось выслушать длинную речь, наполненную штампами. Да еще с явно заказной темой о послушании властям и принятия всего, как воли Божией. Для кого это говорилось? Как можно этим зажечь людей или вызвать покаяние? После услышанной «проповеди» я вышла из храма вдохнуть свежего воздуха. Услышанное и почувствованное явно не вызвало желания повторно посетить этот храм, да и другой тоже.

Надо сказать, что следом за мной ушли еще несколько монахинь, для малочисленного монастыря это была значительная потеря, но, как всегда, священноначалие закрыло глаза и на это событие. Никто не стал выяснять причины наших уходов, никто не стал спрашивать нас, никуда не вызвали игуменью. «В Багдаде все спокойно!», никому не нужны лишние проблемы и «начальник всегда прав!». Поэтому наказана я: за самочинный уход (не прошло и месяца, как я уехала) отчислена из монастыря и лишена причастия на пять лет. Об этом мне никто из руководящих не сообщил, узнала из третьих рук. Странно, ведь даже в светском суде обвиняемый присутствует на слушании, имеет возможность последнего слова, а тут — без суда и следствия...

Говорят, что в тяжелых обстоятельствах жизни проверяются люди. В ходе этой проверки я лишь укрепилась в желании никогда больше не иметь ничего общего с этими людьми, которые могут разговаривать и вести дела только с позиции силы. Я не испытываю к ним негативных чувств, я только не устаю удивляться, удивляться и удивляться — отсутствию элементарной человечности, милосердия, желания понять и помочь... Мне их жаль.

Возможно, я пишу сейчас более сдержанно и сжато, чем первую «исповедь», но ее я писала еще в монастыре, на волне чувств, переживаний, сомнений, на одном дыхании. Сейчас я живу новой жизнью и возвращаться мыслями к прежнему, пережитому и оставленному мне оказалось тяжело и, думаю,

не полезно. Мне многое было дорого из того, что осталось позади, многое было слишком тяжелым и грустным, и теревить свое сердце воспоминаниями сейчас не хочу.

Говорить же о последствиях моего ухода еще рано, прошло слишком мало времени. Пока же мне не легко, но снова интересно жить, мне хочется любить, творить... Это такое чудесное и давно забытое чувство...

Я НЕ ЖАЛЕЮ О ТОМ, ЧТО УШЛА

Текст написан спустя год после предыдущего текста.

Еще пару месяцев назад я набросала письмо с моими размышлениями по итогам прожитого года в миру после ухода из монастыря, но... так и не отправила. А недавно увидела на «Ахилле» пост с моими первыми публикациями и подумала: почему бы и нет, пусть мое новое письмо написано не на волне эмоций, переживаний, боли, может, оно не так цепляет и заставляет переживать, но... это я сейчас. И возможно, эти новые заметки помогут определиться с выбором кому-то из «стоящих на пороге» и немного развеют туман и неопределенность вероятного будущего в миру.

Мой опыт — это, конечно, только мой опыт. У каждого свои обстоятельства жизни в монастыре и в миру, свой характер и т.п. Но на основе своего опыта могу сказать, что монаху, у которого нет в миру родственников или квартиры, нет друзей, связей, «первоначального капитала», а также упертости и невероятной решимости во что бы то ни стало уйти и устроиться в миру, и который довольно долго прожил в монастыре, — трудно удержаться и не сбежать обратно за монастырские стены, за которыми будет привычный и на самом деле вполне комфортный, сытный мир. Монастыри, конечно, отличаются в материальном плане, но, например, даже самый захудалый монастырь, который я знаю, может позволить себе ставить на стол продукты, которые я сейчас не могу себе позволить купить.

И дело даже не в том, что ты будешь там сладко есть и мягко спать, а в том, что не нужно брать на себя ответственность, за тебя все решат, тебя накормят, за все заплатят, не нужно бояться завтрашнего дня. Да, теоретически когда-нибудь, может быть, наступят времена, когда снова начнут скидывать колокола и выгонять из монастырей, но, по собственным ощущениям и рассказам других сестер, в стенах обители человек и правда

чувствует себя, как у Христа за пазухой, в любом случае меньше переживает за свое будущее. Как бы я скептически ни относилась к священноначалию, но была уверена (может быть, ложно), что в случае чего о нас позаботятся, потому что мы хоть и мелкие птички, но все равно в системе.

Поэтому первое, с чем я столкнулась после ухода, — это одновременно и пьянящее чувство свободы, и ощущение незащищенности, понимания необходимости заботиться о себе самой. Даже если у тебя есть родственники, любимый человек, решимость и деньги на первое время (что было у меня), все равно это довольно тяжело — решать все самому, когда привык к многолетнему послушанию, привык спрашивать благословения на каждое действие. Принимать решения мне пришлось в мире, который я почти не знала, не имела опыта жизни в нем, опыта общения и работы. Я более 10 лет провела в монастыре, ушла туда почти сразу после универа, оторвавшись от маминой юбки. За это время мир сильно изменился, затруднения меня ждали на каждом углу: начиная с выбора одежды и заканчивая проездом в транспорте. Я чувствовала себя маугли в городе, казалось, что все вокруг замечают мою странность и неуверенность.

Почти сразу я начала поиски работы, но на мои резюме в интернете или не откликались, или поступали неприемлемые предложения от сомнительных компаний (и да, надо еще научиться не попадать на шарлатанов). В итоге работу мне помогли найти друзья, порекомендовали, хотя советовали не торопиться, набраться сил после монастыря, осмотреться.

Собеседования, на которые я ходила, тоже были весьма мучительным процессом. Для человека, прожившего многие годы в монастыре, впитавшего в себя манеру принятого в этой среде общения, с принудительно заниженной самооценкой, реально иным взглядом на жизнь и мир, и вынужденного почти всегда мямлить, что «опыта не имею, но...» (а сейчас даже уборщица зачастую требуется с опытом), собеседование — это и пытка, и унижение. Дискомфорт будет ощущать и простой монах, и бывший казначей, так как во многих въелась привычка ощущать себя «не такими, как другие люди», видеть подобострастное отношение к себе прихожан и духовных чад. В миру уже не спрятаться за статус и красивые черные одежды.

Плюс ко всему — чем больше возраст «бывшего», тем сложнее устроиться, а знания, приобретенные в монастыре, зачастую специфичны и мало пригодны в миру. Я попробовала зарабатывать, используя свои навыки, но церковный рынок переполнен и покупателя найти трудно, так что теперь это просто мое хобби, а не заработок. По поводу работы «при церкви» ничего сказать не смогу, попыток прибиться к какому-нибудь храму не предпринимала, не было ни мысли, ни желания.

За этот год на мирской работе я сделала неутешительные выводы о том, что найти вменяемого начальника довольно сложно, что и уважаемые мирские организации бывают похожи на тоталитарные секты (то бишь и на наши некоторые монастыри), что в большинстве случаев из работника хотят выжать максимум, а заплатить минимум.

Через пару месяцев на первой моей работе я поняла, что не в силах потянуть конвейер по 12 часов в день, пусть и сменно. У меня начались проблемы с женским здоровьем, и я уволилась.

Второе место работы я тоже нашла благодаря друзьям, и рассказ о нем, наверное, требует написания отдельного письма, романа или научной работы психиатра.

Почти сразу я заметила, что климат на работе, манера общения шефа с подчиненными, многое другое напоминает мне монастырь, из которого я ушла. С одной стороны, было интересно наблюдать такие совпадения, каждый день отмечать что-то новое и до боли знакомое, а с другой стороны, я поняла, что долго продержаться там не смогу, да и не хочу, не хочу снова испытывать страх, не хочу, чтобы мне снова навязывали чувство вины и вырабатывали ложное чувство долга. Я видела это в сотрудниках и не хотела повторять прошлых ошибок. С утра они как мыши разбегались по своим кабинетам-норам, очень редко общались, почти не улыбались, не смеялись, дружба между сотрудниками не «благословлялась» (да, именно этим словом), да и многое другое тоже.

Через пару месяцев мне начали сниться кошмары, я боялась идти на работу, боялась, что снова стану свидетелем криков шефа, ора на очередную жертву, что происходило почти каждый день, боялась, что скоро этой жертвой стану и я, когда перестану быть «новенькой». Через полгода я перешла в разряд этих жертв и сразу же уволилась. До сих пор я проезжаю мимо этой работы с

содроганием в сердце, жалея оставшихся там бывших коллег, но это их выбор — «смиряться» пусть и за хорошую зарплату перед человеком, который называет себя верующим и православным, но при этом унижает и презирает своих подчиненных.

Думается, что человечность и вера не находятся друг с другом в логической связке. Наличие честности, порядочности и т.д. и т.п. в человеке зависит скорее от природных данных, полученных при рождении, при воспитании, которые корректируются жизненным опытом, совестью. Вера часто останавливает людей от каких-то масштабных грехов, бывает, избавляет от пагубной зависимости, но нутро человека не меняется или меняется мало, а недостатки часто трансформируются в нечто еще более отталкивающее, потому что начинают прикрываться, оправдываться возвышенными, «духовными», благородными целями, что я и наблюдала в монастыре и на примере «православного» начальника.

Сейчас я наслаждаюсь здоровым климатом в коллективе, получаю в два раза меньше, но нервы мне дороже...

Спустя год интересно отмечать в себе определенные внутренние изменения. Например, я стала ощущать себя частью общества, меня стали волновать многие общественные вопросы, я начала понимать их значимость для современного человека, сопереживать ему... И это здорово — быть среди людей, чувствовать сопричастность их боли или радости, не закрываться от этого за стенами монастыря, изображая бесстрастность (или стремясь к ней и не достигая), за которой на самом деле кроется просто безразличие и эгоизм...

В монастыре мне казалось, что люди, которые приходят к нам в церковь, почти ничем не отличаются от нас, было удивительно, когда кто-то не знал как и куда поставить свечу, казалось, что за столько лет свободного вероисповедания все уже давно если и не ходят в храм, то захаживают, что большинство верит в Бога и главное — нуждается в Нем. Но за этот год я ничего подобного не увидела. Большинство новых знакомых совершенно спокойно живут без какой-либо религиозной нужды, Церковь никаким образом не присутствует в их жизни. Думается, что наше священноначалие, которое в основном состоит из людей, поднявшихся от иподьякона до епископа и миновавших столкновение с реальностью, даже не догадывается об этом (и о многом другом, живут в своем шикарном

устроенном мире). На фоне людей, которые работают, живут со мной рядом, которые вынуждены действительно «в поте лица своего добывать хлеб» часто за скромную зарплату, мне сейчас особенно режет глаза контраст между их жизнью и роскошной жизнью наших архиереев-монахов и монастырской сытой жизнью, которую я видела изнутри.

Если говорить о своих духовных, религиозных запросах, то, наверное, надо признаться, что они почти сошли на нет. Я верю в Бога, в Высшую Благую Силу, которую я никоим образом постичь и тем более понять не в силах, не в силах логически объяснить причинно-следственные связи этого мира, события в этом мире. Я стараюсь просто верить в Благость Бога и никаким образом для себя не пытаюсь что-то объяснить, потому что попытки неудачны, они часто грозят разрушить эту веру. А освободившись от обрядовых пут, от груза постов, я стала гораздо спокойнее и свободнее внутренне. Мне трудно судить о себе, но кажется... я не стала от этого хуже.

В церкви бываю редко, есть лишь один храм, куда иногда ездим с мужем, и тот не в нашем городе, где служит знакомый священник и сама обстановка располагает подумать «о вечном». В том, чтобы стоять просто так на литургии и не причащаться (т.к. пятилетний запрет на причастие) не вижу смысла, а просто помолиться я могу зайти в любой храм в нужное время, в момент духовной нужды, если таковая возникнет.

Из моих знакомых «бывших» соотношение оставшихся при церкви (на клиросе, в лавке) и превратившихся в «захожан» где-то 50 на 50.

После ухода у меня иногда возникал дискомфорт от контраста между монастырским при-церковным, при-православным и своим «бездуховным» мирским житием, но выход из привычной «зоны комфорта» всегда неприятен, в моем случае это просто многолетняя привычка к определенной жизни, режиму.

Пара слов о жизни моего бывшего монастыря в этот год. Я уже писала о том, что буквально сразу за мной ушла еще одна сестра — инокиня, за ней другая. Одна живет в миру и замужем, вторая перешла в другой монастырь. Недавно покинула стены обители еще одна сестра, бывшая долго послушницей, работает теперь при храме и собирается замуж. В итоге в монастыре почти никого не осталось, он и был немногочисленным, а теперь...

Я не знаю, что должно еще произойти, чтобы начальство хоть как-то отреагировало на происходящее, но пока тишина. Хотя какой реакции желать? Новой игуменьи? Заманивать и дурить новых сестер? Православный монастырь для меня теперь — это место для подвижников-одиночек, которые истово верят, и как могут, как понимают стремятся к Богу (знаю такую одну), или для людей, которым по какой-то причине тяжело жить в миру, но монашеством это назвать весьма затруднительно.

Спустя год могу еще раз повторить свои слова, что не жалею о том, что ушла. Мой уход прошел относительно безболезненно потому, что: первое — мне было куда идти и к кому (мои родные, друзья и главное мой муж — моя поддержка и опора); второе — я четко видела все плюсы моего жития в монастыре, то, от чего придется отказаться; третье — я внутренне созрела для этого шага, у меня не было сомнений, была спокойная решимость; четвертое — я в конце концов точно определилась с тем, что «не по Сеньке шапка», что черные одежды могут обмануть только прихожан, но не меня и не Бога, мы не подходим друг другу, я не жила, не живу и не смогу жить в соответствии с монашескими требованиями, как я ни пыталась, я не вписываюсь в эти рамки.

Ко всему прочему у меня нет больше желания жертвовать собой, своей личной жизнью ради чьих-то идей, целей, дел, как бы этого ни хотелось церковным деятелям, работодателям, политикам и кому бы то ни было, какими бы возвышенными эти идеи ни были. У меня есть своя жизнь, свои идеи, свои цели, свои желания и желания моих близких, и это — главное.

«ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТВОЯ МАМА БЫЛА ЖИВА, ЗДОРОВА, ОСТАВАЙСЯ У НАС ДО КОНЦА»

Это письмо из соседнего государства нам прислала отчаявшаяся мать, дочь которой, молодая женщина, уже несколько лет находится в одном женском монастыре. Думается, многие, прошедшие «школу» послушничества и монашества в современных монастырях, узнают эту картину, как родную...

Не могу терпеть боль изо дня в день, хочется кричать от невыносимости и беспомощности...

У меня единственная дочь, которой за тридцать. Нам с ее папой — за пятьдесят. Все с высшим образованием. Дочь закончила физмат-класс в школе, университет. Изучала дополнительно иностранные языки.

Жили в разных государствах с дочерью, недалеко друг от друга. Муж и дочь работали. Я, будучи инвалидом 2 группы, не работала (онкология).

Отношения с дочерью — красивой, жизнерадостной, умной, доброй девушкой, — были хорошими. Личная жизнь к тому времени у нее не сложилась — болезненно рассталась с молодым человеком. Очень хотела иметь семью, деток.

У родных, в другом городе, близко познакомилась с православием, воцерковилась. По месту жительства стала посещать церковь в мужском монастыре, начала поститься. Дома у нее появилось много икон, православной литературы.

Я забеспокоилась. Беседовала с ней.

Имея давнюю мечту, дочь с подругой поехала в турпоездку по Европе. Приехала оттуда отдохнувшая, довольная. Спрашивала у подруги: «Мы поедем с тобой еще, другие страны посмотрим?» Но как только пошла в церковь — еще больше замкнулась.

Через пару месяцев уехала в паломническую поездку в монастырь. Мы созванивались. Впервые Новый год не встречала дома, к Рождеству приехала. А через месяц сказала, что уезжает к подруге (ночь езды).

Два дня созванивались, а вечером она позвонила и говорит: «Мама, мы уезжаем в область. Там нет связи». Говорю: «В какую область, кто мы?» Разговор оборвался. Телефон был недоступен.

В большом волнении я обратилась к ее коллеге по работе, соседке по съемной квартире. Она посоветовала мне пойти к дочкиному духовнику в монастырь, он должен что-то знать, дочь с ним советуется.

Рассказала, что духовник запретил моей дочери сначала заниматься аэробикой, брить подмышки, ноги, ввел какие-то и другие ограничения. Не разрешал ехать в Европу, так как это вредно — посещать католические страны.

С фото дочери я отправилась в монастырь. Поговорив там с незнакомым священником, рассказала, что ищу ее духовника, может, он что-то знает о дочери. Возможно, она в каком-нибудь монастыре? Он ответил: «Это, видно, кто-то молодой, пожилой бы так не поступил! Зачем же сразу в монастырь?»

Не сразу, с трудом, но я нашла духовника дочки. Им оказался человек средних лет, младше меня. Выслушав, он весело сказал: «Не знаю, где она! Благословлялась, а куда — не знаю! Ко мне студенты подходят за благословением на экзамен, я благословляю. Но я же не знаю, не спрашиваю, какой экзамен. Иди (ко мне на „ты“) домой, молись, может завтра и придет».

Ни днем, ни ночью мне не было покоя. А на моем попечении в городе еще был одинокий родственник, 84 года, за которым мы уже давно ухаживали, и где дочь была прописана, а я жила, когда приезжала.

Не раз я еще ходила к духовнику. Сказала, что хочу обратиться к благочинному монастыря, за помощью — обзвонить женские монастыри, может, найдется дочь. Мне так подсказали верующие люди. На что духовник, пренебрежительно усмехнувшись, резко сказал: «Вот еще! Кто ты такая? Будет еще благочинный заниматься твоей дочкой! Делать ему больше нечего». И ушел от меня.

Такого жестокого, циничного отношения даже представить себе не могла! Это — «верующий» человек, монах, духовник моей дочери. Если он так со мной, то как же тогда с моей дочерью обращается?

Вызвала я мужа и сестру из другого города. Чувствую, что знает что-то, но молчит.

Пришли все втроем с ним пообщаться. Говорю, что, может, дочь уехала в монастырь, расставшись с парнем? Он отвечает нам, рассуждая: «...давайте говорить откровенно! Чем мужчина любит? Членом». (Дословно, простите!) Мы были шокированы. С монастырями мы не были знакомы вообще. Опять ушли ни с чем.

Познакомилась я с монахиней, живущей там. Она очень плохо отзывалась об этом духовнике: «Чем хуже, больнее он сделает людям, тем ему лучше!» Сказала, что особенно плохо он относится к женщинам. Что в монастыре есть небольшая группа монахов, похожих на секту. Они зомбируют молодых девушек, имевших несчастье довериться им, строго внушая, пугая. И если

человек доверился, они от него не отстанут. Будут издеваться, эксплуатировать, «держат на крючке». Купили в области домик, и эти девушки работают на них там на огороде, по хозяйству.

Рассказала, что есть в его «чадах» и «солидные» люди, с которыми он очень адекватен, и которые, в случае чего, защитят его. Что за ним часто приезжает машина, и он уезжает куда-то.

Она посоветовала идти жаловаться владыке, который там же проживал, но не вмешивался. Но в случае чего, сказала монахиня, она откажется от своих слов, не признается. Боялась!

Через какое-то время позвонила мне дочь: «Мама, здравствуй! Я в монастыре, у духовника. Ты можешь приехать?» Я в страхе примчалась.

Она худенькая, бледная, замученная от усталости. Морщинки на лице. В белом платочке, в своей длинной летней юбке. Весь разговор происходил в присутствии духовника.

Я говорю ей: «Доченька, где ты была? Ты была в монастыре где-то? Пожалуйста, не уходи в монастырь!» Отвечает: «Нет, мама, нет! Я хочу пока поездить по святым местам, возьму отпуск. Неделю побуду дома и поеду». — «Куда поедешь? Где ты была?» — «По разным святым местам». Так определенно ничего и не сказала.

Духовник постоянно был рядом. При прощании я услышала его слова дочери: «...держись своего».

Ехали из монастыря мы вместе с дочерью. Измученная, нервная, она ни на какой контакт не шла: «Я все сказала... Поеду на квартиру отдыхать. Не надо со мной ехать».

Вечером мы приехали к ней вместе с моим мужем, разговаривали, но она словно дала обет молчания. «Я все сказала!» И видно было, что она очень уставшая, в большом нервном напряжении и психологически подавлена. Она даже крикнула: «Мама, ты хочешь, чтоб случилось что-то плохое?»

На следующий день утром опять мы пытались поговорить, но она собралась и ушла на службу в церковь. И снова исчезла, оставив все на съемной квартире, — вещи, диплом, документы, все...

Мы тоже поехали в монастырь на службу за ней. Но ни дочери, ни духовника мы не нашли. Только знакомая монахиня сказала, что видела нашу девочку. «Духовник что-то крикнул на нее, она встrepенулась и убежала!»

Я думала — сойду с ума, не понимала ничего.

Духовника мы так и не нашли. Пошли к благочинному. Затем к митрополиту, чья резиденция была там же. Он молча выслушал нас, позвонил опять благочинному: «Разберись». И отправил нас обратно к нему.

Тот уже сказал нам: «Оставьте девочку! Девочка определяется. Считайте, что она вышла замуж и уехала далеко». — «С чем определяется, куда уехала, что происходит?» Молчит.

Время шло. Телефон дочери по-прежнему был выключен. Я искала помощи, обращалась к юристу, психологу, психиатру, депутату, к знакомым верующим. Безрезультатно.

Сначала округляли глаза от ужаса, слушая. А когда узнавали, что это православная церковь, монастырь, говорили: «Сочувствуем! Но дочь — взрослая, и сама вправе решать, где ей жить. Обращайтесь в милицию, ваше право. Они должны разыскать вашу дочь».

Тогда, до обращения в милицию, неудобно было заявлять на церковь, мы с мужем поехали в монастырь, где дочь была в паломничестве в первый раз на Новый год.

Игуменья по фото сначала «не узнала» дочь. Только, когда я сказала, что уже обращусь в милицию, «вспомнила»: «Да, была у нас. Еще тапочки забыла. А мы ждали ее к себе! Я предложила ей остаться на Новый год в монастыре. Так она мне говорит: „Как?! Я Новый год буду в монастыре встречать?!“»

Игуменья спросила: «А кто посылал дочь?» Я назвала имя духовника. «Он? Я знаю, куда он посылает. Сейчас позвоним». И дочь быстро нашлась — в ските монастыря в соседней области.

«Только не говорите, что вы — родители, когда будете звать, а то встреча может не состояться», — сказала игуменья.

Добрались поздно ночью до города. Рано утром на машине поехали в скит — это за городом, в маленьком селе, монастырь и скит находятся, примерно, в километре друг от друга.

Вошли на территорию. Строители на строящемся большом храме. Редкие фигуры девушек. Стали всматриваться и увидели дочь! Девочка моя была худенькая, как тростиночка. Подошли. По ней было видно, что и она довольна, что видит нас! Сказала: «Если бы вы знали, где я, не отходили бы от стен монастыря!» И ушла говорить матушке-начальнице, что приехали родители.

Пришла матушка, и мы все зашли в комнату в гостинице. Я упала на колени: «Пожалуйста, доченька, только не уходи в монастырь! Ты нужна мне!» Дочь говорит: «Мама, я не ухожу в монастырь. Я хочу немного побыть здесь». Пробыли мы еще пару дней. Мужу надо было на работу, а я очень хотела остаться, побыть с дочкой. Но мое физическое состояние было плачевным, я уехала вместе с ним.

Мы стали ездить в монастырь, это было очень далеко. Нормальная человеческая жизнь для меня закончилась, она превратилась в кошмар.

В монастыре я познакомилась с двумя девушками и их мамами, тоже «чадами» этого духовника. Обе девушки с высшим образованием, как и их родители. Точно так же ушли, и родители их искали. Одна была там 5 лет, другая — 14, но сначала в другом монастыре. Обе тяжело заболели. Ушли оттуда инвалидами. Лечили их родители, монастырю они были уже не нужны. Там от них нужен был только тяжелый рабский труд, а они уже не могли. Мама одной мне говорила: «Забирайте дочь любой ценой, пока не стала инвалидом!»

В монастыре дочь была постоянно занята: с 4-30 утра до 21-30, а то и позже. Забегала к нам, измученная, вечно сонная, на 10-15 минут, падала и сейчас же засыпала, прося нас разбудить ее. Потом убегала на послушание. Мы не могли поговорить. А ведь приезжали за 1000 км...

Однажды я чуть не забрала дочь, через полгода ее пребывания там.

В тот раз разговор с матушкой произошел на улице в скиту, на глазах у некоторых, где я, наконец, встретила матушку. Она послала за дочкой, говорит ей: «Что, мама не знала, где ты?» (Я уверена, что матушка знала все!)

Моя бедная девочка, худенькая, натруженная, потная, безмолвно стояла перед ней, низко опустив голову. И тогда матушка сказала ей: «Идите в монастырь, к игуменье!» Не выдержало и ее сердце, глядя на наши страдания.

Поднялись по лестнице в какой-то «терем», вошли в комнату с дочкой. Там были две женщины в черном. Игуменья сидела за столом.

Я начала говорить, что болею, нуждаюсь в помощи дочери, показала медицинские документы. И игуменья вроде соглашалась. Потом помню только слова игуменьи, как в тумане: «Мама должна слушать дочь!» А у меня только в мыслях: «А почему мама, а не дочь?» «Я, — сказала игуменья, — отвечаю за нее перед Богом!» А я думаю: «А почему вы, а не она сама?» Но у меня не было сил говорить, я падала.

Единственный реальный шанс забрать дочь домой был упущен.

С этого времени все резко изменилось. Дочь еще нормально общалась со мной, а вот скитоначальница теперь вообще не хотела разговаривать. Резко, надменно отвечала, уходила от меня, когда я приезжала.

Игуменья уже никого не принимала, болела. Больше я не видела ее. Постепенно дочь перестала звонить мне, отвечать на звонки.

Случайно, у родственника, где она была прописана, заметили в квартирных платежках, что дочка выписалась. Дочь не приезжала, по заявлению выписалась, и ее прописали в монастыре.

Все эти события так повлияли на меня, что у меня произошел рецидив болезни. Я снова тяжело лечилась, проходила химиотерапию. Во время лечения муж отвез в монастырь письма от моего врача-онколога, который все знал, руководству монастыря и дочери. В них были просьбы-рекомендации о приезде дочки к маме, чтобы исключить сильный стресс, помочь победить болезнь, уменьшить страдания.

Матушка сказала, что сестер они отпускают домой, но моей дочери это нежелательно, бесполезно. Дочь так и не приехала.

Только по телефону сказала мне, что нужно причащаться и собороваться. Говорила, словно зомбированная, без чувств: «Мама, не все кончается этой жизнью! Есть вечная жизнь!»

Меня потрясло такое равнодушное отношение. Но у меня была цель — выжить, любой ценой. Чтоб не оставить дочь одну, без мамы, им.

Большое спасибо людям, окружавшим меня, за их поддержку и помощь. Атеистам и верующим, от профессора-онколога до соседей и друзей.

После тяжелого лечения мои анализы улучшались, я восстанавливалась.

Набравшись сил, я поехала к дочке, очень хотела увидеть ее, поговорить. Поехала с подругой, живущей в другом городе. Дочка радостно встретила меня, но виделись мы очень мало — она все время была занята. Даже не освободили ее от послушаний, чтоб мы могли побыть подольше вместе.

Тогда произошел такой случай. Вижу, в коридоре возле моей двери стоит незнакомая девушка-трудница. Спрашиваю у нее: «Вы ко мне? Заходите».

Уже в комнате она попросила, чтоб я ее никому не выдавала, говорит: «Вы мама... (называет имя дочки)?» — «Да». — «Она у вас такая умная! Ни с кем тут близко не общается! Сама по себе». Я ей говорю: «Сестра..., почему вы здесь? Вы такая умная».

Она дальше рассказывает: «Здесь так ужасно. Старшая матушка такая нехорошая. Заставляет сестер становиться на колени и просить у нее прощения. Меня сюда привез папа, а я не хочу быть здесь. Мама во всем слушает папу, он у нас верующий. Только бабушка за меня. Живу я здесь в городе. У меня случилось несчастье, на меня напали, у меня невроз. Папа хочет, чтоб я осталась в монастыре. А здесь ужасно, так тяжело! Меня считают здесь за дурочку, обижают, а матушка говорит, что она все равно поломает меня. Они сказали вашей дочке, что „если ты хочешь, чтобы твоя мама была жива, здорова, оставайся у нас до конца“. И она сказала им: „Да!“ Я видела, как ваша дочка очень сильно плакала в церкви. И она берет на себя самую тяжелую, самую грязную работу».

Свидетелем этого разговора была моя подруга. Собрав силы, взяв себя в руки, я угостила этого ребенка, она была очень молода. Поддержала ее. Успокоила, что ничего никому не расскажу, все останется между нами. Взяла у нее номер телефона. (Та девушка все-таки ушла из монастыря к бабушке, бабушка увезла ее к себе.)

Когда девочка ушла, я в панике побежала разыскать знакомую монахиню, чтоб спросить, приняла ли дочь постриг? На мое счастье, сейчас же увидела ее. Она заверила меня, что нет. «Просто у нас, как в армии: прожили какое-то время, и как звание присваивается! Одевают рясофор. Но это не постриг, стригут у нас годам к сорока».

Позже я поговорила с дочерью. Чтоб не творила глупостей, не впадала в крайности по поводу меня, если будут увязывать что-то с моим здоровьем. Что я ее очень люблю и нуждаюсь в ее помощи, близости и жду дома.

В следующий мой приезд было очень жарко. Невозможно было просто находиться на улице и дышать. Я увидела свою дочь, работающую на огороде с сапой (мотыгой) в руках. В одежде с длинными рукавами, в длинной юбке, туфлях и носках в самый солнцепек, после 12 часов дня, на солнце! А матушка-начальница сидела неподалеку в беседке, в тенечке, возле родника и наблюдала.

Я еле подошла к дочери и стала ее просить, умолять уйти с солнца! Объяснять, что так нельзя — опасно для здоровья, чревато тепловым или солнечным ударом, онкологией. Дочь провела меня в комнату и ушла работать дальше на послушание, как я ее ни просила. И матушка ушла из беседки куда-то. А я лежала в комнате и плакала от бессилия что-либо изменить. Мне не верилось, что все это происходило с нами в XXI веке!

Я работала на производстве, в службе охраны труда и экологии. Знаю, как старались строго соблюдать, контролировали выполнение санитарных норм и правил по охране труда и здоровья человека. А здесь такой беспредел с моей единственной дочерью. Это только то, что я видела. Никто же не контролирует, не перечит, не задает вопросов. Как при рабстве. Наоборот, необходимо покорно все выполнять. «Для Бога!»

Дочь с высшим образованием, знающая английский язык, играющая на фортепиано, чудесно поющая, с хорошей речью, дикцией, грамотная, умная девушка, много учившаяся. Могла бы преподавать, переводить, заниматься экономикой и др. — и так деградировала, выполняла все время только тяжелую физическую работу.

Неужели церкви не нужны ее здоровье, таланты, умения? Их надо зарывать в землю диким образом? Использовать только физическую силу и рабский труд ценой здоровья и жизни и ее, и мамы?

Уехала я в отчаянии, хваталась за любую соломинку. Оплатила поездку на Афон одному верующему человеку, который предложил помощь. Там жил его знакомый — высокопоставленный влиятельный монах. Искала человека, который мог бы помочь, поговорить с игуменьей, повлиять на нее, чтоб она

благословила дочь на приезд ко мне. Но монаха переизбрали, и ничего не вышло.

На фоне этих событий в 2015 году я снова заболела. Мне присвоили 2 группу инвалидности уже пожизненно. Более двух лет я не могла ездить в монастырь, а дочь не приезжала, практически не звонила. И уже не выдержав, обратилась я письменно, кратко описав ситуацию, с просьбой о помощи к вышестоящим церковным иерархам — в монастырь, епархию, митрополию. Чтобы вразумили, наставили дочь в христианском духе, благословили на приезд, перевод ее ближе ко мне, маме. Что ни разу дочь не приехала навестить меня, помочь — более чем за шесть лет. Не звонит, не отвечает на звонки, никаких контактов. А я очень нуждаюсь в этом. Ездить я не могу по состоянию здоровья, и материально накладно. Создалась ненормальная тупиковая ситуация. Что делать, помогите!

Ответ пришел только из монастыря: на тетрадном листочке, написанном от руки. Суть его сводилась к следующему: «...мы вашу дочь не приглашали сюда, она приехала сама, и что-либо предпринимать мы не будем! Это ваши личные отношения, плохо воспитали дочь, что она к вам не едет, не общается!»

Из епархии позвонили и сказали, что «у нас свобода совести» и все сводится только к желанию дочери. «Поезжайте в монастырь, разговаривайте сами с дочерью. Забирайте ее. Игуменья не хочет благословлять ее, а мы не можем заставить игуменью. Не будем же мы выкручивать ей руки! И не звоните, не пишите больше сюда, не беспокойте нас!»

В митрополию я позвонила сама, не дождавшись ответа. Мне было сказано, что не было благословения митрополита на ответ. Обращайтесь в епархию, а митрополит может только помолиться за вас. И все.

По совету епископа, через какое-то время, будь что будет, я решила поехать и остаться в монастыре дней на пять, чтобы иметь возможность увидеться с дочкой, поговорить. Отвез меня муж.

Матушка отправила нас в трапезную, где была дочь. Она к нам не подошла, стояла спиной и работала. Мы сами подошли к ней, обняли, поздоровались. Она молчала. Тогда мы сели и начали заниматься назначенной нам работой. Когда дочка увидела нас сидящими, подошла и испуганно сказала: «У нас без благословения матушки в трапезной нельзя сидеть!» Мы успокоили

и сказали, что матушка разрешила нам. По ее встревоженному взгляду я поняла, как наказывалось любое нарушение запретов матушки и правил, под каким давлением она находилась здесь.

С нами дочь больше не разговаривала. Она опять словно хранила обет молчания — старый почерк духовника. Муж уехал, я осталась одна.

На другой день увидела дочь на погрузке угля. Она и еще три человека — один из которых парень-наемник, остальные женщины, — загружали совковыми лопатами уголь из большой кучи на тачки. Потом в трапезной за обедом парень-наемник сказал мне: «Не думал, что загрузим за день 10 тонн угля!» При этом дочь весила 45-50 кг. А матушка стояла, ходила рядом, наблюдала за процессом.

На это было страшно смотреть! Мое материнское сердце не выдержало. Я видела по лицу дочери, как ей было тяжело. Но она, преодолевая все, через силу, монотонно, молча, как мужик, грузила уголь. Она работала покорно, не осознавая уже критически, наверное, ничего. Не имела на это ни сил, ни времени. Я встала рядом и начала по камушку забрасывать тоже, чтоб помочь. И плакала.

Матушка, стоящая рядом, сказала мне: «Вам нельзя! Зачем вы?» Я ответила: «А я спокойно могу смотреть, как моя единственная дочь, мой ребенок грузит уголь? Делает такую тяжелую работу?» На что она, не стыдясь, не опасаясь ничего, уверенно говорит мне, маме: «А она у нас здоровая! Она много работает! Ничего с ней не будет!»

А вечером еще дочь, стоя, читала Псалтирь в церкви, глухим от жуткой усталости голосом. На следующий день грузила тяжелые дрова. И так постоянно. Это только то, что я видела собственными глазами.

После обеда я подошла к матушке поговорить, но мне сказали, что она отдыхает, спит. Ночью плохо спала. Потом она мне говорила, что не спала, очень переживала, как разгрузят уголь. «Мы пахали!» — называется! Она, бедная, так «устала», переживая, что легла отдохнуть, поспать днем.

Тогда я подошла к матушке и попросила ее не нагружать так тяжело дочь работой, хотя понимала, что это пустые слова. За все время моего пребывания там дочь так и не подошла ко мне.

Только перед отъездом в трапезной ко мне зашла знакомая послушница, видимо, подосланная, и сказала: «А вы благословите дочь на монашество, чтоб она осталась здесь, и увидите, как у вас все будет хорошо. У вас будет не одна дочь, а много дочерей».

Я еле доехала домой, убитая горем. Позвонила в епархию, чтобы сказать, что ездила по их совету к дочери в монастырь поговорить и что из этого вышло. Мне раздраженно ответили: «Женщина, забирайте свою дочь! Не беспокойте нас», — и положили трубку.

Все! Круг замкнулся! Всем было безразлично. Христианского понимания, милосердия и любви я не нашла нигде.

На момент приезда в монастырь дочь уже страдала хроническими заболеваниями. Два раза в год ей необходимо профилактическое лечение, необходимы обследования и соответствующий образ жизни. У нее плохая онконаследственность — по женской линии несколько поколений женщин страдали онкологией. Даже внешне у дочери наблюдается ухудшение здоровья, это видно невооруженным глазом: резкая потеря веса, до истощения, анемичный цвет лица, хроническая усталость, частые простуды, постоянная сонливость, равнодушие к окружающему, к родителям.

Игуменя услышать меня, благословить дочь на переезд ближе к больной матери, не хочет. Епархия не может игуменью заставить. С дочерью невозможно поговорить...

Что мне делать? Я обращаюсь к людям. Пожалуйста, помогите, посоветуйте! Я кричу, а меня не слышат! У нас же не крепостное право и не феодальный строй!

Кто бы поговорил, наставил, вразумил мою дочку? Как обследовать ее, лечить? А мне видеть ее, получать помощь, заботу и выжить. Как повлиять на игуменью в решении этого вопроса? Помогите, пожалуйста!

P.S. Видимо, заставили кого-то призадуматься наши стенания. В последние приезды дочь уже общалась с нами. Приходила, уделяла внимание, как будто ей разрешили делать это. Но состояние ее здоровья, внешний вид, дикая загруженность и занятость вызывает все такую же тревогу и страх. Домой она так ни разу не приезжала. Не звонит, не пишет, не отвечает.

Что будет с нами, не знаю...

СТРАШНА САМА МОНАСТЫРСКАЯ СИСТЕМА

Анонимный автор рассказывает нам свою историю трехлетнего пребывания в монастыре. Для тех, кто считает наши истории о монастырях (и не только) выдумками, сообщаем, что редакции как в этом, так и в предыдущих случаях, известно, о каком монастыре идет речь, но автор не желает раскрывать свою личность, назвав этот монастырь. Также автор не хочет никакой «войны», не имеет претензий, так как пришла в монастырь по собственной воле, но считает нужным поделиться этой историей с другими, поэтому так ли важен адрес конкретного монастыря, если история типична?..

Прочитала очередную печальную историю (см. предыдущий текст), и снова пришла в ужас, хотя в то же время ничему не удивилась. Не знаю, в каком государстве находится монастырь, в котором подвизается дочь этой женщины, но большинство российских монастырей я бы приравнила к сектам. Православный Символ веры в данном случае не в счет, потому что сектантская психология наших монастырей налицо, и свидетельств тому предостаточно. Но я думаю, так будет продолжаться долго, ситуация изменится не скоро. Оттуда трудно уйти, если пришел по своей воле и искренне веришь, что в миру — ад и гибель, а в монастыре — спасение (где можно вымолить заодно и спасение своим родным и предкам до четвертого или седьмого колена). Но предупреждать тех, кто туда собирается, я считаю необходимым.

Расскажу свою историю. Прошло уже почти десять лет, как я ушла из монастыря, в котором провела три года. Срок небольшой, но этого срока более чем достаточно, чтобы понять, что там происходит. Я уже тогда и Кураева, и Шмемана, и Антония Сурожского читала. Но в интернете тогда об этом почти не писали, и, по большому счету, я мало что об этом знала.

Не стану рассказывать, почему меня туда занесло — это очень личная история. Короче, меня там убедили, что монашество — мой путь.

Я до сих пор к личности игумении отношусь очень неоднозначно. Например, я верю в то, что монашество она приняла по велению сердца, а не «ради хлеба куса», что она искренне желает всем спасения — так, как она его понимает, конечно. Ей хочется, чтобы все стали монахами — оттого и стремится всех оставить в монастыре.

Чтобы там остаться, нужно было получить благословение ныне покойного старца, духовника игумении. Я думаю, вы без труда назовете его имя. Совершенно верно, это архимандрит Наум (Байбородин). Под его окормлением находились в то время десятки, если не сотни, российских монастырей. Меня повезли в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы получить его благословение на монашеский путь. Естественно, была «исповедь» с вопросами о блудных грехах. Размер полового члена партнера, в какой позе и тому подобное. От ужаса и стыда я разревелась. Возникла мысль, что почтенный старец, архимандрит, находится в прелести. (Не спрашивайте, почему я выключила критическое мышление и не свалила сразу... Мне верилось тогда, что монашество — это мой путь и что Сам Бог привел меня в тот монастырь.) Игумения во время исповеди стояла у меня за спиной и записывала все, что говорил мне старец. А он много чего говорил и предсказал мне монашество.

Это был «молодежный» монастырь, состоящий преимущественно из девочек, выросших в монастырском приюте. Детей из неблагополучных семей там было мало, в основном туда отдавали родители своих девочек, желая спасти их души от мирской гибели. Матушка-игумения старалась вырастить из них будущих монахинь. Поэтому в основном там были юные послушницы и инокини. Была там одна шестнадцатилетняя послушница, которая все норовила сбежать, но ей было некуда, так как ее родители всех своих детей распределили по монастырям. Она позволяла себе вытворять и говорить все, что захочется. С ней было весело. Например, она могла пасть в ноги благочинной и целовать ее руки с криком: «Мощи! Святые мощи!» Или же подойти к той же благочинной, лукаво улыбаясь, с вопросом: «Мать Ф., в молитвослове есть непонятное для меня слово — „скоктание“. Что оно означает?» Мать Ф. краснела и бормотала в ответ: «Я не знаю...»

Вообще я должна сказать, что отношения с сестрами монастыря у меня были хорошие. Строптивые бабищи там надолго не задерживались. У меня сейчас даже нет соблазна кого-то там осудить. Страшна сама по себе система.

Многих паломниц, которые приезжали туда на время, отвозили к старцу Науму, а тот благословлял их на спасение в этом монастыре, потому что такова воля Божья. Паломницы оставались, но через какое-то время не выдерживали, уходили. Их отговаривали, пугали мирской погибелью: «вернешься в мир — кирпич на голову упадет». Попали туда как-то раз мать с дочерью, остались по старческому благословению. Через некоторое время их родственники забили тревогу, приехали за ними. Благодичная забежала: «Сестры, становитесь на акафист, молитесь, чтобы они не ушли». Ушедшие становились предателями и иудами, общаться с ними запрещалось.

Вылететь из этого монастыря было сложно, так как матушка всем желала спасения. Но был один верный способ — блуд. Одна послушница закрутила роман с рабочим, и тут же была изгнана из монастыря. Одежда ушедших доставалась паломникам, сестрам носить ее категорически запрещалось: «бес перейдет». Имелся в виду бес покинувшего обитель. И если у вас до монастыря были блудные грехи, не дай Бог вам предложить какую-то свою вещь (например, куртку или платок) девственной сестре. Негласно это было запрещено.

Вся поступившая в монастырь обувь пристально осматривалась монастырским начальством на предмет наличия крестов на подошве. Например, меня заставили срезать ромбики с подошв ботинок, потому что они были похожи на кресты: «Это враги православия специально изображают на подошвах кресты, чтобы мы попирали святыню».

Писать в церковных записках имена тех, кто не причащается, запрещалось. Однажды я была на послушании в храме за церковным ящиком, помогая инокине Д. Приехала группа туристов, подошли к нам, чтобы подать записки. Мать Д. устроила им допрос: «Крещеные? Причащаются?» И, услышав в ответ, что все крещеные, но не все причащаются, заставила меня вычеркнуть больше половины имен, несмотря на горькое недоумение людей, подавших записки. Я протестовала, мне было не по себе, но приказ есть приказ: «Матушкино благословение».

В монастыре все делалось по благословию Матушки. Священник там лишь служил службы. Исповедоваться ему сестрам благословлялось с осторожностью. Существовала лишь Матушка, и благословлялось исповедовать все свои помыслы и согрешения ей. Впрочем, периодически туда приезжали служить священники из наумовских чад, и тогда, напротив,

поощрялось исповедоваться у них. Один из таких чад на исповеди расспрашивал меня, трогаю ли я себя руками по ночам. Вы не поверите, но я тогда не сразу поняла, о чем речь. Мне и в голову в монастыре не приходило такое. Зачем он мне напомнил? Я тогда задумалась, почему я этого не делаю. Хорошо, хоть не попробовала. Другой священник из наумовских чад, услышав на исповеди мои слова, что я сомневаюсь в том, что архимандрит Наум — старец, страшно рассердился и стал рассказывать мне о том, какой тот святой.

Об изнурительных физических послушаниях в российских монастырях немало уже написано, я не буду повторяться. Большинство сестер болеют тяжелыми хроническими заболеваниями. Но болеть считается спасительным. При этом, разумеется, нужно не роптать, не требовать лечения и ходить на послушания. У меня там начались приступы головной боли, которые не снимались даже уколами. Я молчать не стала, и мои требования старались удовлетворить (иначе бы я ушла в погибельный мир). Поэтому я прошла почти полное обследование, и мне назначили лечение, но не все сестры были такие наглые.

Отношение игумении ко мне менялось на протяжении всех трех лет: я попадала то в милость, то в немилость, и в зависимости от этого так же ко мне относилась благочинная. Я никогда не знала, что у той на уме, да и никто в монастыре этого не знал. Возможно, я ничего не понимаю, и это и есть настоящее монашество. Однажды, встретив ее в добром расположении духа (шла мне навстречу с улыбкой), я спросила: «Что, мать Ф., Матушка благословила улыбаться?»

Кто-то прочитает и скажет, что это пишет человек с мирским устроением, который не понял смысла монашеской жизни. Я не спорю, монахини бы из меня не вышло, и хорошо, что я оттуда ушла, иначе все бы закончилось трагически. Но в течение трех лет, находясь там, я задавала вопросы, на которые так и не услышала ответа. Матушка лишь гневалась, когда я их задавала и называла мои «помыслы» «достоевщиной».

На днях в «Живом журнале» я нашла историю Елены Черноголовой и ее сына, которые несколько лет назад оказались в Греции в монастыре старца Дионисия Каламбокаса. Почитала комментарии... Не только у нас

такое происходит, и для кого-то это настоящее монашество. Там о. Георгий Максимов и о. Диодор (Ларионов) защищают и монастырь, и старца. Дескать, у женщины истерика и зачем она с таким мирским устроением там оказалась. Я не знаю ситуации, хотя мне достаточно многих фактов, но меня поразило другое. То, что пишет монах Диодор в комментариях: «Лично мое мнение состоит в том, что парню было полезнее находиться в обители в здоровом окружении, под началом замечательного о. Петра, который был и строг, и добр одновременно, но который, как отец, заботится о ребятах, нежели сейчас остаться с мамой, имеющей по всем признакам истерическое расстройство личности, без отца, с искаженными представлениями о монастырях и Церкви».

Таково мнение монаха. Я не буду спорить, но скажу и свое: «Семь раз отмерьте, прежде чем уходить в монастырь, тем более, прежде чем отдавать туда своих детей». А еще советую прочитать «Если бы я был „старцем“» «модерниста» и «либерала» протопресвитера Александра Шмемана, книгу которого изъяли у меня в монастыре, потому что это опасное чтение. И фильм «Сестры Магдалины» посмотрите. Эпизод там есть один очень сильный, когда героиня читает «Отче наш». Дойдете до этого места в фильме — поймете, о чем я...

**Я пострига не принимала, даже подрясник на меня не надели. Те, на кого надевают подрясник, становятся послушницами, но там в любом случае, если остаешься в монастыре — назад пути нет. Тебе шьют церковное платье (тот же подрясник, только «дорожку» потом, когда его благословляют носить как подрясник, распарывают). То есть, если тебя Наум благословил в монастырь, то ты все равно что Богу дала обеты и должна быть в монастыре до конца дней. Я сразу стала «оппозиционеркой» и вела там себя крайне дерзко, поэтому мне не благословляли подрясник. А обычно его дают примерно через год, еще через год могут постричь в инокини, а потом в монахини. Старых бабулек (их там мало, обычно кто-то перед смертью туда попадал) сразу постригали в монахини. При этом не все бабульки были воцерковленные.*

Разницы между сестрой и послушницей фактически нет никакой: ты состоишь в списке сестер, так же живешь с ними в келье, исполняешь те же послушания. То есть я все видела изнутри.

У паломников другие кельи в отдельном корпусе. У них и другие представления о монастырской жизни, порой радужные. Их заманивают книгами, поездками по святым местам и рассказами о красоте монашества.

СТАРЦЫ

ОТЕЦ НАУМ И ЕГО ЧАДИЯ

Иван Канин

Многим людям становится не по себе после прочтения историй вроде вышедшей на «Ахилле» статьи о Пафнутьево-Боровском монастыре. В ответ на горькие сетования страждущей героини хочется кричать: «Чего же ты сразу не бежала из этого содома, несчастная женщина? Неужели ты не видела, что там происходит?» В том то и дело, что не видела, не осознавала. Сыт голодного не понимает. Человеку, воспитавшему свой религиозный вкус на трудах Шмемана и Кураева, невозможно понять то духовное состояние, в котором пребывают рекруты околоправославных гуруистских сект. Мне довелось лишь немного вкусить этой странной и страшной духовной реальности, но и этого оказалось достаточно, чтобы в душе до сих пор стояло ее мерзотное послевкусие. Я говорю о круге фанатичных почитателей архимандрита Наума (Байбородина).

Сразу хочу ответить всем тем, кто будет мне возражать, что, дескать, некоторые люди просто неправильно воспринимали о. Наума, что, мол, никто не просил их возводить его почитание в культ и воспринимать его советы как истину в последней инстанции. Я слышал удивленные фразы: «Да вы все не так поняли! Вот я однажды ездила к о. Науму, мы с ним так весело поговорили, он мне книжек подарил разных, такой интересный человек! Был хороший повод задуматься над своей жизнью, правильно ли я живу». Право, речь не об этих случайных «захожанах» и «заезжанах» отца Наума, которые видели его пару раз в жизни. Если вы любите булочки с маком, это еще не повод убеждать всех, что мак — самое невинное растение. Потому что маковая присыпка на булке и маковый сок, пущенный по вене, — совершенно разные вещи. Когда мы говорим об опасности тоталитарных сект, мы имеем в виду отнюдь не обычных любителей

эзотерики, временами размышляющих дома над книгой какого-нибудь Ошо в сандаловом дыму под медитативную музыку. Мы говорим о людях, отсекавших не только свою волю, но и элементарный здравый смысл, в надежде услышать из уст очередного божьего посланника непреложный нравственный императив и прямое руководство к действию.

В начале девяностых я, будучи подростком, три года прожил в Сергиевом Посаде у родственницы, фанатичной поклонницы о. Наума в тесном окружении его обожателей и воздыхателей. Мне довелось видеть этих людей, в изобилии съезжавшихся со всех концов страны ради спасительного слова великого старца, практически сутками стоящих в огромной очереди в подклет. Наверху, в «Трапезном храме» Троице-Сергиевой Лавры официальная церковь с помпой служила свою горластую раззолоченную литургию, и в это же самое время внизу, в подклете «темный двойник» церкви вершил свое собственное главное таинство. Наверху многотонные колокола лаврской звонницы напрасно сотрясали воздух, а здесь в узкой келии негромкие старческие слова целыми семьями швыряли людей на тысячи километров. В то время, как там, пред алтарем воздвигали на дискосе всего лишь будущее тело безмолвного Бога, здесь устами старца перед собравшимися вещал сам Бог. Непростой выбор для неопита, не правда ли? Если наверху литургисала «братия», то как же можно было назвать всех «духовных чад» отца Наума? Иного слова как «чадия» я не нахожу. Тем более что переполненный ожидающим народом узкий коридор перед приемной кельей действительно чадил. И в прямом, и в переносном смысле этого слова. Рыба хорошо ловится в мутной воде. А духовный чад отлично помогает ловить человека.

Были ли все они довольны своим *modus vivendi*? Не берусь судить за всех, но большинство, очевидно, да. Есть хороший образ, что грешник подобен псу, лижущему пилу и пьянеющему от вкуса собственной крови. «Чадия» отца Наума в угаре тотального послушания лизала пилу со всех сторон вдоль и поперек, время от времени делясь друг с другом ощущениями, с восторгом и трепетом пересказывая очередные капризы своего кумира. Отец Наум ничего не советовал, он только «благословлял», и любое благословение сразу означало для пасомых непререкаемую Божию волю. «N батюшка благословил идти в монастырь. Она прямо из его келии с игуменьей уехала». «М батюшка благословил замуж за семинариста. Ему нужно уже через неделю посвящаться, а невесты нет. Батюшка указал на М пальцем и,

представляете, благословил ей за него замуж». «Х Батюшка благословил переписать дом У-скому монастырю. Сестры вчера приехали документы на дом смотреть». «А вы знаете, R и S теперь больше не живут друг с другом как муж и жена. Батюшка не благословил. Сказал, что в таком возрасте надо уже к постригу готовиться».

Один лаврский пиит, игумен Виссарион в девяностые выпустил книгу стихов, где одно стихотворение было посвящено отцу Науму. В своих бойких хореях автор запечатлел командно-административный метод управления послушной общиной:

«Направляет на работу

В Мишутино и в Лозу,

Матерям дает заботу:

Для детей купить козу...»

За точность цитирования не ручаюсь, но смысл именно такой. Из стихов Виссариона вырастает образ вполне приличного, хотя и строгого духовника, радетеля за христианскую нравственность:

«Этой он велел венчаться,

Как велит святой закон.

Этой — с парнем не встречаться,

Так как пьет и курит он».

Но почтенный лаврский бытописатель или сам не увидел, или утаил от читателя один принципиально важный нюанс. Если бы отец Наум женихал и разводил людей только по церковным канонам и предписаниям — это было бы еще полбеда. (Хотя и это, строго говоря, вступает в противоречие с соответствующим постановлением синода РПЦ «о младостарчестве».) Настоящая беда была в том, что Наум ломал человеческие судьбы сообразно своим собственным представлениям, по-своему капризу заставляя людей жениться и разводиться, воздерживаться от интимной жизни, менять работу и учебу, отдавать другим людям свое жилье, переезжать за тысячи километров, уходить в монастыри... А чего сто́ят его публичные обличения, когда человека позорили на глазах у всех собравшихся? В постановлении «о младостарчестве» нет ни одного нарушения пастырской этики,

которое бы Наум не нарушал систематически как до, так и после публикации постановления. И знаете, что отвечали мне на это поклонники отца Наума? «Закон написан о младостарцах, а не о нем. Ведь наш Батюшка — самый настоящий старец».

«Наумовский круг»... Мне хотелось бы назвать это сообщество «наумовским многоугольником», в котором каждый темный угол обозначал бы очередную опустошенную человеческую душу. Но, пожалуй, образ круга будет самым точным. Подобно тому, как свет никогда не может покинуть черную дыру, вечно двигаясь по кругу ниже горизонта событий, так и человек, единожды попавший в круговорот наумовского мракобесия, отныне обречен был навсегда крутиться вокруг своего обожаемого идола, без малейшей надежды вырваться и перейти на какой-то новый духовный уровень. Заботился ли он об их интеллектуальном развитии? Наум, помнится, неподъемными стопками раздавал различные нравоучительные книги, большей частью — фолианты с говорящим названием «Азбука», в которых прописные истины перемежались с наивными историческими мифами. По слухам, он сам и являлся их автором, хотя я в это не верю. Я не видел, чтобы он давал кому-нибудь Мейендорфа, Флоренского или Шмемана. Говорят, что батюшка любил простоту. Или все-таки темноту? При том что среди его чадии было много специалистов с высшим светским образованием и даже с научными степенями, полученными еще в безбожном советском прошлом, — степень их нынешней религиозной необразованности наводила на меня тоску неопишемую. Они как будто все сразу глупели и деградировали под его духовной опекой. Вместо осмысления церковных догматов — полный набор приходских суеверий и истеричной апокалиптики: начиная со срезания разных «крестов» на подошвах (у моего друга-семинариста старец лично пытался исковырять единственную, «сатанинскую» куртку), поисков «порчи», подброшенной соседом-колдуном через забор, заканчивая шестерками в паспортах и пресловутым ИНН-ом. Когда в пылу спора я спросил одну из наумовых чадышек: «Так чем же отличаются католики от православных?» — то ответом было: «Ну, у них, по-моему, священникам можно много раз жениться, а у нас только один раз». Эта женщина, к слову, окормлялась у Наума 25 лет.

Так, может быть, при всей своей богословской неискренности они хотя бы возрастали духовно? Да, нужно сказать, что многим чадам о. Наума была свойственна какая-то экзальтированная щедрость. Они делились вещами

с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, часто помогали друг другу. В тяжелые девяностые годы это было действенным средством взаимопомощи и приносило большую пользу. Но все это было опять-таки как-то «по благословению» или «по заповедям», а не из живой потребности души. Это больше походило на внутриобщинную кассу взаимопомощи, чем на плод бескорыстной христианской любви. Мне иногда казалось, что у каждого из них открыт на небе накопительный счет, где учитываются и складываются все сделанные добрые дела. «Зачтется на небе» — было очень популярным выражением. Причем, учитывались только добрые дела по отношению к другим чадам отца Наума или хотя бы просто православным (хотя последние благодеяния котиrowались не так высоко). Если бы израненный евангельский купец не встретил милосердного самарянина, то он вполне бы мог истечь кровью в ином наумовском огороде, потому что был не чадом отца Наума, а евреем. Мне самому неоднократно помогали, и за это я остался очень благодарен этим людям. Но, господи, какой отчаянный ропот поднялся среди моих бывших знакомых, когда я ушел от отца Наума! Все их добрые дела пошли прахом, ничто теперь не зачтется на небесах.

Что же касается остального, то никакого духовного роста среди наумовских чад я не наблюдал, если, конечно, не учитывать процесс постепенного умножения монашеских одежд на разных отдельно взятых индивидах. В вопросах познания добра и зла наумовская чадия также находилась в состоянии блаженного эдемовского неведения. По каждому маломальскому вопросу духовные дети мчались к Науму: ничего без его благословения решать было нельзя. Причем это касалось не только духовных вопросов, но и простых житейских. Как мрачно иронизировал один случайный «заезжанин»: «Да они тут без батюшкиного благословения срать не садятся». Одна женщина спрашивала у него благословение купить пальто взамен обветшавшего. Другая испытывала волю Божью, куда девать народившихся козлят. (Кстати, к козам старец вообще был очень равнодушен, «благословляя» их налево и направо, во все дворы и огороды. Козлиная порода должна быть благодарна ему за такую свою реабилитацию в глазах христианского сообщества.) Сам я выстоял многочасовую очередь, чтобы попросить благословение купить себе наручные часы, и отдельно уточнял, нужно ли мне покупать механические или допустимо иметь электронные. В среде наумовских чад это было

абсолютно нормальным. И с одними и теми же вопросами человек мог ходить к Науму не годами — десятилетиями. Даже на бесплодной скале иногда умудряется вырасти какая-нибудь чахлая сосенка. Из наумовской пустыни не могло вырасти ничто и никогда. Честный пастырь давно бы ушел бы за штат по причине профнепригодности, но только не Наум. Настоящий духовник должен быть путеводителем ко Христу, помогать человеку возрастать духом и разумом. Но Наум умел приводить людей только к своей собственной персоне. И, судя по всему, очень любил это занятие.

Впрочем, говоря о невозможности когда-либо вылететь из наумовского круга, я сильно преувеличиваю. Как отдельные фотоны, если верить Хокингу, порой могут улететь от черной дыры восвояси, так и некоторые люди, получившие неподъемное благословение, в ужасе уносились от него в мощном центробежном порыве, чтобы никогда не вернуться вновь. Я помню растерянные глаза молодого отца семейства, которому в наумовской лотерее выпала Божья воля немедленно со всем семейством переезжать с Дальнего Востока во Владимирскую область. Какая была дальнейшая судьба у таких людей? Им нужно было либо ломать всю свою устоявшуюся жизнь через колено, либо жить дальше с тяжким бременем невыполненного благословения святого старца. Наконец, благодаря отцу Науму я и сам через пару лет благополучно потерял веру, определив для себя: «Если это и есть высший свет православия, то больше я православным быть не хочу». Но кто из наумовской чадии оценит вес мельничного жернова, уготованного Науму за мою соблазненную душу и души других от него претерпевших? Не смешите мои камилавки. Вы, малoverы, сами во всем виноваты. Потому что не смирились.

Да и как можно было тут не потерять веру, если все происходящее подавалось не каким-то частным случаем духовной практики, лишь одним из возможных путей, а самой густой квинтэссенцией православной святости, самым правильным, самым узким путем? Помните чеширского кота, который в Стране Чудес убеждал Алису, что «все мы здесь немного „того“»? Считаю, что такого кота им всем очень не хватало. Если бы возле наумовской проходной на ветке, топорща усы, сидело в качестве чеширского кота одно из его духовных чад и заявляло каждому вновь приходящему: «Вы только учтите, что все мы здесь слегка с прибабахом. Ну а чего вы, собственно говоря, хотите: это же русское народное православие — Страна Чудес.

Не судите строго нас, убогих: уж спасаемся как можем». Так вот, если бы там сидел такой кот, то всем было бы только лучше, потому что это было бы правдой и побуждало людей более критично относиться к происходящему. Не нравятся откровения архимандрита Наума — иди слушай проповеди митрополита Антония Сурожского или лекции профессора Осипова. Но вместо честного сказочного кота, к сожалению, звучал лишь стройных хор голосов, побуждавших тебя войти и познать волю Божию. И поневоле вставал вопрос: если православная святость такова, то каково тогда все остальное?

Мне еще определенно повезло: инъекция этой духовной сивухи не полностью отравила мой разум. Как до переезда в Сергиев Посад я из протеста перед провинциальным мещанством стремглав прямо-таки ринулся в духовность, так и теперь я запротестовал против того насилия, которое творили над моей душой. Несмотря на попытки направить меня на послушание в очередной возрождающийся монастырь, в конце концов я вернулся обратно, на свою малую родину и поступил в университет. Спустя годы я побывал в Троице-Сергиевой Лавре уже другим человеком, много прочитавшим и осмыслившим. Отец Наум мне теперь представлялся исключительно страшным пауком, сидящим в своей келье среди раскинутых тенет, ловцом человеков в худшем смысле этого слова. Как ночные мотыльки, летящие на свет лампы, попадают в паутину, так же вся эта «чадия» о. Наума представлялись мне опасной ловушкой на пути неопытных людей, летящих на свет позолоченных лаврских куполов и перекрестий. Пустые, высосанные хитиновые оболочки бывших колючих ос и хлопотливых бабочек теперь послушно висели на липких нитях, концы которых сходились в келию о. Наума. Потряс за одну нить — и человек стремглав летит из города А в монастырь Б, где срочно нужны дармовые рабочие руки. Потряс другую — и девушка покорно выходит замуж за незнакомого поповича. Потряс третью — и духовная дочь «за послушание» переписывает квартиру на другое духовное чадо. В унисон с нитями шуршат и качаются вокруг повелителя высосанные мертвые оболочки, создавая иллюзию синхронного движения, новой жизни, особого инобытия, подчиненного единственно Божьей воле, изреченной великим старцем.

Хочется спросить: а как относилась к происходящему окружающая церковная полнота? Судя по всему, по-разному. Некоторые ужасались. Когда я одному уважаемому московскому священнику рассказал о том, что соблазнился

поведением своего духовника и привел несколько самых отвратных примеров, то он догадался сразу же: «Это ты о Науме говоришь, что ли? Да, к сожалению, есть такое явление...» Другие посмеивались. Лаврские остроусловы наумовскую чадию называли за глаза «НАУМ Синрике» по созвучию с японской тоталитарной сектой. Третьи искренне считали, что сам Наум в общем-то неплохой, это непонимающие люди все извратили. Но о мнении этих, третьих, я уже высказался выше. Как говорили врачи в древности: «Все яд и все лекарство». Разница только в дозировке. Кому-то, наверное, встреча с Наумом действительно пошла на пользу. Готов предположить, что таких даже большинство; если, конечно, доверять количеству посвященных ему панегириков в сети. Если вы из их числа, то просто сидите и радуйтесь, что исцелились мухоморной настойкой. Но поймите, что есть несчастные, которые сидят и жрут этот мухомор целыми корзинами. Благо, что и сам этот гриб внешне выглядит ну очень притягательно.

А что же церковная власть? Она долго ничего не замечала и лишь в конце девяностых, спустя десятилетие после начала триумфального (или вакханального?) шествия «гуруистских» общин по стране, оценив поток жалоб и воплей потерпевших, разродилась наконец постановлением «о младостарчестве». Там было ясно указано, что духовник должен очень осторожно вмешиваться в личную жизнь человека и были прямо перечислены вещи, которые он не имеет права делать вообще. Ни под каким соусом из «Божьей воли». Вы думаете, в нашем случае это кому-то хоть как-то помогло? По моему мнению, архиереи имели над подобными гуруистскими общинами не больше власти, чем над какой-нибудь сектой иеговистов или сайентологов. Не знаю, видел ли это постановление сам Наум и прочие ему подобные, но я никак не могу понять, как синод собирался претворять этот закон в жизнь. Они там, видимо, считали, что в трапезном подклете наумовские благословения печатались на фирменных бланках и выдавались на руки вместе с обходными листами. Принесите доказательства нарушений — а мы ему запретим! Конечно же, никаких доказательств не было и не могло быть: Божья воля изрекалась устно. Ну пришел ты потом к архиерею и пожаловался, что духовник велит вам с женой прекратить совокупляться, продать дом и готовиться к постригу. Архиерей тебя своей властью охотно освободит от «бремен неудобноносимых» — а дальше что? Разве архиерейское постановление

может отменить Божью волю? Или земная иерархия стала выше иерархии небесной? Или закон стал выше благодати? Да никакие богословские аргументы и патриаршие указы, никакие каноники и архиерейские соборы никогда не исцелят той язвы, которую прожгло в душе человека отринутое благословение, никогда не остудят тех углей, которые он сам же сгреб себе на голову своим непослушанием. Не понимать этого, значит не понимать самую суть духовного состояния, в котором пребывает современный старцепоклонник.

Но долгое молчание официального церковного законодателя имеет, на мой взгляд, и другие причины. В девяностые годы в церковной жизни начали происходить события, в принципе изменившие для церкви ценность таких кадров как почтенный старец, герой нашего рассказа. Государство стало массово возвращать церкви монастыри — неоценимый финансово-хозяйственный актив, который только еще предстояло освоить. Экспроприированные когда-то монастыри советской властью были приспособлены под цели, очень далекие от религиозных нужд, частью вообще лежали в руинах, они нуждались в спонсорах, льготах, стройматериалах, рабочих руках. Но более всего они нуждались в братии. Действительно, монастырь можно восстановить и на спонсорские деньги руками наемных гастарбайтеров, но разве можно представить монастырь без насельников? Как убедить государство отдать монастырь, если в нем некому молиться и жить? А что, если, заглянув в пустующие кельи, власть остановит свою щедрую реституцию? Думая о специфических путях русского церковного возрождения, я прихожу к горькому выводу: лучше бы их тогда не восстанавливали вообще. По крайней мере в таком несусветном количестве и такими большевистскими темпами. Лучше бы они остались кричащими памятниками нашему традиционному безумию, сухими костяками высились на окраинах сел, скребя заплывшие души обывателей, чем превратились в изобильные древнеримские латифундии под руководством клонов матушки Николаи. Перефразируя известного русского социалиста, скажу: к началу девяностых российская история еще не смолола той муки, из которой церковь смогла бы испечь кулич возрожденной Святой Руси. Но разве у нас в стране для кого-то становился не разрешимой проблемой не готовый человеческий ресурс? Раз Бог обещал, что из камней может создать новых сынов Аврааму, значит сможет создать и монастырскую братию из разбросанных кирпичных обломков, никуда Он не денется.

И зубчатые кольца монастырских стен завертелись на полном ходу, подобно каменным жерновам перемалывая человеческие судьбы.

В эти годы отец Наум точно пришелся ко двору, в это время изливаемая им Божья воля хлынула в аккурат по главному руслу церковной политики. Подозрительный «темный двойник» услужливо улегся церкви прямо под ноги и засеменил рядом, неотступно, как тень. У церковной власти была нужда в многочисленных монахах, которые бы стали выводить на полные производственные мощности неожиданно свалившийся на голову монастырский актив. А у Наума и подобных ему других церковных «гуру» была под руками послушная масса народу, жаждущего претерпеть за Божью волю, а также, видимо, были большие личные амбиции максимально расширить свой духовный авторитет. Это стало торжеством третьего закона диалектики: сомнительный, практически маргинализировавшийся элемент официальной церковной жизни вдруг возвращается обратно в систему, чтобы стать важнейшим приводным ремнем новой церковной экономики, главным монастырским рекрутером, поставщиком пушечного мяса для скорейшей и всеобщей победы Святой Руси. Если в другие годы, как до, так и после, наумовская Божья воля действовала весьма избирательно, способная даже опытного сценариста удивить своей витиеватостью, то в девяностых она застрочила строго в одно место, подобно раскаленному стволу расстрельной машины: «В монастырь, в монастырь, в монастырь». Поступать в институт? Найти мужа? Остаться ухаживать за старой больной мамой? В мо-на-стырь! И старую больную маму туда же! «Какой у нас отец Наум строгий! — со страхом и восторгом качала головами наумовская чадия: — Всех ведь в монастырь отправляет!»

Нет, конечно, о. Наум был не одинок в своих трудах. Целая гильдия тружеников, подобных ему, ретиво работала над заполнением монастырей на конвейерной сборке нового русского монашества, массово забривая лбы желторотым доверчивым неопитам. Но он, пожалуй, был одним из самых продуктивных и авторитетных. Одним только игуменьям его призыва несть числа. Надеюсь, ему хотя бы дали за это орден. Но у меня из всех деяний отца Наума этот беспощадный монастырский рекрутинг девяностых вызывает наибольшее омерзение.

Вы не задумывались, сколько бывших мужских монастырей возродились в новую эпоху в качестве женских обителей? Мне кажется, каждый второй

или третий. Для них просто не хватило мужчин-насельников. Но разве это проблема? Не получилось с братией, значит будет сестрия! Как Мария Бочкарева сформировала когда-то свой женский ударный батальон на стыд закишим в окопах мужикам, так и нынешнее теплохладное воинство Христово пусть поведут в бой новые девы-воительницы. Женская душа легче поддается внушению, а вкупе с высокой социальной уязвимостью в переходную эпоху — все это делало женщин просто идеальным объектом для массовой промывки мозгов. (Вообще, Наум считался специалистом именно по женской части аудитории, и, говорят, очень любил копаться на исповеди в разных бабских непристойностях: с кем, сколько раз, в каких позах. Иногда даже вслух и прилюдно. Некоторым женщинам очень импонировало такое духовное заглубление.) Романтичные девчонки, приехавшие к старцу за советом, вчерашние пионерки, притащенные в подклет крепко перемолившимися, закомплексованными матерями, просто женщины, временно сбившиеся с пути, — часто их тут же загребали прямо из кельи старца на очередную монастырскую стройку игуменьи, духовные дочери отца Наума, приезжавшие пожаловаться на нехватку дармовых рабочих рук. Нет, их большей частью никто не тащил на арканах, одни с радостью, другие с молчаливой покорностью, третьи их страха за «ослушание», — но в основном они ехали сами, добровольно. Если, конечно, не учитывать чудовищного прессинга наумовской среды, включая самую близкую родню. «Ты что это, дочка, что значит: „Не поеду?“ Ты что, Божью волю хочешь нарушить? Скорбей себе ищешь?»

Именно близкие родственники, которые должны быть опорой неокрепшему человеку, часто предавали его в первую очередь, ломали последний рубеж обороны. Из самых лучших побуждений, да-да, тех самых, которыми выслана дорога в ад. В поддержку Божьей воле им приходилось искать свои веские аргументы. Одну мою хорошую знакомую усиленно пыталась убедить уйти в монастырь мать, в свое время сама осмелившаяся не выполнить подобное благословение отца Наума и переживавшая об этом долгие годы: «Я не смогла, так значит ты за меня должна Божью волю исполнить!» Другую девицу отправили, доказывая, что у бедняжки якобы пьющая и гулящая мать — вдруг бесы по наследству и на дочь перекинутся. Это несмотря на то, что она уже много лет жила отдельно, у богомольных родственников под боком у Наума. «Таким, как она, нужны стены! — вещал прозорливый старец. — Вкусит вина — будет пьяницей. Вкусит блуда — станет

блудницей!» Но ведь под такими предложениями можно свезти в монастырь всю страну... Третью, которая все чудила и замуж хотела, упихали за стены, постоянно раздувая и преувеличивая ее мелкие болячки: «Ты вся больная — родить не сможешь! Родить не сможешь — с мужем жить нельзя! С мужем жить нельзя — какой тебе брак? В мо-на-стырь!» Спрашивается: если человек чем-то болен, то почему бы просто не направить его в больницу пролечиться?

Я часто наблюдал за наумовскими новобранцами во время своих паломнических поездок, пока перекидывал тяжелые кирпичи в живой цепочке: ясный и сильный взор новообращенного, просто Мария Кикоть в свой первый день. У многих благословение святого старца перечеркнуло все жизненные планы, многие вообще никогда не задумывались о монашестве, но они с рьяностью вчерашних комсомолок взвалили на плечи тяжкий монастырский подвиг. Были и такие, что приезжали к Науму практически перед самым венцом, чтобы благословиться, но узнав, что им Божья воля идти в монастырь, не смогли ничего возразить. И поначалу все это мне совсем не казалось страшным.

В древности перед началом важного строительства в землю иногда заживо закапывали девственниц. Всероссийский монастырский проект практически возродил этот дикий обычай. Когда я гляжу на возрожденные монастыри, то с печалью думаю о девичьих судьбах, которые погребли эти неподъемные стены. (И зачем игумены, кстати, так рьяно окапывались, зачем возрождали все эти средневековые укрепления вместо того, чтобы потратить ресурсы на воскресную школу, детский приют, сестринский корпус? Чтобы насельницам было труднее убежать? Или чтобы посторонние не соблазнялись происходящим?) Поначалу, в порыве неофитского воодушевления, нагнанные девчонки работали и молились практически денно и нощно. Но какой наступил «потом»? Сколько осталось в монашеских рядах из тех, что пришли по первой массовой мобилизации? Сколько их разбежалось из этих монастырей, когда иссяк первоначальный душевный подъем, когда выяснилось полное несоответствие монастырского уклада личным запросам души, несоответствие данной общины самим принципам христианской жизни? Некоторые просто бегали из монастыря в монастырь, полагая, что их духовный кризис связан только с личностью данной настоятельницы, некоторые пытались создать свои независимые «квартирные» общины. Вчерашние монашки возвращались к родителям,

коротали век старыми девами в миру, попадали в психиатрические клиники... Некоторые создавали-таки семьи и рожали детей. Но ведь, единожды приняв, монашеские одеяния просто так не скинешь с плеч, как спецовку сварщика или халат фармацевта. Мантия, как переводная картинка, красит душу в соответствующий цвет. Преданные иноческие обеты на всю жизнь остаются тяжелым духовным бременем, вместе с нарушенным благословением святого старца отравляя душу и разрушая жизнь...

Могут мне возразить: но ведь большинство осталось. Да, поверю им на слово, что большинство осталось в монастырях. (Все равно ведь статистики не ведется.) Верю, что многие инокини Хотьковского монастыря, куда осенью 2017 года привезли тело Наума, оплакивали его искренне. Но опять же: остались в монастырях в качестве кого? В качестве невест Христовых и духовных светочей для мирян? Или в качестве шестеренок монастырского хозяйства, учетных единиц церковной статистики, цифрами которой можно гордо трясти на очередном епархиальном собрании? Остались по призванию или потому, что просто некуда идти? Те слезы, которые они годами лили в своих кельях, пока окончательно не смирились, — очень часто это были не те слезы, которые воспеты «Лествицей» или «Добротолюбием». Часто это были слезы больших несчастных детей, слезы, о которых писал Достоевский, слезы, даже малой толики которых совсем не стоили все эти наши возрожденные монастыри. У Гюго в романе «Человек, который смеется» рассказывается о секте компрачикосов, которые воровали и специально уродовали детей, чтобы потом продать их в качестве цирковых паяцев и шутов в господские дома. Наумовская чадия во время своего беспощадного монастырского рекрутинга девяностых уподобилась таким же компрачикосам. Неофиты, затолканные в тесные деревянные бочки тотального послушания, возрастали людьми, духовное развитие которых никак нельзя было назвать нормальным. Наумовская община гребла по волнам житейского моря (а они очень любили сравнивать себя с кораблем), редко оглядываясь, чтобы посмотреть, куда же потом побредет брошенный на пустынном берегу очередной изуродованный Гуинплен.

А сам отец Наум, подозреваю, воображал себя неким последователем Сергия Радонежского. Как ученики преподобного когда-то затеплили по всей Руси лампы возрождающейся монашеской жизни, так игумены наумовского призыва и наумовской же закваски пауками расплозились

по миру, так же «бабачить и тыкать» с высоких стасидий, месить и направлять послушную Божью волю властными взмахами дорогого игуменского посоха, наслаждаться властью над покорными чадами. На земле иногда находят метеориты, прилетевшие прямо с Марса, и астрономы их очень ценят. Как по этим камням можно изучать исходное марсианское вещество, так и в разлетевшихся повсюду выпускниках отца Наума повсеместно узнается источившая их твердокаменная духовническая порода.

Но тут закономерно встает вопрос: а так ли уж велика степень вины самого о. Наума, о. Власия и других подобных им духовников за судьбы тех людей, которые им отдаются? Это чрезвычайно важный вопрос. Показательно, что лично я всего лишь пару раз слышал, чтобы сам отец Наум говорил, что изрекает волю Божью. Но зато об этом без конца твердило все его окружение. Короля делает его свита. Российский политический авторитаризм зиждется на вере русских людей в доброго и справедливого царя. Отцы Наумы вырастают из глубокого духовного одичания весомой части нашего православного народа. И сам по себе анализ духовного мира этих людей, этой питательной среды, в которой вырастают подобные «наумы», представляет большой интерес для исследователя.

ВОСПИТАННЫЕ СТАРЦАМИ

Григорий Нефедов

Думаю, я не уникальный человек в русском православии. Нас много таких — пришедших в Церковь в девяностые-двухтысячные. Мы воспитывались не на интернете, а на книгах. Книги эти мы покупали в храмах, нам их привозили из монастырей друзья-паломники. Мы — и я — жадно впитывали мудрость православия из этих книг — часто репринтных изданий, на плохой бумаге, с ятями — это придавало им еще больше «духовного шарма» и убедительности. Ведь то книги из времен Святой Руси, часто написанные святыми людьми. А кто в православии главные святые и главные учителя духовной жизни? Конечно монахи.

Не только я, но и многие из вас захлеб читали книги Нилуса — о старцах, монастырях, книги Евгения Поселянина, читали «Летопись Серафимо-

Дивеевского монастыря», беседу Мотовилова с батюшкой Серафимом, жития оптинских старцев. Все мы учили наизусть молитву оптинских старцев.

Я очень любил читать жизнеописания оптинских старцев. Особенно мне нравилось то, что к старцам приезжали за советами великие умы: Толстой, Достоевский, Леонтьев, Киреевский...

Оттуда в нашу православную повседневность вошли «мемы», которые в православно-приходской среде воспринимаются до сих пор как вершины премудрости: «Где просто — там ангелов со сто», «Ты умен, зато не игумен» и подобные. Хотя если вдуматься, то окажется, что это стало употребляться в качестве оправдания «простоты», которая в реальности хуже воровства. А этой простотой пользуются нынешние «старцы» и духовники, ломая жизни людей.

Или вот я очень любил читать дневники последнего Оптинского старца Никона (Беляева). Такие светлые, высокодуховные, мудрые записки... А тут, спустя годы, они опять попались мне на глаза, и я перечитал их уже по-новому...

Отец Никон часто в пример приводит слова «Батюшки» — это его духовник, старец Варсонофий (Плиханков), — например, такие:

«Один человек говорит:

— Читаю я псалтирь, но ничего не понимаю. Может быть, мне гораздо лучше положить эту книгу на полку.

А старец отвечает:

— Нет, не надо.

— Почему же? Ведь я ничего не понимаю.

— Зато бесы понимают. Они понимают, что там про них говорится, не могут вынести и бегут. Следовательно, чтением Псалтири мы прогоняем от себя бесов...»

Знакомые ведь всем слова? Даже тем, кто не читал «Дневник» отца Никона. Ну и вот мы все теперь расхлебываем это чтение «для бесов»: ты талдычь, талдычь — правило талдычь, псалтирь, акафистник, службу слушай (делай вид, что слушаешь) — там же святые отцы написали, ну и что, что непонятно, что не про тебя там грехи перечислены, не твои там чувства выражены —

зато бесы слушают и «бегут». Бегут ли? Что-то не верится... Скорее, они животики надрыдают от нашего молитвенного талдыка, якобы пугающего их.

Или вот история про уходы из монастырей:

«На днях Батюшка говорил о том, как опасно уходить из монастыря, и в заключение рассказал такие два случая. Первый, кажется, современный, т. е. бывший, может быть, лет 5-10 назад.

„Один богатый купец имел сына, этот сын поступил в одну из св. обителей, но не ужился в ней и ушел в мир, т. е. из чертогов царских — в вонючее болото. Вскоре после ухода он женился и жил с женой и детьми в своем доме. Потом он понял, чего лишился, но было уже поздно. И вот однажды удалось ему как-то достать у старьевщика старый рваный послушнический подрясник. Принес он подрясник домой и в большие праздники удалялся в самую дальнюю комнату — моленную, надевал этот подрясник и предавался горькому плачу, вспоминая свое житие в св. обители.

И вот еще: однажды в баню пришел какой-то человек с маленьким сыном. Разделись. Отец сел на лавку, а сын все смотрит ему на спину. Тогда отец спрашивает сына:

— Ты что смотришь мне на спину?

— У тебя на спине, папа, какое-то черное пятно.

Тогда отец понял, что невинному чистому младенцу были открыты глаза, и что это черное пятно ничто иное, как параман, ибо он прежде был монахом“...»

Знакомая ведь страшилка, правда? Про параман в виде пятна — это потом тоже стало «мемом», ходило в народе. Я сам в те далекие времена в это все верил, читал, и волосы шевелились от ужаса. Вот, мол, как высоко монашество и как мерзок мир — «вонючее болото»! И даже сам всерьез подумывал о монашестве. Славе Тебе, Господи, что отвел меня от этого.

А теперь читаешь «Ахиллу», истории монахов, монахинь, которые по каким-либо причинам ушли из монастырей — женились ли, или из-за духовной атмосферы в тех «царских чертогах», — и думаешь: скольким наивным юношам и девушкам все эти старцы прежних времен загубили судьбы... Начитались те книжек высокодуховных про «царские чертоги» и ломанулись

поднимать обители, постриги принимать... А глядь — вокруг не старцы Варсонофии да Амвросии с Никонами, а Наумы да Власии, о которых тоже на «Ахилле» мы читаем...

Или вот история, старец Варсонофий рассказывает байку о некоем казанском архиерее Афанасии, разумеется, тоже святом и прозорливом:

«Характерная черта многих святых: позвать гостей, радушно принять их и угостить — замечалась и у преосвященного Афанасия. Он любил в праздники позвать к себе гостей. Так и было однажды. После обедни сразу из церкви с гостями он приходит к себе. Попив чайку и несколько побеседовав с гостями, Преосвященный предложил им пообедать. Приказав келейнику подавать обед, он с гостями сел за стол. Подают огромную, прекрасно приготовленную щуку. Посмотрев на нее, Владыка говорит:

— Ее кушать нельзя, она проклята.

Все несколько удивленно посмотрели на Преосвященного.

— Она проклята, ее есть нельзя, — повторил Владыка. Призывает келейника и приказывает убрать ее со стола. Тот даже не решается убрать. Тогда Преосвященный велит позвать повара. Тот приходит. Владыка смотрит на него и, замечая завязанный палец, спрашивает:

— Что у тебя с пальцем?

— Порезал нечаянно, Владыка святой.

— А что ты при этом сказал?

— Простите, Владыка, я сказал: чтобы ты была... нехорошо сказал.

— Ну, вот видишь, теперь ее есть нельзя. Эту бросьте, а другую надо приготовить. Вот видите, даже проклятие простого человека — повара, так сильно действует...

— Собственно, Батюшка, — спросил я, — непонятно, как это узнал владыка Афанасий, и почему нельзя после проклятия есть?

— Проклятие повара произвело в рыбе какие-то изменения, которые Преосвященный заметил своими прозорливыми очами. Вследствие этих изменений нельзя стало кушать рыбу. Этим объясняется, почему в миру, в богатых домах, в самых дорогих кушаньях нет того вкуса, который

мы ощущаем в наших кислых щах: там все делается без молитвы, с руганью и проклятиями, а у нас в монастыре с молитвою и благословением».

Ну да, а вслед за этими «святыми» анекдотами и до сих пор ходят по православным книжкам истории про «опыты»: как над одними растениями молились, а над другими матерились, и первые давали плод старицей, а последние чахли и даже ДНК у них «портилось». Или про надой молока с коровами та же байка.

Выглядит смешно, а посмотрите, сколько вреда в церковную жизнь все это принесло. Ведь это не бабки-суеверки нашептали — это святой оптинский старец Никон передал слова святого старца Варсонофия, который рассказал про святого прозорливца архиерея. Чего вам еще надо, каких аргументов и авторитетов? Вот так все и есть, как сказано тут — или вы неверующие скептики и слова святых для вас тьфу на палочке?..

И это только так, мелочи из одной книжки замечательного в общем-то подвижника, а сколько подобных книжек, да еще похлеще, ходило и ходит до сих пор по Руси православной?..

Началось наше духовное возрождение в девяностые с книжек старцев, да кажется, что и разложение наше — оттуда же...